

Г. ЭМАР

Г. ЭМАР

Scan Kreyder - 03.12.2017 - STERLITAMAK

Г. ЭМАР

Г. ЭМАР

собрание сочинений
в двадцати пяти томах

МОСКВА
«ТЕРРА» – «TERRA»
1995

Г. ЭМАР

собрание сочинений
в двадцати пяти томах

том пятнадцатый

Форт Дюкен

Атласная змея

МОСКВА
«ТЕРРА» – «TERRA»
1995

ББК 84.4Фр.
Э54

Оформление художника
А. Евдокимова

Оригинал-макет подготовлен
Гуманитарным центром «ЭПРОР»

Эмар Г.
Э54 Собрание сочинений: В 25 т. Т. 15: Форт Дюкен;
Атласная змея / Пер. с фр. — М.: ТЕРРА, 1995. —
304 с.

ISBN 5-300-00015-9 (т. 15)

ISBN 5-85255-092-2

В настоящий том Собрания сочинений известного французского писателя Гюстава Эмара (1818—1883) вошли романы «Форт Дюкен» и «Атласная змея».

Э $\frac{4703010100 - 078}{A30(03) - 95}$ Подписное

ББК 84.4Фр.

ISBN 5-300-00015-9 (т. 15)
ISBN 5-85255-092-2

© Издательский центр
«ТЕРРА», 1995

ФОРТ ДЮКЕН

ГЛАВА I

Граф де Жюмонвилль

Многим ли известно, что во времена Людовика XIV и Людовика XV большая часть Северной Америки принадлежала Франции? В ее владения входила Новая Франция, нынешняя Канада.

Позднее эта богатая страна перешла в руки англичан. В настоящее время они владеют лишь незначительной ее частью.

Трудно сказать, что побудило нас пойти англичанам на уступки.

Кровь лилась рекой. Самые лучшие, самые замечательные люди посвятили жизнь делу колонизации Новой Франции, забывая о себе ради славы своей родины. Но судьбе было угодно распорядиться иначе, и Франция потеряла Канаду.

Это было большим ударом.

По сей день у французов существует ложное представление о Канаде, будто это маленькая, редконаселенная страна с суровым невыносимым климатом. Мало того, говорят, что это пустыня, покрытая вечным снегом, где живут только дикие звери и свирепые индейцы.

За это заблуждение французы дорого заплатили.

Вот вкратце и вся история.

Новая Франция во времена французского господства представляла собой треугольник с основанием на севере Гудзонова пролива, а вершиной в Мексиканском заливе, немного южнее Нового Орлеана. Каждая сторона треугольника имела не менее 3800 километров, а площадь его равнялась почти 1 200 000 квадратных километров, то

есть была в одиннадцать раз больше площади, занимаемой ныне Францией.

В одной лишь Канаде насчитывалось двадцать пять тысяч жителей. Это была самая развитая в торговом и промышленном отношении страна Северной Америки.

Во время, к которому относится начало нашего рассказа, в Америке снова вспыхнула война между Англией и Францией, спровоцированная отнюдь не представителями французского правительства в колонии. Следует заметить, что войну эту англичане вели с неслыханной жестокостью, нарушая все нормы и законы. Обычно они начинали военные действия без объявления войны, не считая нужным даже найти какой-нибудь предлог.

В доблести и отваге англичанам отказать нельзя, но подобный образ действий темным пятном ложится на правительство этой страны.

27 мая 1754 года, около шести часов вечера, отряд из тридцати четырех человек вышел на небольшую поляну.

Поляна эта находилась в одном из громадных лесов, покрывавших в это время берега Орио, или, как ее называли французы, Красивой реки, тянувшихся до границ Виргинии — владений Англии.

Отряд совершил долгий и утомительный переход, пробираясь почти непроходимыми лесными тропами. И хотя отряд состоял из привыкших с детства к лишениям индейских воинов и славившихся своей выносливостью канадских охотников, и те и другие буквально падали от усталости. Неудивительно, что, достигнув поляны, каждый невольно издал крик радости.

Офицер, начальник отряда, молодой человек лет двадцати пяти, с тонкими, выразительными чертами лица, был одет в мундир капитана королевского флота.

Он первым вышел на поляну и отдал приказ расположиться лагерем.

Воины только и ждали этого и дружно принялись за работу. Зажгли сторожевые огни, принялись готовить еду.

Капитан сидел у огня на поваленном дереве, поставив локти на колени, обхватив голову руками, и погруженный в свои думы рассеянно смотрел на вылетающие из костра искры.

Воспользуемся этими минутами затишья и объясним появление вооруженного отряда на этой поляне, вдали от всякого жилья.

Несколькими неделями ранее Денвиди, губернатор Виргинии, назначенный британским правительством, выслал большой отряд, приказав занять земли по Орио, принадлежавшие французам.

Заметим, что англичане по своему обыкновению снарядили эту экспедицию, когда никто и не помышлял о войне, нарушив тем самым правила ведения войны в цивилизованных странах.

Экспедиционным отрядом командовал майор Вашингтон, тот самый, который впоследствии прославился, освободив отечество от англичан. Высланный им авангардный отряд под началом прапорщика Уарда смело вступил в наши владения и даже выстроил на берегу Орио форт, которым вскоре овладели французы, взяв весь гарнизон в плен.

Несмотря на это, комендант форта Дюкен (в настоящее время город Питтсбург, один из богатейших в Соединенных Штатах), генерал де Контркер, желая избежать превратностей войны, отправил к английскому начальнику одного из своих адъютантов, капитана морского полка, с требованием немедленно покинуть французскую территорию, куда он проник незаконно.

Адъютантом этим был граф де Жюмонвилль.

Граф быстро приготовился к отъезду. Де Контркер дал ему вооруженный отряд, поскольку на дороге могли встретиться вооруженные племена индейцев.

Этот-то отряд из самых храбрых и надежных воинов и расположился бивуаком на лесной поляне.

Граф де Жюмонвилль так торопился выполнить возложенное на него поручение, что за пять дней изнурительного пути ни разу не дал воинам отдохнуть. Зато теперь он мог надеяться, что на другой день около полудня подойдет к первым английским аванпостам.

Размышления капитана прервал подошедший к нему канадский охотник.

— Капитан, — произнес он, почтительно кланяясь.

Граф де Жюмонвилль поднял голову, очень недовольный тем, что канадец, нарушив военный этикет, заговорил первым.

Но охотник стоял с невозмутимым видом, ожидая, пока начальник обратится к нему.

Наконец капитан улыбнулся:

— Это ты, Берже? Что тебе нужно?

— Поговорить с вами, — коротко ответил тот, кого граф назвал Берже.

— Садись, я тебя слушаю.

Канадец опустился на землю у ног своего начальника.

Высокого роста, широкоплечий, крепкого телосложения, он обладал недюжинной силой, о чем говорили истинные железные мышцы, вздувшиеся под кожей, непропорциональная голова с квадратным лбом прочно сидела на толстой шее. Черные глаза с густыми ресницами смотрели открыто и смело. По плечам рассыпались волнистые волосы, перехваченные на затылке ремешком из змеиной кожи. На загорелом до черноты лице пролегли преждевременные морщины. Рыжеватая борода, длинная и густая, скрывала всю нижнюю часть лица и спускалась на грудь, придавая охотнику диковатый вид. Но за суровой наружностью скрывалось доброе сердце. С первого же взгляда можно было определить, что человек этот честный и прямодушный. На Берже был костюм канадского охотника. Полотняная блуза, расшитая белыми нитками, стянутая поясом, в то же время не стесняла движений. К поясу был прикреплен нож с костяной рукояткой, мешочек с пулями и пороховница. Панталоны из крашенины и индейские мокасины хорошо защищали ноги от колючего терновника. На плече висела кожаная охотничья сумка. Приклад ружья был украшен вбитыми в него маленькими гвоздиками с медными позолоченными шляпками.

В Берже, типичном представителе канадских охотников, индейская и европейская кровь смешались настолько, что трудно было определить, какая преобладает. Во всяком случае, он чувствовал себя среди дикой природы как рыба в воде.

Берже был потомком тех нормандских колонистов, которые первыми покинули свои дома, отнятые у них англичанами, и вынуждены были удалиться на север, в леса, где вели полную опасностей жизнь аборигенов. Впоследствии из-за темного цвета кожи их прозвали головешками.

Трудно было определить, сколько лет Берже. Не то тридцать пять, не то все пятьдесят.

Видя, что охотник не решается заговорить, капитан спросил:

— В чем дело? Почему ты молчишь? Все распоряжения

на ночь сделаны, молодцы поужинали и теперь пусть отдыхают, двух человек вполне достаточно.

Канадец отрицательно покачал головой.

— Недостаточно? — удивился капитан.

— Нет, — ответил Берже.

— Что случилось?

— Спать всем нельзя.

— Это я понял по твоему виду, — улыбнулся граф де Жюмонвилль. — Но если ты и дальше будешь говорить загадками, мы проболтаем до самого утра.

— Сейчас не до шуток, — заметил канадец.

Капитан сразу посерьезнел, он знал, что Берже не станет говорить напрасно.

— Надо осмотреть окрестности, — сказал канадец.

— Какие еще окрестности? Разве мы не в пустыне? Кому придет в голову искать нас здесь?

— Я ничего не боюсь.

— Знаю, милейший Берже.

— Но некоторым грозит опасность.

— Ты имеешь в виду меня?

— Да, господин граф.

— Уж не хочешь ли ты меня испугать?

— Нет, я знаю, что это бесполезно. Просто хочу, чтобы вы были осторожны.

— Полагаю, у тебя хватит осторожности на двоих.

— Нет, не хватает.

— Дай мне твою руку!

Берже протянул графу руку, и тот продолжал:

— Видишь ли, милый мой, мы с тобой земляки...

— Верно...

— Оба — нормандцы. Твои предки долгое время верно служили моим...

— И это верно.

— Ты — мой друг.

— Да.

— В таком случае, говори со мной как друг, а не как подчиненный.

— Благодарю, — сказал канадец, отняв руку и отвернувшись, чтобы скрыть волнение, — благодарю, господин граф! Моя семья всегда была предана вашей. И когда там, в Квебеке, я случайно услышал ваше имя, сердце мое затрепетало от радости и я поспешил к вам... Я родом из Новой Франции, но всегда считал себя слугой вашей

семьи и лично вашим. Вы видели, я не заставил себя ждать. Договор между нами заключен. И только смерть может разлучить старшего сына моего отца с наследником графа де Жюмонвилля.

— Рад слышать это... Мы еще поговорим о наших делах.

— Как-нибудь в другой раз, — сказал в замешательстве Берже.

— Да, когда будет выполнено данное мне поручение.

— Разумеется.

— Ты мне все расскажешь. Ведь я многого не знаю.

— Успеем поговорить.

— Я хочу знать, почему покинул Францию твой отец...

— О! Вряд ли жизнь таких бедняков, как мы, может представлять какой-нибудь интерес.

— Все, что касается тебя, мне далеко не безразлично.

— Я всегда к вашим услугам, граф.

— Кроме того, — продолжал граф, — я приехал в Америку за тем лишь, чтобы собрать кое-какие сведения.

Канадец все больше приходил в замешательство.

Граф де Жюмонвилль этого не замечал, потому что в темноте не видел выражения его лица, и продолжал говорить:

— Надеюсь, ты pomoжешь мне?

— Сделаю все, что в моих силах, хотя не очень понимаю, какие сведения вам нужны.

— Речь идет об одном из моих двоюродных дедов...

— А! Теперь понял.

— Он, кажется, был капитаном кариньянского полка.

— Но...

— Вместе с полком он отправился в Америку и там остался.

— Ну, а потом?

— Мы больше не имели о нем никаких известий. Поиски ни к чему не привели. Он словно в воду канул.

— В этом нет ничего удивительного, господин граф. Став колонистом, он, как и многие другие, переменил имя, — неуверенно ответил канадец.

— Зачем?

— Ах, господин граф, европейцу этого не понять. Но когда покидаешь Старый Свет ради Нового, города ради леса, когда почувствуешь, что обрести счастье можно лишь в глубине пустыни, появляется желание отряхнуть

с себя городскую пыль, начав новую жизнь и, само собой, поменять имя.

— Да, — тихо произнес граф. — Возможно, ты и прав. И все же мне хотелось бы знать, какая участь постигла моего родственника.

— Когда-нибудь узнаете.

— Ты думаешь?

— А почему бы и нет? — Волнение не покидало охотника.

Ему очень хотелось поменять тему разговора, но он не решался перебить начальника.

Капитан между тем продолжал:

— Человек, о котором я говорю, пропал более тридцати лет назад.

— Тридцать лет все равно что тридцать дней. Время самый лучший помощник в раскрытии тайн. Можно мне вас спросить?

— Спрашивай.

— Почему вас так интересует судьба вашего деда?

— Да хотя бы потому, что он носит наше имя и мне не безразлично, запятнал он его или нет.

— А если он переименовал имя?

— Возможно ли это?

— Трудно сказать.

— Признаться, в этой истории есть нечто такое, что возбудило мое любопытство.

— Теперь не до любопытства, есть дела поважнее, — тихо произнес охотник.

Пропустив мимо ушей слова Берже, граф продолжал:

— История эта запутанная, я слышал ее еще ребенком. Но помню, отец говорил, будто дед был замешан в кровавой истории.

— Воспоминания детства, — передернул плечами Берже.

— Не совсем так. Внезапное исчезновение деда было связано с какой-то катастрофой. Отец все это знал.

— А вам не рассказывал?

— В подробностях не рассказывал. А если я спрашивал, уходил от разговора.

Берже с облегчением вздохнул:

— Ваш отец, вероятно, считал, что лучше забыть то, что произошло.

— Вполне возможно. Путешествие по лесам, торжест-

венная тишина, поэзия пустыни всколыхнули во мне воспоминания. Но мы в другой раз об этом поговорим. А сейчас скажи, что тебя встревожило?

— Теперь уже поздно! — сквозь зубы процедил Берже.

— Ворчун! — с улыбкой произнес граф. — Что могло произойти за эти несколько минут?

— Ничего. Но вы уверены, что все кончится благополучно?

— С Божьей помощью! Я ведь не предсказатель!

— Конечно.

— И все же, что ты хотел сказать?

— Хотел попросить разрешения отлучиться на час, на разведку.

— Ты, кажется, опасаясь чего-то?

— Признаться, да.

— Чего именно?

— Индейский начальник видел в лесу много следов, я тоже видел.

— Следы охотников?

— Нет.

— Может быть, таких же, как мы, путешественников?

— Нет. Солдат.

— Английских?

— Да.

— Ты не ошибся?

— Я старый лесной бродяга и следы красных мундиров безошибочно узнаю.

— Значит, ты думаешь, что где-то неподалеку бродят англичане?

— Уверен в этом.

— Тем лучше. Таким образом, наш путь сокращается.

— Все же лучше не встречаться с ними.

— Не встречаться?

— Вернуться назад.

— В своем ли ты уме? — изумился граф.

— Не нравятся мне все эти таинственные переходы, марши, контрмарши.

— Но ведь я иду парламентаром к полковнику Фрею?

— Ну и что?

— И к майору Вашингтону.

— Знаю.

— Чего же мне бояться англичан?

— Это как сказать.

— Парламентер — особа неприкосновенная, — с досадой возразил капитан. — Он под защитой закона.

— Здесь свои законы.

— Я даже мысли такой не допускаю.

— Нападение англичан в мирное время как раз и говорит о том, как соблюдают они законы.

— Не каркай, Берже, — с улыбкой произнес капитан. — Ненависть к англичанам делает тебя несправедливым.

— Несправедливым?

— Уважай своих врагов, если хочешь, чтобы они тебя уважали.

— Хорошо. Я больше ни слова не скажу, — обиженно произнес охотник.

— Ты все-таки считаешь, что необходимо принять меры предосторожности?

— Да, конечно.

— Что же, будь по-твоему... Делай что хочешь.

— Только этого мне и надо! — весело вскричал Берже, поднимаясь.

— Надеюсь, ты скоро признаешь свою ошибку.

— Дай-то Бог! Буду рад, господин граф, если опасения мои окажутся напрасными.

— Иди, иди, не забудь только явиться ко мне, когда вернешься.

— Непременно, господин граф.

Берже быстро направился к индейцу, сидевшему у отдаленного костра.

Индеец был уже немолодой человек, высокий, хорошо сложенный, с правильными чертами лица, достойными резца Микеланджело. Его большие черные глаза светились умом. Задумчивое выражение лица, свойственное почти всем краснокожим, сдержанность, словом, весь его благородный облик внушал уважение. На нем были панталоны с кожаным поясом, в который были воткнуты маленькие гвоздики с медными шляпками, коленкоровая рубашка и мокасины из лосиной кожи, украшенные иглами дикобраза и разноцветными бусами. Длинные волосы, заплетенные в косички, были стянуты на затылке в виде шиньона. Накинутая на плечи шкура белого бизона при ходьбе волочилась по земле.

По орлиному перу в волосах краснокожего можно было признать в нем вождя.

Индеец видел подходившего к нему охотника, но даже не шевельнулся, погруженный в свои мысли.

Берже положил руку ему на плечо и ждал, когда краснокожий заговорит.

— Мой брат желанный гость у своего друга, — проговорил наконец индеец низким, гортанным голосом. — Ему что-нибудь нужно? Пусть скажет. Уши начальника открыты.

— Белый охотник, перед тем как отправиться в путь, хотел повидать своего друга и пожелать ему хорошего отдыха, — ответил канадец.

— Куда идет Бесследный? — спросил краснокожий, называя Берже прозвищем, под которым он был известен в девственных лесах. — Разве бледнолицый начальник дал моему другу поручение, которое он должен выполнить непременно один?

— Нет, это не обязательно.

Индеец ничего не ответил, а Берже с улыбкой продолжал:

— Я думал, что начальник устал и охотнее посидит у костра, чем снова пускаться в путь да еще в такую темную ночь.

Краснокожий вскинул голову.

— Бесследному весело, — сказал он. — Бесследный шутит. Или он забыл, что Чуткое Ухо начальник и не знает усталости. Куда направляется брат мой?

— На разведку. Посмотреть, все ли спокойно вокруг. Пойдем со мной?

— Пойду.

— Я в этом не сомневался.

Канадец протянул краснокожему руку, которую тот крепко пожал. Индеец плотнее завернулся в бизонью шкуру, взял ружье и вместе с охотником углубился в лес.

Майор Вашингтон

Оставим пока отдыхать в лесу отряд де Жюмонвилля и, опередив Берже и индейца, отправимся вместе с читателем в деревушку гуронов на берегу Орио, чтобы познакомиться с героями нашего дальнейшего повествования.

Деревушка эта долгое время служила гуронам временной стоянкой во время весенней охоты.

С одной стороны она была защищена рекой, с другой — складами. Но несколько лет назад, когда в тех местах не стало дичи, индейцы покинули деревушку и переселились в глубь страны в поисках новых земель для охоты.

Деревушка пришла в запустение, палисады были разрушены, а в немногих уцелевших хижинах хозяйничали ветер и дождь. Только несчастливая звезда могла привести сюда ищущих приюта странников.

Однако в день, о котором пойдет речь, в деревне царил необычайное оживление.

Часов около семи вечера отряд англичан из трехсот человек, белых и краснокожих, вошел в деревню, чтобы остановиться на ночлег. Отряд этот был послан Денвиди, губернатором Виргинии, и являлся частью войска, которому приказано было захватить земли на Орио и построить здесь форт. Об этом узнали французы и заставили горько раскаяться врагов, нарушивших чужие права и освященные обычаем законы.

В одной починенной на скорую руку хижине расположились командир отряда и прапорщик.

Они ужинали жареной дичью, которую запивали виски, и вели оживленный разговор.

Командир, молодой человек лет двадцати двух, был не кто иной, как майор Вашингтон, тот самый, что впоследствии прославился, освободив свою страну от господства англичан, о чем уже было сказано выше.

Но в настоящее время майор и не помышлял о таком подвиге — был еще слишком молод.

Высокий, прекрасно сложенный, с элегантными манерами, он выглядел настоящим джентльменом. И к тому же был хорош собой. Греческий нос, задумчивые глаза, тонкие губы, резко очерченный подбородок. Весь облик майора свидетельствовал о его твердом, решительном характере, с первого же взгляда внушал уважение тем, кому приходилось иметь с ним дело.

На майоре великолепно сидел военный мундир.

Полной ему противоположностью был прапорщик Уард, настоящий солдат. Высокий, худощавый, спокойный и неустрашимый, как его шпага.

Добавим к этому, что, как и все европейцы, он был буквально напичкан расовыми предрассудками и чувствовал себя глубоко униженным, находясь в свои пятьдесят лет под началом майора Вашингтона, креола да к тому же мальчишки.

Факт, неслыханный со времени основания английской колонии в Америке.

Кроме того, несколько дней назад его гордости и тщеславию был вынесен тяжкий удар.

При взятии французами Маленького форта на берегу Орио прапорщик попал в плен и был отведен в форт Дюкен, где содержался под честное слово. Однако по обыкновению англичан не сдержал данного обещания.

Он бежал из плена и теперь мечтал отомстить своим лютым врагам.

Заканчивая ужин, прапорщик по крайней мере в двухсотый раз рассказывал командиру о своих страданиях в плену и об опасностях, которым он подвергался, когда бежал.

Майор очень внимательно слушал Уарда, у него были на то причины, в уголках губ притаилась усмешка.

Прапорщик и не подозревал, что за притворным вниманием кроется железная воля.

Не имей офицер своей цели, он под любым предлогом избавился бы от многословного прапорщика.

Когда же Уард закончил свой рассказ, майор дал ему

время снова вспомнить о пережитых несчастьях, после чего сказал:

— Итак, сэр, вам пришлось немало страдать?

— Да, господин майор, — с жаром ответил прапорщик.

— И вы злы на французов?

— Как и всякий порядочный англичанин.

На устах майора появилась сардоническая улыбка. Быть может, он в этот момент подумал о том, что американцы вправе ненавидеть англичан так же, как англичане ненавидят французов.

Прапорщик между тем продолжал:

— Я поклялся отомстить и надеюсь в ближайшее время выполнить свою клятву.

— Когда именно? — спокойно спросил Вашингтон.

— Как только будет объявлена война.

— Что вы сказали, мистер Уард?

— Я сказал, как только война...

Майор не дал прапорщику договорить, сильно его озадачив.

— Разве война еще не объявлена? — с деланным удивлением спросил он.

— Насколько мне известно, пока не объявлена. Как же я могу в мирное время или даже во время перемирия...

— Мирное время дело другое, сэр, но у нас в полном разгаре война!

— Война?

— Конечно.

— Вот это да! Значит, ее объявили, когда я рыскал по лесам... Простите.

— Прощаю. Хотя, признаться, удивлен вашим неведением.

— Итак, война объявлена?

— Да.

Уард с веселым видом потер руки.

Командир следил за ним краешком глаза. Затем, подумав минуту, с едва уловимой иронией произнес:

— Любезный прапорщик! У вас, я смотрю, совсем нет памяти.

— Я, майор, ничего не забываю, разумеется, того, что мне известно, — задетый за живое, ответил Уард.

— Этого мало. Надо уметь догадываться.

— Я вас не понимаю, майор.

— Как вы думаете, майор, зачем мы пришли сюда?

— Клянусь честью, понятия не имею!

— Не может быть!

— Уверяю вас.

— Вы не понимаете меня, мистер Уард, потому что не желаете понять, — с плохо скрытой досадой сказал майор.

— Прошу прощения, сэр, но вы слишком высокого мнения о моей проницательности.

— В таком случае, я вам все сейчас объясню.

Прапорщик округлил глаза и вытянул шею, весь обратившись в слух.

— Надеюсь, вы согласитесь со мной, мистер Уард, что мы находимся на французской территории.

— Безусловно.

— Тогда скажите, как мы попали сюда? Нас пригласили или мы сами пришли, рассчитывая на свою силу?

— Но... — нерешительно произнес прапорщик.

— Я жду ответа.

— По-моему, мы сами пришли, без приглашения.

— Совершенно верно. А теперь вспомните, не пытались ли мы недавно построить на Орио форт и обосноваться там?

— Хорошо помню. Тем более что вы сделали меня комендантом крепости.

— Французы на вас напали?

— Да, майор.

— Форт уничтожили?

— Полностью.

— Взяли вас и ваших солдат в плен?

— Не стану отрицать.

— Что же из всего этого следует?

— Очевидно, что... — смутился Уард.

— Я полагаю, это и есть начало военных действий.

— Согласен.

— Надеюсь, вы больше не сомневаетесь в том, что Англия воюет с Францией на территории Америки, хотя войны никто не объявлял?

Уард подумал и сказал:

— Но войну ведем только мы!

— Мы? — вскричал майор. — Разве мы начали военные действия?

— Нет.

— В таком случае...

— Но мы незаконно захватили владения наших соседей...

— Вы полагаете?

— И даже пытались обосноваться там, — продолжал Уард, забыв свою личную обиду ради справедливости.

Вашингтон не ожидал подобного ответа от подчиненного, в котором видел грубого солдата, обязанного выполнять приказ, и смутился. Но через минуту вернул себе свой самоуверенный тон.

— Милейший прапорщик, — произнес он с иронией, — вы — храбрый солдат, прекрасный офицер, но... и, я думаю, вы согласитесь с этим, ровно ничего не смыслите в дипломатии и политике.

— Я этим никогда не занимался, — простодушно ответил прапорщик.

— Это большое упущение с вашей стороны, иначе вы поняли бы, как выгодно для Англии получить во владение эти богатые страны.

— Я хорошо это понимаю, майор.

— А для достижения цели все средства хороши.

В ответ Уард пробормотал что-то невнятное.

— Поверьте, это так.

Прапорщик молча опустил голову.

Вашингтон, притворившись, будто принял его мычание за согласие, продолжал:

— Наконец-то согласились со мною, сэр, как и подобает настоящему англичанину. А теперь позвольте мне сообщить приятную для вас новость. Лазутчики донесли, что из форта Дюкен вышел отряд французов из сорока человек. Он идет по берегу Орио и направляется в нашу сторону.

— Невероятно!

— Однако это факт.

— Зачем же посылать на верную гибель людей в места, занятые превосходящими силами противника?

— Этого я не знаю. И лазутчики тоже.

— А как они объясняют цель своей экспедиции?

— Их командир утверждает, будто послан в качестве парламентаря с требованием к нам немедленно покинуть незаконно захваченные французские территории.

— Какая наглость! — пробормотал Уард.

— Но вы сами понимаете, что это лишь предлог. У них другие планы. И эти планы надо разрушить.

— Разумеется, если это так...

— В самом деле, зачем парламентарю такой большой конвой?

— Да! Сорок человек!

— Он явился бы с проводником, переводчиком и горнистом — вполне достаточно для парламентаря.

— Это верно, однако...

— Что однако?

— А если он действительно парламентар?

— Не может быть.

— Находясь в плену у французов, я даже что-то слышал об этом.

— Так ведь их офицер сам сказал, что потребует от нас освободить эти территории. Надо принять меры предосторожности, чтобы не быть застигнутыми врасплох.

— О! — воскликнул прапорщик, презрительно усмехась. — Стоит ли бояться каких-то бродяг, тем более что мы численно их превосходим!

— Я не хочу потерять даже несколько человек.

— Вряд ли это удастся.

— Надо постараться.

— Значит, мы на них нападем?

— Конечно.

— Это опасно.

— Почему?

— Мы можем ошибаться!

— Всю ответственность я беру на себя, — сухо заявил офицер.

Прапорщик поклонился:

— Жду ваших приказаний.

— Поднять людей в полночь, спуститься в долину, проникнуть в лес тремя колоннами с интервалами в сто пятьдесят шагов, в интервалы поставить индейских стрелков и взять врага в кольцо.

— Слушаюсь, сер.

— Отлично. А теперь, дорогой Уард, я немного вздремну. Разбудите меня, когда придет время выступить. Спокойной ночи. Не забудьте, пожалуйста, осмотреть ружья и снаряды.

Майор завернулся в плащ, прислонился к стене, протянул ноги к огню, закрыл глаза и притворился спящим. Таким образом он отделался от назойливого прапорщика. Уард закурил сигару и погрузился в размышления.

Прапорщика никогда не одолевали сомнения, он знал, чего хочет. В настоящий момент он ничего так не желал, как мести французам. Но предстоящее сражение могло покрыть англичан скорее позором, чем славой. Эту мысль вытеснила другая, между двумя затяжками он сказал себе:

— Стану я ломать голову, будь что будет. Я выполняю приказ, вот и всё.

Слышал ли майор эту короткую тираду, трудно сказать. Во всяком случае, он даже не шевельнулся.

Посидев какое-то время, прапорщик тоже закутался в плащ и уснул сном праведника.

Убийство

Итак, на законные действия французов англичане, как всегда, собирались ответить хитростью и вероломством. Это было характерно для войны обеих наций на территории Америки.

В три часа утра раздался крик совы. Небо посветлело на востоке. Одна за другой гасли звезды, глухо шумели на ветру деревья.

Французский лагерь объят был сном. Бодрствовали только часовые.

Спал и граф де Жюмонвилль. Вдруг кто-то коснулся его плеча. Граф приподнялся и окинул взглядом поляну. Перед ним стоял Берже.

— Ты уже вернулся? — проговорил капитан, подавив зевок.

— Да, господин граф.

— Что-нибудь случилось? Может быть, пора в путь?

— Пожалуй, теперь уже поздно.

— Что ты сказал? — живо спросил граф. Сон как рукой сняло. — Который час?

— Три.

— Есть новости?

— Да. Сообщу их вам, как только вы отдадите приказ выступать!

— Ты рехнулся, Берже, клянусь честью!

— Граф, — мягко произнес охотник, — надо немедленно возвращаться назад, если вы не хотите стать жертвой предательства.

— Что все-таки случилось? — вскричал капитан, вскочив на ноги.

- Выслушайте меня, господин граф.
- Говори!
- Дай Бог, чтобы вы поверили моим словам, иначе вы погибли.
- О!
- И мы вместе с вами!
- Это уже хуже. А теперь скажи, где ты был?
- Ходил на разведку.
- Один?
- Нет, с Чутким Ухом, вы хорошо его знаете. Он настоящий охотник гуронов.
- Ну и что вы там видели?
- Лес кишит англичанами.
- Только и всего?
- Они собираются напасть на ваш отряд и скоро будут здесь.
- Подождем.
- Нельзя. Мы все погибнем.
- Ошибаешься, друг мой.
- Хотелось бы думать так же, как вы, но, к несчастью, я прав. Я затесался в ряды англичан и шел с ними около получаса. Они приняли меня за своего союзника и говорили не стесняясь. Оказывается, они знают о нашем местонахождении и идут наверняка... Им также известно, что отряд у нас небольшой, к тому же они притворяются, будто принимают нас за шпионов, и собираются поступить с нами соответствующим образом.
- Не может быть!
- Надо немедленно отступать, повторяю вам, граф... Я проведу вас такими тропами, где никто не пройдет. Вы потом убедитесь, что оставаться здесь было бы гибелью.
- Наступило молчание.
- Граф колебался.
- Берже про себя ликовал, уверенный, что ему удалось уговорить капитана. Увы! Надежда его не сбылась. Молодой человек гордо вскинул голову и сказал:
- Благодарю тебя, друг. Ты пошел со мной вместе по доброй воле, и я прошу тебя, уходи!
- И это вы говорите мне?
- Уходи, я приказываю.
- А вы?
- Я пойду вперед.
- Но...

— Я пойду вперед, — повторил граф.

— Покинуть вас? Поймите же, граф...

— Ни слова больше, дружище. Я офицер его величества короля Франции. И мой долг — выполнить данный мне приказ. Прощай!

— Нет, — решительно произнес Берже. — Я остаюсь.

— Но...

— Теперь я говорю вам: ни слова больше, господин граф. Надеюсь, вы пошутили, предложив мне вас бросить? — В голосе охотника звучала печаль. — Мое место рядом с вами. Вы хотите умереть. Прекрасно. Я тоже умру!

— У тебя отважное сердце, — растроганно произнес граф. — Я знал, что ты не покинешь меня.

— К несчастью, не в моих силах спасти вас.

— Успокойся! Опасность не так велика. Англичане ненавидят нас, но они не трусы и идут в бой открыто.

— Дай Бог, чтобы это было так!

— Они не убийцы. Не дикие звери или свирепые индейцы.

— Индейцы уважают гостя. А парламентар для них гость. Лучше иметь дело со свирепыми индейцами, чем с цивилизованными солдатами.

— Будь что будет! На все воля Божья. Я ни за что не нарушу свой долг. Если меня убьют, я паду как храбрый воин, и моя смерть покроет позором моих врагов. Как бы не сложилась в дальнейшем их судьба, навсегда останется в их сердцах и на челе кровавое клеймо.

— Да, но...

— Разбуди всех, — сказал граф, — и пойдем навстречу англичанам.

— Вы твердо решили?

— Да. Сократим вдвое их путь.

Берже склонил голову перед капитаном, в душе проклиная его заблуждение и в то же время восхищаясь его благородством.

Через несколько минут все были на ногах. Капитан встал во главе отряда во главе с верным Берже. Они быстро пересекли поляну и углубились в лес.

Чуткое Ухо в качестве проводника шел впереди.

С одного взгляда индеец и охотник поняли друг друга и без единого слова заключили договор о самопожертвовании.

Тем временем заалела заря. Взошло солнце и вернуло французам их обычную беспечность. Они смеялись и болтали. Но в семь часов, когда граф приказал на несколько минут остановиться. Чуткое Ухо внимательно прислушался и отступил назад.

— В чем дело? — спросил капитан.

— Янки, — коротко ответил индеец.

Янками индейцы называют англичан.

— Англичане? Где? — спросил граф.

— Везде, — ответил индеец, махнув рукой на все четыре стороны.

— Я предупреждал, мы окружены, — с невозмутимым видом сказал Берже.

Граф нахмурился. Он понял, что это ловушка. Но не растерялся, не побледнел.

— Стой! — скомандовал он. Затем обернулся к охотнику: — Вот те, кого мы ищем... Берже, выньте из чехла флаг и дайте мне.

Канадец повиновался.

— Прикажете на всякий случай приготовиться к бою? — спросил Берже.

— Нет, старина. Нам нечего нынче делить с англичанами. Разрядите ружья!

Берже решил не перечить больше графу и передал приказ.

Граф вынул из кармана бумагу и протянул охотнику. Это было обращение к англичанам, которое Берже должен был перевести на английский.

— Прикажете идти к англичанам?

— Нет, пусть они сами придут.

— Они уже здесь, — тихо сказал охотник. — Взгляните!

В этот момент раздался шум, кусты раздвинулись и появились англичане. Французы оказались в железном кольце.

Увидев французов с опущенными ружьями, англичане остановились как вкопанные. Воспользовавшись этим, граф потребовал встречи с командиром английского отряда.

Вашингтон подошел, обнажив шляпу, с невозмутимым видом.

Капитан попросил Берже служить переводчиком, а сам, не вынимая шпаги, развернул парламентарский флаг.

Презрительная усмешка скользнула по губам майора.

Краска негодования залила лицо графа.

Он выпрямился и крикнул охотнику:

— Читайте! — голос его дрожал от волнения.

Не успел тот рта раскрыть, как майор скомандовал своим солдатам взять ружья на прицел.

Граф почти вплотную приблизился к майору Вашингтону.

— Я — посланец Франции, милостивый государь, и требую объяснить, что все это значит?

Вашингтон скомандовал:

— Пли!

Раздался залп.

Пули смертоносным вихрем полетели на французов, застывших от изумления и гнева.

— Подлец! — вскричал граф и, окутанный парламентским знаменем, обогрив его своей кровью, рухнул на землю с простреленной головой.

Рядом с ним упали еще шестеро. Остальные разбежались.

Опьяненные кровью англичане с ружьями на перевес, с криками «ура» бросились на французов.

Началась настоящая бойня.

Но тут индейцы, союзники англичан, возмущенные столь вероломным нападением, размахивая томагавками, заставили англичан остановиться.

Сам майор Вашингтон не остался равнодушным и прекратил кровопролитие. То ли достиг цели, то ли почувствовал угрызения совести. Как бы то ни было, часть французов уцелела и была взята в плен.

Мы не будем рассказывать подробно об этом страшном преступлении. Заметим лишь, что все, что касается знаменитого майора Вашингтона, вполне достоверно.

Из сорока конвоиров лишь двое избежали опасности: канадский охотник Берже и индейский вождь Чуткое Ухо.

Как только англичане ушли и увели пленников, не дав даже себе труда похоронить предательски убитых ими солдат, Берже и Чуткое Ухо, крадучись, вышли из чащи, огляделись и увидели, что никого нет. Тогда Берже опустился перед мертвым графом на колени и стал горячо молиться. Тем временем Чуткое Ухо, вооружившись но-

жом, принялся копать могилу в еще влажной от крови земле.

Это он делал лишь из дружбы к охотнику, поскольку его не очень печалила смерть бледнолицего.

Наконец канадец поднялся с колен и со слезами на глазах прошептал:

— Бедный мальчик! Такой молодой, красивый и отважный! И так нелепо окончил жизнь! Стал жертвой предательства!

Берже осторожно приподнял капитана, отрезал прядь волос, снял медальон, висевший на шее, вынул из кармана бумаги, поцеловал погибшего в лоб и снова опустил на землю.

«Что я скажу его брату? Думал ли он, что де Жюмонвилля постигнет такая участь, когда он отправлялся парламентаром к англичанам? Как сообщить графу де Вилье эту ужасную новость?»

Эти мысли не давали Берже покоя.

Чуткое Ухо, вырыв могилу, подождал с минуту, видя, что охотник о чем-то задумался, потом подошел к нему.

— Готово, начальник? — спросил Берже.

— Да.

— Что же, давай отнесем этих несчастных в последнее убежище. Здесь, по крайней мере, их ждет вечный покой.

Завернув графа в парламентский флаг, который оказался плохой защитой, Берже опустил его в могилу вместе с остальными убитыми. Славный саван для молодого человека! Странно, что англичане не отняли флаг. Видимо, устыдились и не посмели осквернить жертву своего гнусного предательства.

Могилу засыпали землей, а сверху навалили камни, чтобы мертвые не стали добычей диких зверей.

Исполнив свой долг, канадский охотник, бледный, печальный, вытянул вперед руку и произнес:

— Покойтесь с миром! Вы будете отомщены!

После этого Берже и Чуткое Ухо быстро скрылись в лесу.

На красивой реке

Первые французские поселенцы в Северной Америке больше всего восхищались красотами берегов Орио. Эту реку, которая причудливо извивается по гористой части страны и изобилует живописными пейзажами, они называли Красивой рекой, и она сохраняла это название, пока французы не покинули Канаду.

Орио образовалась из слияния рек Манонгохелы и Аллеганы. Приняв на своем пути протяжением несколько миль множество притоков и ручьев, она впадает в Миссисипи, которую индейцы называют Матерью вод.

Бесчисленные острова и островки и быстрое течение делают эту реку очень опасной для судоходства.

Высокие берега образуют длинную цепь холмов, перемежающихся лесистыми долинами, изобилующими дичью. Эти места сейчас так же пустынно, как и во времена, к которым относится наше повествование. Там можно встретить только кочевые племена да изредка индейских охотников и лесных бродяг.

Почему не селятся в этих краях колонисты, трудно сказать. Лучшего места по своим природным условиям не найти.

Милях в двадцати от форта Дюкен, в лесной чаще, стоял небольшой домик из толстых, плохо отесанных бревен, типичный для колонистов. Со всех сторон он был окружен многовековыми деревьями, опутанными лианами, служившими защитой более надежной, чем рвы и брустверы. Три окна — роскошь неслыханная для таких глухих мест, — хотя и пробиты были они без намека на сим-

метрию, являлись украшением домика, видимо, выстроенного без участия архитектора. Застекленные окна изнутри закрывались прочными дубовыми ставнями. Спускавшаяся по краям крыша из маисовой соломы образовала что-то вроде навеса. Увитые листьями винограда и другими растениями стены были скрыты от глаз.

По обеим сторонам от двери, обитой железом, стояли большие дубовые скамьи.

Внизу, причудливо извиваясь, протекала маленькая речка, впадавшая в Аллегану. Вокруг дома примерно на треть гектара деревья были вырублены и земля вскопана. Шагах в ста от домика стояли сараи, где хранились зерно, солома и съестные припасы. Между сараем и домиком находился курятник, там было штук двадцать кур. В конюшне, рядом с курятником, стояли у яслей две лошади, поглощая корм. В помоях, хрюкая от удовольствия, плевалась свинья с полдюжиной поросят, утки с громким криком копошились в болоте, тянувшемся до самой реки.

У берега была привязана к столбу лесная пирога из березовой коры, в ней сушились сети. Напоследок заметим, что у двери дремали на солнце две великолепные охотничьи собаки, черная и рыжая.

По своему внутреннему убранству и расположению комнат домик очень напоминал нормандскую ферму. Только пол был деревянный, а не земляной или кирпичный, как во Франции. Печка одной стороной примыкала к стенке, отделявшей кухню от зала, где обыкновенно сидели хозяева. С залой также соседствовали две маленькие комнаты, служившие спальнями. Постель, скрытая за зеленой занавеской, кропильница, распятие в изголовье. В зале — большой обеденный стол, потемневший от времени, несколько деревянных сундуков с одеждой, квашня, поставец с посудой, старинное ружье, пороховница, мешочек с пулями, в общем, все, включая и длинную трубку с чубуком из дикой вишни и красные коленкорые занавески на окнах, так напоминало Нормандию, что при некоторой доле воображения можно было подумать, что находишься в окрестностях Диенна или Кан.

Следует заметить, что о домике этом рассказывали настоящие легенды, и прохожий, будь то бледнолицый или краснокожий, любитель чужого добра, спешил пройти мимо.

На самом же деле все эти рассказы были досужим вы-

мыслом болтунов. Сама легенда, послужившая причиной мрачных слухов, была создана так давно и окружена такой тайной, что вряд ли даже старейший из колонистов помнил ее во всех подробностях. В ответ на расспросы люди лишь покачивали головами или произносили несколько общих фраз.

Эта неизвестность лишь усиливала суеверный страх.

За несколько недель до описываемых нами событий, в субботу, между семью и восемью часами утра, дверь отворилась и вышел человек лет пятидесяти. На нем была широкая серая куртка до колен, стянутая у талии пестрым поясом, с прикрепленными к нему длинным ножом, носившим название бычий язык, двумя пистолетами, пороховницей и мешочком с пулями. Митолы, или панталоны из лосиной кожи, достигали почти самых мокасин. На голове была меховая шапка.

До сих пор канадцы французского происхождения носят этот живописный, но незамысловатый наряд.

Этот человек, высокий, хорошо сложенный, судя по виду, обладал недюжинной силой. Лицо с правильными чертами дышало отвагой и благородством. Несмотря на преклонный возраст, глаза не утратили блеска и живости. Белокурые с проседью волосы, выбиваясь из-под шапки и ниспадая на плечи, придавали всему его облику не только строгость, но и даже некоторую свирепость.

Однако более внимательный наблюдатель заметил бы в его лице скорее печаль, чем злобу. Человек этот был владельцем хижины. Напоследок заметим, что в руке у него было ружье, а на плече висела охотничья сумка.

Оглядевшись, человек переложил ружье в левую руку, перекрестился и быстрыми шагами направился в лес.

Вскоре его шаги замерли в отдалении.

Не успел незнакомец скрыться в лесу, как дверь снова отворилась и в нее просунулась прелестная белокурая головка. Она принадлежала совсем юной девушке, лет шестнадцати, не более. Минуты три девушка стояла, прислушиваясь, как пугливая лань. Затем, убедившись, что вокруг никого нет, стремительно выбежала из дома.

Трудно представить себе создание более очаровательное. Настоящая креолка, она привлекала внимание с первого взгляда. Высокая, стройная, грациозная. Ласковый ветерок развеивал ее длинные волосы, окружавшие голову. Крохотный ротик, зубки-жемчужины, голу-

бые, как небо, мечтательные глаза, маленькие ручки и ножки.

Толстая суконная юбка, отороченная красной тесьмой, обшитый галуном корсаж, белый воротничок, розовые с золотыми стрелками чулки и, наконец, мокасины, расшитые шерстью попеременно с бусами, едва доходившие до щиколоток, — таков был наряд юной красавицы.

Девушка остановилась на минуту, снова прислушалась, радостно захлопала в ладоши и с улыбкой произнесла:

— Наконец-то!

Девушка вернулась в дом, надела плащ, похожий на тот, что носят моряки, сняла со стены легкое, изящное ружье с насечкой, несомненно, дамское. Опустив шомпол в дуло и убедившись, что ружье заряжено, девушка с уверенным видом перекинула его через плечо.

За ней по пятам следовала одна из собак.

— Все в порядке, славный мой Феб, — ласково произнесла девушка, глядя собаку. — Ложись и сторожи хорошенько. В доме никого нет.

Собака смотрела на девушку своими умными глазами, словно понимала, что та говорит. Затем завиляла хвостом и, урча, легла у порога.

— Молодец, Феб! Ты хороший и умный! Я верю тебе.

Снова погладив собаку, девушка направилась к реке, села в пирогу и поплыла по течению, к Аллегане, под зеленым сводом, сквозь который пробивались лучи утреннего, но жгучего солнца.

Уже несколько минут плыла она по реке, стараясь держаться на середине, задумчиво глядя на склонившиеся над водой деревья.

— Там ли он? А вдруг не приехал? — время от времени спрашивала она себя. При этом грудь ее взволнованно вздымалась, а глаза наполнялись слезами.

Однако тут же к ней возвращалась веселость, и она говорила:

— Нет, нет! Сердце говорит мне, что он там!

И улыбалась сквозь слезы.

Прошел час. Плыть становилось все труднее. Работая правым веслом как рулем, девушка гребла левым. Пирога медленно повернулась и вскоре скрылась за деревьями, увитыми лианами. Здесь она привязала пирогу, бросила

весла, слегка раздвинула ветки и тотчас же отпрянула назад, чтобы не быть обнаруженной.

— Я знала, что он придет! — прошептала она, прижав руку к груди, словно желая унять сильно бьющееся сердце.

Успокоившись немного, девушка снова заняла свой наблюдательный пост.

Примерно в пятидесяти шагах от того места, где она находилась, река делала крутой поворот, образуя довольно большой выступ. На его оконечности, под исполинским деревом, склонившимся над рекой, расположились двое. Один спал, а другой, углубленный в чтение, держал в руке удочку, хотя рыба, видимо, мало его интересовала.

О том, кто спал, скажем всего несколько слов. Это был молодой солдат, крепкого телосложения, с хитрым, лукавым лицом. Он был вестовым у того, кто держал удочку и читал книгу.

Второй, молодой человек лет двадцати пяти, с аристократическими чертами лица, голубыми глазами, гладким, как у девушки, лбом, причесанный по тогдашней моде, судя по мундиру, ловко сидевшему на нем, был капитаном королевского морского полка. Блестящий кавалер, способный покорить сердце любой знатной дамы в салонах Версаля. Что же говорить о полудикой креолке?

Стоявшая неподалеку пирога говорила о том, что путешественники прибыли водой.

Девушка не сводила глаз с изящного рыболова, даже не подозревавшего, что он служит предметом живейшего любопытства.

А рыбы между тем весело плескались вокруг безобидной удочки.

Великолепный сюжет для художника: юная красавица, любующаяся под сенью деревьев блестящим молодым офицером.

Знал бы капитан, что на него с любовью устремлены голубые глаза прелестной девушки, давно бы бросил свою книгу. Вдруг креолка глухо вскрикнула и в ужасе отпрянула назад. Лицо ее покрылось смертной бледностью.

В высокой траве, не более чем в десяти шагах от офицера, появилась голова свирепого индейца.

Краснокожий, извиваясь как змея, ползком приближался к молодому человеку. На губах его играла недобрая улыбка. Он предвкушал победу. В руке индейца был

нож английского изготовления, полностью вытеснивший оружие первобытных людей. Еще секунда — и нож был занесен над головой капитана. Индеец стал на колени и переводил сверкающий взгляд с солдата на офицера. Один продолжал спать. Другой читал. Ничто не могло их спасти.

Индеец с присущей ему осторожностью огляделся, увидел, что вокруг ни души, поднялся, словно ягуар, бросился на безоружного офицера, повалил на землю и взмахнул ножом.

Смерть страшным призраком предстала перед капитаном... Всякое сопротивление было бесполезно. Чья-то рука железным кольцом сдавливала горло. И отважный офицер почувствовал, как стынет в жилах кровь. Еще секунда, и сверкающий нож вонзится в сердце. Молодой человек закрыл глаза и стал горячо молиться.

Вдруг грянул выстрел. Рука, сжимавшая горло, разжалась. Капитан с облегчением вздохнул, вскочил на ноги и обнажил шпагу.

Солдат наконец проснулся и увидел своего командира, стоящего с обнаженной шпагой, а в нескольких шагах от него распростертого на земле краснокожего с простреленной головой.

Любовь в пустыне

Офицер словно окаменел, тупо глядя на лежавшего перед ним краснокожего.

Солдат стоял рядом, готовый защитить командира или умереть вместе с ним. Правда, он еще не совсем проснулся, испуганно озираясь по сторонам и то и дело обращаясь взглядом к краснокожему, так и не выпустившему из руки свой огромный нож.

Солдат первым пришел в себя. К нему вернулся дар речи, а вместе с ним и веселость.

— Славный выстрел, капитан, — сказал он простодушно. — Хорошенькую птичку вы поймали. Прекрасная добыча! Ловили форель, а на удочку попал краснокожий. Клянусь спасением души, великолепный был выстрел. С такого крючка не сорвешься.

— Я не стрелял, — ответил капитан, вытирая холодный пот со лба.

— Не стреляли? — удивился солдат.

— Нет, мои пистолеты остались в пироге.

— Кто же стрелял?

— Я думал, ты, — сказал капитан, решив, что вестовой шутит.

— Эх, капитан, хотелось бы, чтобы это было так, но я крепко спал и, к несчастью, не мог пробить шкуру этому дикарю.

— Но, послушай... не приснилось же мне, — озадаченно произнес офицер. — Краснокожий напал неожиданно, повалил меня на землю.

— Негодяй, — проворчал Золотая Ветвь (так звали вестового), пнув тело индейца.

— Я видел, как сверкнул его нож, и ждал смерти, как вдруг грянул выстрел, злодей выпустил меня и рухнул на землю.

— Ничего не понимаю, — растерянно произнес солдат.

— Что было дальше, ты знаешь.

— Уж не явился ли нам на помощь какой-нибудь незнакомец? Извините, капитан, я сказал «нам», потому что после вас этот дикарь прикончил бы и меня.

— По всей вероятности, да. Странно только, что наш спаситель не хочет показываться, после того как оказал нам такую услугу.

— Это из скромности, — смеясь, произнес солдат.

— Причина веская. Но если бы он появился, ему был бы оказан самый радушный прием.

— Быть может, у него есть серьезные основания не показываться.

Некоторое время солдат и офицер молча стояли в задумчивости.

— А вы уверены, — сказал наконец Золотая Ветвь, — что здесь больше нет индейцев?

— Об этом я не подумал.

— Густая трава и кусты кажутся мне подозрительными.

— Может быть, это заставит нашего спасителя присоединиться к нам.

— Конечно, черт возьми! Чем больше нас будет, тем скорее мы расправимся с этими гадами!

— Совершенно верно, — ответил капитан. — Я непременно разыщу нашего таинственного друга. Хотя бы для этого мне пришлось здесь пробыть целый месяц.

— И хорошо сделаете, капитан.

— Следуйте за мной, Золотая Ветвь, — сказал капитан, видимо, приняв какое-то решение.

— Куда вы хотите идти? Ведь в этой глуши нет дорог, мы заблудимся и погибнем.

— Я пойду в ту сторону, откуда раздался выстрел.

— Это бессмысленно, — тихо произнес солдат и уже громче добавил: — Подождите меня, капитан, я сейчас.

— Куда ты?

— Возьму ваши пистолеты и свое ружье. Мало ли, кто засел в кустах.

— Ладно, ступай.

— Я мигом, капитан.

Золотая Ветвь стремглав помчался к пироге и через несколько минут вернулся с ружьем и пистолетами.

— Пусть только сунутся краснокожие черти! — проговорил он. — Получат по заслугам. А теперь, будьте добры, скажите, в какую сторону мы пойдем.

Офицер внимательно осмотрел пробитую пулей голову индейца и указал на верховье маленькой речки.

— Стреляли оттуда, — сказал он.

Молодые люди смело вошли в кусты и двинулись дальше, внимательно глядя по сторонам, не думая об опасности. Они привыкли к жизни в лесу, знали, что за каждым деревом, за каждым кустом может быть засада, и прислушивались к малейшему шороху.

Но вокруг все было спокойно. Индеец, видимо, не имел сообщников. Это был просто бродяга, которых много в пограничных районах. Шатаясь по лесу, он увидел двух белых, и в нем сразу разыгралась ненависть. Случай был отличный. Риска никакого. Два удара ножом, два скальпа за поясом, и можно дальше идти на охоту.

Однако краснокожий просчитался и сам стал жертвой тех, на кого охотился.

Капитан и солдат шли довольно быстро, насколько это позволяли неровные, извилистые берега, и за короткое время прошли расстояние, отделявшее их от того места, где находилась девушка. Вдруг они заметили пирогу и остановились.

— Лодка! Прикажете осмотреть ее, капитан? — спросил, улыбаясь, Золотая Ветвь.

— Осмотри!

Солдат направился к пироге и вскоре крикнул:

— В лодке никого нет.

— Неужели?

— Скорее всего, капитан.

— Но именно в этой пироге и приплыл наш спаситель.

— Может быть, он свалился в воду?

Солдат стал тащить пирогу к берегу и вдруг вскрикнул от удивления.

Капитан успел схватить веревку, которую выпустил из рук солдат.

— Ты что, рехнулся?

— Нет, капитан... Взгляните-ка... — солдат указал на дно пироги.

— Что там?

— Девушка.

— Бедное дитя... она, видимо, ранена и потеряла сознание, — вскричал капитан.

Он прыгнул в пирог, рискуя ее опрокинуть. Следом за ним прыгнул солдат, восстановив равновесие.

— Клянусь всеми святыми, это она стреляла, — с восхищением произнес Золотая Ветвь. — Все еще держит в руках ружье. Славная храбрая девушка.

Солдат не ошибся.

Увидев индейца, наша юная красавица и в самом деле выстрелила, от сильного потрясения лишилась чувств и упала в пирог.

Возможно, девушка так и не узнала бы, что убила индейца, не появившись у капитана желание поблагодарить того, кто его спас.

Прежде всего офицер решил узнать, жива ли его спасительница. Убедившись, что девушка в обмороке, они вместе с солдатом вынесли ее из пирога и бережно положили на густую мягкую траву под раскидистым деревом.

— Воды, — приказал офицер, опускаясь на колени перед девушкой.

Но и после того, как солдат несколько раз брызнул водой девушке в лицо, она не пришла в себя.

Сердце капитана сжалось от тоски.

— Что, если она так и не очнется? — прошептал он, покрывая поцелуями крошечную ручку своей спасительницы.

— Не беспокойтесь, непременно очнется, — сказал солдат. — С девушками это часто бывает.

— Прелестное создание!

— Ваша правда, капитан. Если она так хороша даже с закрытыми глазами, что будет, когда она их откроет?

— Она не шевелится.

— Зашевелится, не бойтесь.

— Почти не дышит.

— Так и должно быть, — уверенно заявил солдат. — Это только кажется, что в таких хрупких созданиях жизнь едва теплится. На самом деле они привязаны к ней канатами. Все будет в порядке, ручаюсь.

В это время у бедняжки вырвался легкий вздох.

— Вот видите, она уже приходит в себя.

— Бедное создание!

— Черт возьми, капитан. Будь вы на ее месте, тоже

почувствовали бы себя скверно. Согласитесь, не часто приходится этой молодой девушке охотиться на такую крупную дичь. К тому же выстрел был настолько удачным, что немудрено от радости упасть в обморок.

— Такая нежная и красивая! Я не прощу себе, если с ней случится несчастье.

— Но ведь вы ни в чем не виноваты. А! Наконец-то она зашевелилась.

— Ты уверен?

— Посмотрите на ее руку! А теперь она открыла глаза.

— Замолчи, а то испугаешь ее.

— Ну, это уже слишком. Женщины никогда не боялись меня.

Девушка, наконец, очнулась, увидела молодого человека, стоявшего перед ней на коленях, и вскочила на ноги.

Они обменялись взглядами, и этого было достаточно, чтобы сердца их воспламенились любовью.

Ни единого слова не сорвалось с уст молодого человека, ни единый вздох не вылетел из груди девушки. Капитан горячо благодарил Бога за то, что он вернул это прелестное дитя к жизни.

Девушка была словно во сне. А между тем стоило ей протянуть руку, чтобы убедиться, что все это происходит наяву. Тот, кто с некоторых пор помимо ее воли владел всеми ее помыслами, был рядом. Она вспомнила, что это она его спасла от ужасной смерти.

А что, если все это плод ее фантазии, сон? Девушка задрожала и разлилась слезами.

Капитан решил, что она плачет от горя, и не знал, что делать.

— Успокойтесь, капитан, — сказал Золотая Ветвь.

— Ты что, не видишь, как она плачет?

— Вижу, но несколько не огорчен.

— Бедняжка страдает!

— Да не страдает она. Женщины, особенно в таком возрасте, плачут по всякому поводу — и с горя, и от радости.

— Ах! Если бы это было так!

— Просто нервы у нее расшатались. Сейчас все пройдет. Выпейте, дитя мое, воды! — обратился Золотая Ветвь к девушке, протягивая ей тыкву-горлянку.

Девушка стала с жадностью пить.

— А теперь, пожалуй, довольно, — сказал солдат. — Вода — самое лучшее лекарство, только принимать его надо в меру. Хороший бы из меня получился доктор, хотя за такими нежными больными я, признаться, ухаживать не привык. Надеюсь, вам теперь лучше, милая?

— Благодарю вас, — ответила девушка.

— Видите, капитан, она уже заговорила.

Охваченный было отчаянием, молодой человек сразу повеселел и готов был броситься на шею Золотой Ветви. А тот с невозмутимым видом продолжал:

— Не волнуйтесь, капитан, эти слезы от избытка чувств и очень скоро забываются. Видите, малютка уже улыбается и протягивает вам руки! Что же вы стоите столбом? О Господи! Теперь вам дурно? Только этого не хватало.

Капитан и в самом деле стоял неподвижно и не мог от счастья произнести ни слова.

Наконец нежный, мелодичный голос вывел его из оцепенения.

— Это он... святая Матерь Божья! Он... живой и неведимый!

— Вы спасли меня! — радостно промолвил капитан, обретая наконец дар речи.

— О, как я счастлива! — прошептала девушка.

— Вот те раз! — пробормотал солдат, глядя на молодых людей. — Кто же это подложил огня в порох?

Капитан между тем порывисто схватил девушку за руки и сказал так тихо, что только она одна могла услышать:

— Вы — мой ангел-хранитель! Господь послал вас. Вы спасли мне жизнь, и отныне, клянусь, она принадлежит вам.

— Это правда?

— Правда, — так же тихо ответил капитан.

Эта тайна должна была принадлежать им двоим.

Золотая Ветвь отошел в сторону.

— Повторите еще раз, — попросила девушка.

— Клянусь спасением моей души, что слова эти мне подсказало сердце!

— Благодарю! Я верю вам... Господь милостив, он слышал мою молитву.

— Вашу молитву?

— Да, я молилась за вас.

— Разве вы меня знаете?

— Давно.

— Не понимаю вас, милое дитя!

— Зачем бы иначе я приплыла сюда? — в голосе девушки звучал упрек. — Я очутилась здесь не случайно. Вот уже целый месяц вы приезжаете сюда отдохнуть или половить рыбу. Это время промелькнуло так быстро, по крайней мере, для меня.

— Наш форт стоит в глухом и безлюдном месте, ни о каких развлечениях не может быть и речи.

— Я видела вас.

— Значит, вы живете...

— Совсем близко отсюда. Я бывала здесь каждый день, останавливалась у берега и смотрела на вас.

— Как же я вас не заметил?

— Я пряталась. И была счастлива, что вижу вас.

Девушка произнесла это так простодушно, что капитан совсем растерялся и с немым восхищением смотрел на нее.

Золотая Ветвь с угрюмым видом слышал лишь отдельные слова и бормотал, кусая усы:

— Черт возьми! Смеется она, что ли, над нами? Надо будет проверить!

И Золотая Ветвь стал напряженно прислушиваться, делая вид, будто их разговор его совершенно не интересует.

А капитан, покоренный трогательной наивностью девушки, между тем говорил:

— Значит, вы думали обо мне?

— День и ночь.

— Почему же не дали мне знать?

— Каким образом?

— Если не сказать, то хотя бы написать...

— Я не решалась.

— Но сказали же вы мне об этом сейчас.

— Сейчас дело другое.

— Почему? — улыбнулся офицер.

— Сейчас мне кажется, будто я знала вас всегда.

— Правда?

— Сама не знаю, как могла я до этого жить!

— Тогда я должен любить вас вдвойне.

— Это прекрасно! — воскликнула девушка.

— У меня на то есть две причины!

— Какие?

— Во-первых, вы спасли мне жизнь.

— О, это не в счет. Я спасла вас для себя!

— Вы меня любите?

— Конечно!

— По-настоящему или просто как друга?

— По-настоящему! — ответила она растерянно, пыта-
ясь вникнуть в смысл этого слова.

— Правда?

— Не знаю.

— Пусть меня повесят, если я поверю хоть одному их
слову, — пробормотал Золотая Ветвь, нарочно строгая
палочки, чтобы его не заподозрили в любопытстве.

Девушка тем временем продолжала:

— Я не знаю, как назвать мое чувство к вам.

— Попробуйте объяснить.

— Все мои мысли о вас. Они не покидают меня даже во
время молитвы... Не думать о вас я просто не могу, если
бы даже захотела.

— Злая!

— Я не злая, потому что люблю вас! Вы мне верите?

— Верю.

— Вот и хорошо. Я никогда не лгу. В лесу нет смысла
лгать, не то что в ваших городах, где все обманывают
друг друга.

— Я вас не обману.

— Посмотрим, — снова проворчал Золотая Ветвь.

— Видите ли, мой друг, ваш образ всегда у меня перед
глазами, мне постоянно кажется, будто вы рядом.

— Но это гораздо лучше дружбы!

— Лучше? Нет.

— Во всяком случае, больше чем дружба.

— Возможно, — задумчиво проговорила девушка, опу-
ская глаза. — Я очень люблю отца, люблю всей душой,
но не так, как вас.

— А как? — спросил молодой человек.

— С отцом мне спокойно, а стоит мне увидеть вас, как
я испытываю то сильную тоску, то безумную радость. На-
дежда на встречу до боли сжимает сердце. Я дрожу, когда
собираюсь сюда, и все же сажусь в лодку и еду.

Капитан не знал, что ответить. Не от скромности, нет.
Ему приходилось иметь дело с опытными кокетками, но
он никогда не терялся, напротив, умел воспользоваться

случаем. Но такие откровенные, простодушные признания капитану еще не приходилось выслушивать.

Чистота и наивность этого прелестного создания окончательно его покорили.

В сердце капитана вспыхнула любовь, целомудренная и благородная, любовь до самой смерти. Но он молчал. Говорили только глаза. И повтори капитан хоть тысячу раз «люблю!», это слово не было бы красноречивее его почтительного молчания.

Они смотрели друг на друга как зачарованные.

Даже Золотая Ветвь при всем своем скептицизме ко всякого рода чувствительным сценам не мог остаться равнодушным и незаметно смахнул набежавшие слезы. Но при этом ворчал:

— Все это пустяки. Мой капитан, как дитя малое. Играет в молчанку. Ну, да не в этом дело. На меня и то действует. Хорошо бы кто-нибудь мне шею намылил, как это сделает прачка с моим платком.

С этими словами он достал из кармана платок и приложил к глазам, сам не зная, что с ним творится.

Наконец влюбленные все же заговорили.

Солдат весь обратился в слух.

— Как вас зовут? — спросила девушка офицера.

— Луи.

— Прекрасное имя! Мне очень нравится! — она захлопала в ладоши.

— Чем же оно вам нравится?

— А вы разве не знаете, что так звали нашего короля?

— Совершенно верно.

— Я имею в виду короля Франции.

— А вы о нем слышали?

— Мне известно все, что касается Франции.

— Вы француженка?

— Да.

— Прекрасно! А как ваше имя?

— Анхела. Вам нравится?

— Это имя вам очень подходит.

— Почему?

— Вы забыли, что Анхела происходит от слова ангел?

— Не смейтесь надо мной!

— Боже меня сохрани!

Девушка смотрела в глаза молодому человеку и поняла, что он говорит чистую правду.

— Вы любите удить рыбу?
— А что мне еще остается?
— Вы и впредь будете сюда приезжать?
— Каждый день.
— Когда вам надоест удочка или книга, вспомните обо мне.

— Вы больше не приедете? — с тревогой спросил капитан.

— Приеду. Но мешать вам не стану. Как не мешала до сих пор. Буду просто смотреть на вас.

При последних словах Золотая Ветвь многозначительно свистнул.

Граф между тем ответил:

— Но я хочу, чтобы вы мне мешали, тем более что чтение не доставляет мне особого удовольствия, а рыбная ловля, признаться, и вовсе не интересует. Так что жертвой с моей стороны это нельзя назвать, — рассмеялся капитан.

— Хорошо, тогда я могу посидеть с вами.

— И мы будем беседовать?

— Ну да. Как сейчас. Вы близко отсюда живете?

— В нескольких милях.

— Где именно?

— Я служу в гарнизоне форта Дюкен.

— Форт Дюкен. Я никогда не была там, но много слышала о нем.

— От кого?

— От... от отца.

— А чем занимается ваш отец? Он колонист?

— Вы не хотите меня огорчать, Луи?

— Боже упаси!

— Тогда не спрашивайте об отце. Я не хочу подвергать его опасности. Мы живем в одиночестве в лесу. Вот все, что я могу вам сказать. Отец старается исполнить каждое мое желание. Моя улыбка делает его счастливым. Мы любим друг друга и пока живем спокойно, вдали от людей. Умоляю вас, Луи, ради самого себя, не пытайтесь найти наш дом. Поклянитесь, что исполните мою просьбу.

— Клянусь, Анхела!

— Благодарю!

— Ну, а если какие-нибудь непредвиденные обстоятельства сведут нас друг с другом?

— Значит, так угодно Богу, и я не стану вас упрекать. Что Бог ни делает, все к лучшему.

— Итак, завтра увидимся?

— Да. Я буду приезжать каждый день. А теперь мне пора.

— Так скоро? — печально произнес Луи.

— Да, мой друг. Мне предстоит длинный путь. Вернется отец, будет беспокоиться и отправится на поиски. Я дрожу при мысли, что он может увидеть меня здесь.

— Разве мы делаем что-то дурное?

Подобный вопрос звучал довольно странно в устах молодого человека, но любовь — волшебница: дураков делает умными, а умных дураками.

— Нет, ничего плохого мы не делаем, — с улыбкой ответила Анхела, — но я так счастлива, когда вижу вас, что боюсь, как бы что-нибудь не помешало.

— Вы очаровательны, — только и мог сказать капитан.

— Любовь делает меня осторожной и благоразумной. Вы будете думать обо мне и сегодня, и завтра?

— Обидно слышать подобные вопросы.

— Я тоже буду думать о вас. Таким образом мы словно не будем разлучаться.

С этими словами девушка ловко прыгнула в пирог и взялась за весла.

— До завтра, Луи!

— До завтра, Анхела!

— Счастливого пути! — крикнул Золотая Ветвь.

Вскоре пирога скрылась за поворотом. А капитан продолжал неподвижно стоять, охваченный волнением.

— Я люблю ее, люблю! — воскликнул он, не обращая внимания на подошедшего к нему вестового.

— И вы совершенно правы. Молодая особа стоит того, чтобы на некоторое время потерять голову, — сказал Золотая Ветвь. — Но, по-моему, это несколько не мешает вам возвратиться в форт.

— Хорошо, едем. Зато завтра!

— С самого утра мы приедем сюда, — лукаво улыбаясь, произнес Золотая Ветвь.

— До свидания, Анхела! — крикнул капитан, словно девушка могла его слышать.

— Ох уж эти мне влюбленные! — проворчал солдат. — Все одинаковые.

Солдат и офицер сели в пирог, оставив краснокожего

на съедение ястребам, и через час уже были в форте. Беспечного капитана было не узнать. Жизнь его вдруг обрела смысл. Впервые он так любил, за какой-то час он словно прожил целую вечность. Прошрое куда-то ушло, осталось в тумане. Будущее было светлым и радостным.

Из которой вы узнаете, что хорошенькой женщине лучше не иметь белого попугая

Граф Луи Кулон де Виллье происходил из старинного аристократического рода в Анжу. Многие его предки вошли в историю Франции.

Как известно, форт Дюкен в те времена был важным стратегическим пунктом в Канаде на слиянии Аллеганы и Манонгохелы, образующих реку Орио.

Графы де Виллье считали себя потомками знаменитого Бренна по прозвищу Кейлон, прославившегося еще во время первого вторжения римлян. Один из баронов де Виллье участвовал во взятии Иерусалима Годфридом Бульонским.

В общем, где бы ни велась в средние века война: в Европе, в Азии, в Сицилии или на святой земле, предки графа де Виллье всегда храбро сражались в рядах французских рыцарей. Жажда подвигов и приключений влекла туда, где можно было добыть славу, а не богатство. Они не отступали ни перед какой опасностью. Имя Кулон де Виллье упоминается в числе первых колонистов Франции.

Представитель этого славного рода поселился в Канаде, очарованный ее первозданной природой и теми благами, которые она сулила. Сто его вассалов пожелали разделить с ним его судьбу. Он основал колонию, которая сперва процветала, а позднее, после его неожиданной смерти, пришла в упадок.

За тридцать лет до того времени, с которого начинается наш рассказ, один из потомков рода де Виллье, офицер кариньянского полка, поселился в Новом Орлеане. Но и здесь какой-то рок преследовал этот древний род: офицер неожиданно исчез, и все поиски ни к чему не привели.

Тем не менее имя Кулон де Виллье в Канаде было хорошо известно и пользовалось уважением.

Здесь жили многие потомки прежних вассалов этого рода. Много лет прошло со времени переселения отцов в Новый Свет, но эти благородные люди свято чтители память о своем сеньоре и прежнем владыке.

Граф Луи де Виллье, наделенный, как и его предки, пылкой душой и живым характером, очень скоро пресытился прелестями парижских будуаров и жизнью при дворе Людовика XIV.

Увлеченный любовными похождениями король совершенно не ценил придворных, даже самых достойных, если это не были фавориты.

Молодой дворянин обратился с просьбой разрешить ему уехать в Америку, куда несколько лет назад переселился его старший брат.

Министр долго не соглашался, видимо, желая, чтобы разрешение было воспринято как особая милость.

Но в конце концов граф все-таки добился своего. Он простился с друзьями и поспешил в Гавр, как раз успев на корабль, отплывающий в Квебек — столицу колоний в Новой Франции.

Знатность в сочетании с благородством и репутацией первого щеголя Версаля открыла графу двери во все аристократические дома Канады. И граф со всем пылом и самонадеянностью беспечного молодого человека закружился в вихре светских развлечений. Он волочился за женщинами, а те охотно принимали его ухаживания. Да и какая красotka, особенно по ту сторону океана, откажет блестящему кавалеру? За короткое время наш молодой человек сделался кумиром прекрасного пола Канады.

Следует заметить, что граф, порицавший разгульную жизнь при версальском дворе, в Америке окунулся в море наслаждений светского общества.

Но все проходит. Человек быстро пресыщается ласками и обожанием. Так случилось и с графом. Притом раньше, чем сам он предполагал. Де Виллье вдруг исчез. Не появ-

лялся ни в салонах, ни в кабачках, ни на гуляньях. Целую неделю только и было разговоров об этом.

Но в Квебеке, как и в Париже, восемь дней все равно что восемь столетий. Интерес к случившемуся стал постепенно ослабевать. Покинутые графом прекрасные дамы вернулись к прежним своим поклонникам. Прошло еще несколько дней, и граф был совершенно забыт. Между тем внезапное исчезновение графа имело свою причину.

Среди красавиц Квебека, законодательниц мод, особенно выделялась одна. Тщетно добивались ее благосклонности многочисленные обожатели. Она славилась своей неприступностью и ни разу не сошла с пьедестала добродетели. Ее мраморного сердца ни на миг не коснулось жаркое пламя любви. Холодный рассудок взял верх над чувствами.

Ее поклонники нередко становились жертвами собственной страсти. Один вонзил себе нож в грудь, другой грозил поджечь дом и сгореть вместе с возлюбленной, если она не выйдет за него замуж.

Красавица ограничилась тем, что переехала на свою виллу в окрестностях Квебека.

Отвергнутый поклонник все же поджег дом дамы своего сердца, но, не найдя ее там, застрелился.

Постепенно восхищение красотой и строгим нравом этой женщины сменилось разочарованием и даже ненавистью. Общество отвернулось от нее.

Звали красавицу Камилла де Малеваль. Ей было чуть больше двадцати лет.

Мадам де Малеваль была вдовой штаб-офицера, убитого в последней войне с англичанами. Она провела с мужем лишь медовый месяц, и он ей не успел наскучить. Была у нее и еще одна причина оплакивать мужа. Он оставил мадам де Малеваль огромное богатство, и оно постоянно напоминало о покойном.

Мы уже сказали, что графиня де Малеваль была существом странным, странным и очаровательным. Высокая, с тонкой талией, гибкая, как пальма, очень изящная, как сказали бы наши предки, настоящая королева. Черные волосы великолепно контрастировали с голубыми глазами, осененными длинными ресницами. На алых чувственных губах почти всегда играла насмешливая улыбка. Мелодичный голос проникал в самое сердце. Белизна кожи, тонкие черты лица, маленькие руки и ноги, элегантная

внешность ставили графиню де Малеваль в один ряд с самыми совершенными представительницами женского пола.

С первого же взгляда она очаровывала, покоряла, влекла к себе.

Встреча с графиней и заставила де Виллье бросить все свои прежние похождения. Он влюбился в нее с первого взгляда, а предостережения друзей еще больше его подзадорили.

Графиня обращалась с ним, как и со всеми остальными, а заметив, что он потерял голову, перестала принимать.

Граф де Виллье поклялся добиться своего. И случай помог ему.

Но помог ли?

День, в который графу посчастливилось проникнуть к прекрасной креолке, следовало бы назвать самым несчастным в его жизни.

Но так, видно, было угодно судьбе.

Графиня привезла из Европы белого какаду с красным хохолком. Все любовались этой красивой и умной птицей. Хозяйка души в нем не чаяла. Она выучила его говорить, даже петь, и берегла как зеницу ока.

У соседа графини, богатого плантатора, была обезьянка, очень забавная и очень злая. Хозяина она любила, а остальных кусала, стоило только к ней приблизиться.

Звали обезьянку Ник.

А попугая Бианко.

В один прекрасный день обезьянка оборвала цепочку, взобралась на стену, отделявшую дом графини от дома плантатора, спрыгнула в парк, пробралась к попугаю, осторожно взяла его в лапы и убежала, несмотря на отчаянный крик негрityнки, не успевшей помешать этому неожиданному похищению.

На шум прибежала графиня. И в ту же минуту появился плантатор, который пришел за своей обезьянкой. Та взобралась на дерево высотой в сто футов и весело играла с белым Бианко, которому это, видимо, не доставляло никакого удовольствия. Плантатор хохотал, а графиня в отчаянии ломала руки и кричала.

Это слышал де Виллье, часто прогуливавшийся мимо дома графини, и, воспользовавшись суматохой, проник в парк.

— Я жизни не пожалею, чтобы спасти моего Биан-

ко, — говорила сквозь слезы графиня. — Все богатства отдам!

Плантатор продолжал хохотать.

Де Виллье почтительно поклонился графине и сказал: — Один поцелуй, и я спасу вашего попугая!

Женщина протянула графу руку, и он запечатлел на ней поцелуй. Затем, взяв у слуги мушкет, стал целить в обезьянку. Плантатор подскочил к нему, размахивая кинжалом.

— Если вы убьете Ника, я убью вас!

Граф ничего не ответил, пожал плечами и выстрелил. Пуля угодила обезьяне в голову, и она выпустила попугая, который упал прямо на колени хозяйке. В тот же миг де Виллье, получив удар кинжалом, рухнул на землю к ногам графини.

Нечего и говорить, что прежде, чем лишиться чувств, граф успел раздробить плантатору череп прикладом мушкета.

Дорогой ценой была спасена жизнь попугая.

Обезьянка погибла, плантатору кое-как починили голову, но он так и остался на всю жизнь идиотом. Что же касается де Виллье, то графиня вынуждена была оставить его у себя до полного выздоровления.

А поправлялся граф, надо сказать, очень медленно.

Это обстоятельство и частые посещения графом хозяйки дома дали пищу злым языкам. Наконец-то креолка не устояла.

Итак, тигрица была укрощена.

Она открыла сердце очаровательному и отважному спасителю попугая. Свое поражение красавица перенесла с примерным мужеством, гордясь в душе еще не ведомым ей чувством. Она открыто принимала поклонение де Виллье, заставив тем самым замолчать даже самых ярых своих недоброжелателей.

Первое время граф чувствовал себя счастливым. Мадам де Малеваль целиком отдалась своей страсти и мечтала о замужестве.

Граф долго размышлял и пришел наконец к выводу, что не любит графиню, просто увлекся ею, а главное, удовлетворил свое тщеславие.

И вот как-то утром он проснулся с ощущением холода и пустоты в сердце. Владевшая им прежде страсть стала тяготить его. Этого нельзя было сказать о креолке. Она

безумно любила де Виллье и связывала с ним свои мечты о будущем счастье.

У де Виллье не хватило смелости порвать с надоевшей возлюбленной. Он решил дожидаться удобного случая. Быть может, новый каприз графини вернет ему свободу? Но молодая женщина оставалась ему верна.

Тогда капитан задумал бежать.

— С глаз долой — из сердца вон, — сказал он себе и тотчас отправился к маркизу Дюкену де Менневиллю, губернатору Новой Франции, которому графа рекомендовали с самой лучшей стороны.

Ни словом не обмолвившись об обстоятельствах, вынудивших его обратиться с подобной просьбой, молодой человек попросил губернатора дать ему возможность послушать королю.

Маркиз, человек светский, все понял с полуслова. Он даже не улыбнулся, что делало честь его проницательности, и похвалил графа за рвение в службе.

Капитан де Виллье тотчас же получил приказ отправиться в полк в форт Дюкен, в глубь страны. Если учесть при этом, что губернатор состоял в числе отвергнутых обожателей, то станет понятным его мгновенное решение.

С приказом в руке граф отправился прямо к возлюбленной. Лицо его было таким взволнованным и такое отчаяние звучало в голосе, что графиня легко поддалась на обман. Горюя о предстоящей разлуке, она в то же время утешала графа, а он про себя смеялся над ней.

Они стали придумывать, как бы уклониться от приказа, но графиня де Малеваль уверяла, что это месть маркиза и ничего сделать нельзя. Пришлось покориться. Графиня клялась капитану в вечной любви, он отвечал ей тем же.

На другой день рано утром граф поспешил покинуть Квебек и отправился в далекий путь, радуясь вновь обретенной свободе.

Расплата

В тот день, когда капитан встретил на берегу Анхелу, исполнился ровно месяц со дня его прибытия в форт Дюкен.

Не вставал ли в течение этого месяца образ Камиллы де Малеваль перед глазами капитана? Не жалел ли он, что покинул очаровательную вдову? Не вспоминал ли свою прежнюю веселую, полную наслаждений жизнь в Квебеке? Ведь здесь, на границе с пустыней, не было и намека на цивилизацию, не говоря уже о комфорте.

Все это мы сейчас узнаем.

Прежде всего надо заметить, что девушка, таким чудесным образом вошедшая в его жизнь, разрушила чары прошлого. Капризная великосветская дама уступила место в его сердце простодушной наивной девочке, и капитан впервые за долгие годы испытал настоящую любовь.

И любовь эта с каждым днем все росла. По утрам молодой человек в сопровождении Золотой Ветви отправлялся на свидание с Анхелой. Время незаметно пролетало в разговорах о будущем и клятвах в вечной любви.

Молодые люди расставались, чтобы на следующий день снова встретиться. И все повторялось сначала. Старая и вечно юная история, именуемая любовью, когда два бьющихся в унисон сердца сладко замирают от дивной музыки слов. Что может быть прекраснее и целомудреннее этих встреч без единого поцелуя, когда соединяются в пожатии руки!

Никто из друзей не признал бы в нынешнем Луи де

Виллье прежнего любимца всех знатных дам, завсегдатая великосветских салонов Версаля и Квебека. Между тем молодой офицер впервые в жизни чувствовал себя по-настоящему счастливым.

Как-то капитан напрасно прождал целый день. Анхела не пришла. Граф не на шутку встревожился. В душе шевельнулось недоброе предчувствие. Тщетно пытался Золотая Ветвь его успокоить, придумывая причины, которые могли задержать девушку.

Уже стало темнеть, но капитан не хотел возвращаться.

— С ней наверняка что-то случилось, — твердил граф. — А я даже не знаю, где она живет. Что заставило ее скрыть это от меня? Хорошо, должно быть, у нее отец, если она так боится, как бы он не узнал о наших встречах. Я больше не увижу ее!

— Не волнуйтесь, завтра утром она будет здесь. Девушка — не булавка, затерявшаяся в стоге сена. Никуда не денется.

Оставаясь глухим к увещаниям солдата, граф де Виллье, охваченный мрачным предчувствием, согласился наконец отправиться в обратный путь.

Солнце уже почти село, окрасив в пурпур и золото вершины Аллеган. Поднялся ветер, и на реке пошли высокие волны.

Предавшись печальным думам, офицер не замечал великолепных картин, мелькавших, как в калейдоскопе, перед его глазами.

Вдруг с правого берега раздался шум. Капитан весь обратился в слух. Солдат остановил пирогу и тоже прислушался. Теперь уже можно было различить громкие крик, мольбы и хохот.

— Что это? — тихо спросил граф.

— Похоже, режут кого-то.

— Может, посмотрим?

— Как прикажете, капитан, но ведь уже поздно, пока приедем, запрут ворота.

— Пожалуй, ты прав, поедem в форт.

— Тем более что это наверняка дикари и воют. Иной раз кажется, они дерутся, а подойдешь поближе, оказывается, они или молятся своим богам, или свадьбу справляют.

Граф де Виллье хотел продолжать путь, как вдруг раздался душераздирающий крик. Смертельная бледность

покрыла лицо графа, и он задрожал всем телом. Ему почудилось, что это кричала Анхела.

— Едем быстрее! — сказал граф вне себя от волнения.

Солдат налег на весла, и лодка стрелой понеслась к берегу.

Крики становились все явственней.

— Скорее! Скорее же! — торопил граф.

Золотая Ветвь молча протянул ему весла. Пирога словно полетела по воздуху. Только она ударилась носом о берег, как солдат и офицер выскочили и прямо через кустарник побежали в ту сторону, откуда неслись крики. Наконец, изнемогая от усталости, они добежали до поляны. И тут глазам их предстало ужасное зрелище. Десятка два головорезов, в которых было нетрудно угадать канадских колонистов, окружили старика и девушку, размахивая топорами и ружьями и неистово крича.

Граф не ошибся. Это была Анхела. В ту же минуту, забыв об опасности, граф бросился на злодеев и, нанося направо и налево удары, опрокидывая все на своем пути, очутился рядом со своей возлюбленной.

Золотая Ветвь не спешил двинуться в бой, бормоча:

— Их много, слишком много...

Однако бросать начальника он не собирался.

Граф между тем не знал, что эти рассвирепевшие люди решили отомстить старику, отцу Анхелы, которого называли Изгнанником или колдуном, не имея понятия ни о его происхождении, ни о его настоящем имени.

Вот как это случилось. Колонисты возвращались из форта, где в обмен на свои товары приобрели всякие необходимые вещи. Вдруг они увидели старика и его дочь, те шли к своему жилищу.

В форте колонисты изрядно выпили в компании солдат и были сильно возбуждены.

Отец и дочь посторонились, давая им дорогу. Это-то едва не стоило им жизни.

Будь канадцев меньше, они не посмели бы задеть старика, к которому питали суеверный страх и даже уважение, более того, постарались бы не попадаться ему на глаза.

Но, к несчастью, их было много, и это придавало им храбрости. Они стали насмехаться над стариком, но он

счел унижительным для себя отвечать. Обнаглев, негодяи окружили его и стали ругать. Потеряв терпение и опасаясь за дочь, старик схватил одного из них, самого дерзкого, и отшвырнул в сторону.

Столь необычная сила ошеломила колонистов, и они уже готовы были ретироваться, но тут негодяй, которому досталось от старика, вскочил на ноги и бросился на него с ножом, подстрекая остальных:

— Чего испугались? Убить его надо! Дайте-ка я всажу в него нож!

Старик заслонил свою дочь и смело смотрел на врагов.

Канадцы с криками ринулись на него.

Изгнанник дрался отчаянно, защищая дочь от разбойников без чести и совести. Двое покатались по земле: один с раскроенным черепом, другой с простреленной грудью.

Но что мог сделать старик против двадцати бандитов? Отдалить на несколько минут свою гибель.

Старика схватили, оттащили на середину поляны и, не обращая внимания на слезы и мольбы девушки, привязали к дереву, чтобы предать мучительной смерти.

Изгнанника обвинили в убийстве двух колонистов, а главное, в колдовстве.

Все окрестные жители были убеждены, что отец Анхелы колдун, насылает порчу на скот, что из-за него случаются пожары и гибнут посевы.

В конце концов разбойники все же решили не подвергать старика пыткам, сжалились над несчастной дочерью, которая валялась у них в ногах, моля пощадить отца.

Однако казнь не отменили, объявили Изгнаннику, что он будет расстрелян и повешен за ноги к дереву на съедение хищным птицам.

Обезумевшая от горя Анхела бросилась к отцу и обвиняла его шею руками, решив умереть вместе с ним.

Ни уговоры, ни приказы старика не помогли.

— Нет, нет, — повторяла девушка прерывающимся от слез голосом. — Я не уйду, мы умрем вместе!

Изгнанник не боялся смерти, но мысль о том, что будет с дочерью, когда его не станет, повергала несчастного в отчаяние, сводила с ума.

Между тем колонисты приготовились привести приго-

вор в исполнение, но никак не могли оторвать Анхелу от отца.

— Оставь меня, уходи! — кричал старик. — Мы встретимся на небе.

Жаждавшие крови разбойники пришли в ярость. Они и так потеряли уйму времени на такой, по их мнению, пустяк, как казнь колдуна, и теперь торопились покончить с этим делом. Некоторые из них даже готовы были убить дочь вместе с отцом.

Поднялся невообразимый шум.

Возможно, эта страшная казнь и свершилась бы, не появившись капитан со своим солдатом.

Граф пробился к осужденному и его дочери и заслонил их собой.

Колонисты от неожиданности попятились назад. В этот момент подбежал Золотая Ветвь и принялся быстро развязывать старика.

Увидев капитана, Анхела бросилась к нему:

— Спасите его, Луи! Спасите моего отца!

— Ничего не бойтесь, Анхела! Я не дам его в обиду.

— Они знакомы! — прошептал старик изумленно.

Офицер между тем грозно посмотрел на колонистов, испуганно отступивших перед ним, и сказал:

— Подлые разбойники! Кто вы: звери или дикари, что с такой яростью напали на старика и беззащитную девушку? Боже милостивый! Вы достойны самой жестокой кары!

Золотая Ветвь, угадав мысль начальника, спокойно держал ружье наизготовку.

— Бросай оружие! — крикнул капитан.

Колонисты опустили головы, и ружья одно за другим упали к ногам молодого человека.

Появление французского офицера охладило пыл разбойников. Хмель как рукой сняло. Стыд и угрызения совести наполнили их сердца.

Эти невежественные люди, грубые и суеверные, поняли, какой безобразный совершили поступок. Бездельники дрожали при одной мысли о том, что могут быть преданы военному трибуналу.

Все это прекрасно понимал граф. Он хотел из создавшейся ситуации извлечь пользу.

— Золотая Ветвь, — обратился он к солдату, — этих негодяев следует отвести в форт. Зови солдат!

— Слушаюсь, господин капитан, — не моргнув глазом ответил солдат, сделав вид, будто собирается исполнить приказ капитана.

Колонисты переглянулись. Многие из них по опыту знали, как круто расправляется губернатор с преступниками, и считали себя погибшими.

Но тут Изгнанник жестом остановил Золотую Ветвь и, поддерживаемый дочерью, приблизился к графу.

Склонив голову перед молодым человеком, он произнес:

— Милостивый государь, я обязан вам жизнью. Но я достаточно пожил на свете. Господь благословит вас за то, что вы спасли мою дочь, потому что она не пережила бы моей смерти! Умоляю вас, будьте великодушны до конца!

— Я вас слушаю, сударь!

— Обещайте исполнить одну мою просьбу.

— Я не посмею вам отказать.

— Эти люди не ведали, что творили. Они раскаялись. Я простил их. Простите и вы.

— Но ваша просьба... — заколебался капитан.

— Простите их, — шепнула на ухо капитану Анхела. — Я так счастлива!

— Умоляю вас! — продолжал Изгнанник. — Во имя всемогущего Неба, простите их!

Канадцы с плачем бросились на колени, благодаря и моля о пощаде.

С минуту граф стоял молча. Наконец приказал колонистам подняться и обратился к Изгнаннику.

— Ради вас я отпускаю этих людей, и пусть запомнят, что это именно вам они обязаны жизнью, — сказал капитан и повернулся к колонистам. — Но если когда-нибудь вы об этом забудете, — продолжал он, — вас ждет суровая кара.

Колонисты, радуясь, что легко отделались, поспешили уйти, даже ни разу не оглянувшись, дрожа при мысли, что из кустов могут появиться солдаты. Как только они скрылись из виду, Золотая Ветвь расхохотался.

— Братцы солдаты! — кричал он — Опустите ружья!

Граф хотел одернуть Золотую Ветвь за неуместную шутку, но тут к нему обратился Изгнанник.

— Благодарю вас, сударь, — сказал он. — Вот вам моя рука. Давно я не встречал человека такого отважного и, надеюсь, честного.

Офицер крепко пожал старику руку.

Изгнанник с облегчением вздохнул. Его подозрения насчет молодого человека и дочери рассеялись.

Анхела улыбнулась и взглядом поблагодарила отца. Этот взгляд был для старика дороже всех сокровищ.

— Пойдем домой, отец, — тихо проговорила девушка.

— Пойдем.

— Вы слишком слабы, чтобы идти, — после некоторого колебания проговорил капитан.

Старик грустно улыбнулся. Он понял причину столь трогательной заботы, но виду не подал и ответил:

— Вы правы, тем более дом мой не близко. К тому же я буду рад, если вы нас проводите.

Анхела покраснела, а капитан едва скрывал свою радость. Золотая Ветвь стал тихонько насвистывать победный мотив, в то время как маленький отряд покидал поляну, едва не ставшую местом подлого убийства.

Жилище Изгнанника

Граф Луи де Виллье, проводив старика и его дочь до самого дома, возвращался в форт в самом радужном настроении — он был счастлив, что заплатил долг Анхеле, спасшей ему жизнь.

Но в форте его ждали дурные вести. Из Квебека прибыл курьер и в числе прочей корреспонденции привез капитану письмо от барона де Гриньи, друга детства графа.

Барон сообщал, что графине де Мелеваль очень скоро удалось раскрыть хитрость своего бывшего поклонника, нашедшего предлог, чтобы сбежать от нее.

Раздосадованная лицемерными утешениями отвергнутого обожателя и насмешками подруг, вне себя от ярости, она поклялась жестоко отомстить капитану.

Женщина страдала не столько от любви, сколько от уязвленного самолюбия. Она никого не принимала и, уединившись в одном из своих имений, строила планы мести.

Барон де Гриньи советовал графу быть поосторожнее.

В своей ненависти графиня не остановится ни перед чем, писал барон, а она способна на все, это барону хорошо известно.

В конце письма де Гриньи сообщал, что скоро приедет в форт Дюкен. Губернатор Новой Франции посылает его с поручением к коменданту форта. При встрече они обо всем подробно поговорят.

Молодой человек недооценил всей серьезности письма. Прочтя его, он пожал плечами и вздохнул с облегчением. Ненависть графини развязала ему руки. Стоит ли бояться

ее угроз, если она даже не знает, где он находится, и, уж конечно, не сможет проникнуть в форт. А пока он вернется в Квебек, гнев ее поутихнет, а может быть, и совсем пройдет.

— Если обращать внимание на угрозы всех покинутых женщин, — произнес он вслух с улыбкой, — лучше совсем не жить.

Кроме того, образ Анхелы заслонял мстительную крепость.

Поразмыслив немного, капитан бросил письмо на стол и решил никогда больше не вспоминать о графине.

Увы! Он не знал, на что способна женщина, особенно такая, как графиня де Малеваль.

Точнее, не желал знать. Потому что был страстно влюблен в Анхелу.

В иных обстоятельствах он сумел бы оградить себя от посягательств этих Цирцей с розовыми ноготками, магнетическими взглядами и пленительными улыбками, готовых за отвергнутую любовь пойти даже на преступление.

Беспечность графа могла иметь самые ужасные последствия. Он и не подозревал, как скоро разразится над ним гроза. Ослепленный любовью, он забыл о своем прошлом, не думал о будущем и жил только настоящим, представлявшимся ему в розовом свете. Заветное желание молодого человека исполнилось. Он мог, не нарушая клятвы, данной девушке, хранить их встречи в тайне, бывать у нее в доме с согласия отца.

После того как граф проводил старика с дочерью до дома, Изгнанник, пожимая ему на прощание руку и пристально глядя ему в глаза, сказал:

— Еще об одном хочу попросить вас.

— Я к вашим услугам.

— Назовите мне ваше имя. Я хочу знать, как зовут человека, спасшего мне жизнь.

— Мое имя Луи Кулон де Виллье.

Изгнанник вздрогнул, а граф продолжал:

— Я — капитан морского королевского полка и служу в форте Дюкен.

— Граф де Виллье, — прошептал старик.

— Да, милостивый государь, граф де Виллье, — ответил молодой человек, недоумевая, откуда известно отцу Анхелы, что он граф. — Но вы плачете, сударь?

Старик смахнул слезы и, взяв себя в руки, спокойно проговорил:

— Господин граф, вот мой дом. Если вас не пугают всякие бредни и вы не отринете дружбы и благодарности того, кто никогда никому не причинил зла, приходите как можно чаще посидеть у моего очага. Мы с дочерью будем вам рады.

Молодой человек почтительно поклонился и ушел, едва не прыгая от радости. Золотая Ветвь шел, философствуя о превратностях жизни и о том, как слепы отцы молоденьких девушек, не замечающие, что творится у них под носом. Они не заметили, как очутились у форта, где графа ждало письмо барона де Гриньи.

На другой же день молодой человек поспешил нанести визит Изгнаннику и теперь стал у него частым гостем. Ноги сами несли его в скромное жилище старика. Золотая Ветвь лишь изредка сопровождал его.

— Похоже, я стесняю капитана, — решил он и никогда не спрашивал капитана об Изгнаннике и его дочери.

Нечего и говорить, что Анхела и ее отец с искренней радостью встречали капитана, и старик никак не стеснял молодых людей, поэтому о своих встречах в лесу они вспоминали без сожаления.

— Когда вас нет, Луи, — говорила Анхела, — мне кажется, что солнце ушло из дома.

Старик, впервые отказавшись от уединения, считал молодого человека членом семьи. Он радовался зарождающемуся чувству Анхелы и графа и старался оставлять их наедине, часами бродя по лесу, а когда возвращался, заставлял их мирно беседующими, как и перед его уходом, что не могло его не радовать.

Граф де Виллье с каждым днем все сильнее любил Анхелу, но одновременно рос его интерес к загадочному старику.

Возмущенный невежественным суеверием канадцев, едва не убивших старика, граф иногда все же думал, что, возможно, отец Анхелы в прошлом совершил преступление или какой-нибудь бесчестный поступок, и теперь настал час возмездия. Но стоило ему взглянуть на честное, открытое лицо старика или заметить невинную улыбку Анхелы, как сомнения исчезали.

Из частых и долгих бесед с отцом Анхелы граф понял, что старик умен, образован, добр и вряд ли мог причи-

нить кому-нибудь зло. Но все же тайна, окутывавшая прошлое хозяина уединенного жилища, человека сильного, волевого, гордо сносившего унижения, не давала капитану покоя.

На угрозы разъяренных колонистов старик отвечал молчаливым презрением. Ни единая жалоба никогда не сорвалась с его уст. Он относился к своим врагам снисходительно и даже оказывал им услуги, только имени своего благодетеля они не знали.

«Этот человек не всегда жил в лесу, — справедливо думал граф. — Он видел лучшие дни».

Манеры старика выдавали в нем аристократа. В Европе или Америке, но он наверняка играл видную роль и занимал высокий пост. Постепенно граф утвердился в этом мнении.

Все попытки капитана вызвать отца Анхелы на откровенность ни к чему не привели. Старик очень умело уходил от вопросов, на которые не хотел отвечать, неизменно вызывая досаду собеседника. Загадка так и осталась загадкой.

Прошел уже месяц, а капитан так же мало знал об отце Анхелы, как и в первый день их знакомства.

Однажды утром граф пришел в дом к старику раньше обычного. Он явился прямо с охоты и принес великолепного тетерева. Изгнанник, чистивший в это время ружье, поблагодарил и сказал:

— Это избавит меня от забот о завтраке. Анхела, — обратился он к дочери, — приготовь дичь. Надеюсь, вы не откажетесь отведать свою добычу? Вы ведь наверняка не успели позавтракать, — снова повернулся старик к графу.

— Как вы думаете, Анхела, завтракал ли я? — шуточно спросил молодой человек.

— Вряд ли вам пришлось это в голову, — в тон ему ответила девушка.

— Святая истина.

— Итак, вы принимаете мое приглашение?

— С величайшим удовольствием.

— Потерпите немного. Не позднее чем через полчаса мы сядем за стол. Не правда ли, дочка?

— Да, отец, — ответила Анхела, ошипывая птицу.

— Позвольте вам помочь, — произнес офицер, подходя к девушке.

Анхела засмеялась и убежала.

— Сознайтесь, что вы заслужили это, — сказал старик.

— Каков отец, такова и дочка, — парировал граф.

Старик пропустил эту насмешку мимо ушей и спросил:

— Что новенького в форте?

— Ничего, насколько мне известно.

— Разве вы не получали никаких известий?

— Никаких.

— Странно, — многозначительно произнес Изгнанник.

— Что же вас удивляет?

— Да нет, ничего...

— Вы что-то скрываете?

Старик на мгновение смутился, потом быстро ответил:

— Вовсе нет. Но в колонии дела совсем плохи, и невольно возникают сомнения.

— Пожалуй, вы правы, но зло везде зло, и бороться с ним трудно.

Старик печально покачал головой:

— Как долго вы служите в форте?

— Два с лишним месяца.

— А перед тем вы провели несколько месяцев в Квебеке?

— Да.

— И вам известно, что здесь происходит?

— Очень мало, я был бы рад узнать побольше. Признаться, все происходящее здесь представляется мне в очень печальном свете.

— Это правда, — с горечью ответил старик. — А между тем край богатейший. Здесь можно было бы сделать великолепную колонию.

— Кто же повинен в наших бедах?

— Все мы, каждый понемногу.

— Я вас не понимаю.

— Постараюсь объяснить. Тем более что вам предстоит довольно долго жить в этой стране.

— Буду вам признателен. Вы провели длительное время в колонии и, вероятно, знаете ситуацию лучше, чем кто-либо другой.

Вопрос был поставлен прямо. Старик улыбнулся.

— О, — ответил он равнодушно, — любому известно то же, что мне... Но не в том дело, выслушайте меня, прошу вас.

Капитану доставил бы гораздо большее удовольствие

разговор с девушкой, которая в это время вошла и принялась накрывать на стол. Но Изгнанник затронул настолько серьезный и интересный вопрос, что молодой человек скрепя сердце приготовился внимательно слушать.

— Я, собственно, не вправе рассуждать на эту тему, поскольку изгнан из общества, — печально начал старик. — Но тем не менее попытаюсь обрисовать вам нынешнее положение. Прежде всего должен заметить, что во всех слоях общества вы найдете тот же разврат, ту же алчность и другие пороки...

— Неужели это правда?

— Милостивый государь, мы стремительно движемся к упадку. Через каких-нибудь десять лет богатейшая колония, названная Новой Францией, за которую пролито столько драгоценной французской крови, перейдет к англичанам.

— К несчастью, наши враги сильны. Со свойственным им упорством они шаг за шагом вытесняют нас отсюда, но...

— Да, англичане упорны. Неудачи их не смущают. Но не только с ними приходится нам бороться, иначе им не удалось бы нас победить. Самые опасные враги здесь, среди нас.

— Как прикажете вас понимать?

— Что представляют собой здешние колонисты? Развращенные мужчины и женщины легкого поведения. Управляют колонией люди, разорившиеся в Европе, пустившие по ветру все состояние и приехавшие сюда поправить свои дела, причем любыми средствами. Они берут деньги у кого попало, не зная, каким способом эти деньги добыты, алчность толкает их на поступки самые низкие.

— По-моему, вы сгущаете краски.

Изгнанник расхохотался. Потом сказал:

— Есть здесь и честные люди, но их можно пересчитать по пальцам. Маркиз Дюкен де Менневиль — аристократ старинного рода, умный, знающий, уважаемый человек. А что сделал он со времени своего приезда сюда? Ровным счетом ничего.

— Как ничего?

— Ничего. Его реформы не принесли никакой пользы. Чтобы добиться настоящего результата, прежде всего следовало взять под стражу всю администрацию колонии, предать суду и повесить. Губернатор не может поступить

подобным образом, поскольку зависит от этой администрации, имеющей в Версале могущественных покровителей. Достаточно одного доноса, и маркиз лишится своего места, потеряет доверие королевского двора.

Капитан нахмурился:

— Скажите, прошу вас, откуда вам известны такие подробности? Ведь вы провели свою жизнь в лесах.

— А жители лесов, — с иронией ответил Изгнанник, — любознательнее вас. Мы живем, как говорится, между молотом и наковальней. Нас грабят все, кому не лень, под любым предлогом, а жаловаться некому.

— Мне очень интересно слушать вас, продолжайте, пожалуйста. Я пользуюсь у губернатора влиянием и, может быть, сумею раскрыть ему глаза на все, что происходит, и тем самым помогу колонистам.

— Поздно, — пробормотал старик, с горькой улыбкой покачивая головой. — Зло пустило слишком глубокие корни, теперь их не вырвешь, но, раз вы желаете, я продолжу.

— Благодарю вас.

— Итак, зло возникло давно, вместе с колонией. Первые поселенцы французы появились в этой стране, когда природа была девственно нетронутой. Жили здесь только свободолюбивые индейские племена, очень воинственные. Однако с ними легко удалось договориться. Колонисты заключили союз с индейцами и обеспечили себе спокойное существование. По справедливости, каждый колонист должен был сам выбирать место жительства, земли, благодарение Богу, хватало. Однако власти колонии почему-то потребовали, чтобы все селились в одном месте. Коротче говоря, основали город. Жители превратились в горожан-ремесленников и буквально умирали с голоду, потому что не было сельского населения, фермеров, главных кормильцев. Мало того. Власти разделили Новую Францию с еще невозделанными землями, можно сказать, пустыню, на герцогства и графства, щедро раздавая их придворным. Те вовсе не собирались переселяться за океан и посылали вместо себя своих управляющих. Управляющие заботились лишь о том, как бы разбогатеть, не разбираясь при этом в средствах. В результате они окончательно разорялись, доходя до полной нищеты.

— Как же теперь поправить положение? — спросил капитан, ошеломленный нарисованной мрачной картиной.

— Я же сказал вам, теперь уже поздно, — промолвил

Изгнанник. — Впрочем, кое-что еще можно сделать, но действовать решительно.

— Что же нужно делать?

— Прежде всего освободиться от пиявок-управляющих, а пожалованные земли раздать тем, кто будет их обрабатывать.

— Это, пожалуй, слишком, — возразил молодой человек.

— Отчего же? Именно так поступили наши соседи англичане. Кроме того, надо очистить страну от негодяев, хлынувших сюда из Европы, которые лишь развращают колонистов.

— Это уже не реформы, сударь, а настоящий переворот.

— Знаю, капитан, и потому давно пришел к выводу, что сделать ничего невозможно.

— Но не все колонисты так плохи, как вы говорите. Ведь после заключения первого мира с ирокезами офицерам кариньянского полка, людям честным и храбрым, предложили выйти в отставку, если пожелают, и поселиться в колонии.

Изгнанник побледнел, тень пробежала по его лицу.

— Я это знаю, капитан, — произнес он взволнованно. — Некоторым из них дали целые поместья. Это были в основном дворяне, так что в одной только Новой Франции дворянских семей теперь куда больше, чем во всех остальных колониях вместе взятых.

— Не известно ли вам, где сейчас все эти офицеры и солдаты?

— Они рассеялись по всей территории, — проговорил старик глухим голосом. — Многие углубились в леса и занялись расчисткой земель под пашню. Женились на индианках, стали охотниками и постепенно смешались с индейцами. Их потомки получили прозвище «головешки» за темный цвет кожи.

— Может быть, и вы потомок этих «головешек», сударь?

— Кто знает? — ответил старик, через силу улыбнувшись.

— Одна мысль не дает мне покоя, — продолжал молодой человек.

— Что за мысль?

— Мой родственник служил в кариньянском полку.

— Ах! — вскричал старик, неожиданно вскочив, будто ошпаренный. — А вот и завтрак.

— Надеюсь, вы с нами позавтракаете? — спросил граф, удивленный странным поведением Изгнанника.

— Нет, граф, не могу.

Офицер принялся было настаивать, но Анхела взглядом велела ему замолчать.

— Извините, — продолжал старик, — но у меня срочное дело... Я обещал путешественникам пойти с ними проводником.

— Не церемоньтесь, пожалуйста, — сказал капитан, сообразив, что старик просто ищет предлог уйти из дома.

— Благодарю, капитан. Оставляю вас на попечение дочери, она постарается развлечь вас в мое отсутствие. — Изгнанник улыбнулся.

— Непременно, отец, — сказала девушка.

— Головешка я или нет, — продолжал Изгнанник, пожимая молодому человеку руку, — я предан вам душой и телом.

— Не сомневаюсь в этом.

— Если когда-нибудь вам понадобится моя помощь, можете на меня рассчитывать.

Старик поцеловал дочь и пошел к двери, но с порога вернулся.

— Вы давно не получали вестей о вашем брате? — спросил он.

— Давно. Но почему вы спрашиваете?

— Когда в последний раз вы его видели?

— Когда прибыл в Америку. Покинув Квебек, я надеялся застать его в форте Дюкен, но в день моего приезда он выступил из Дюкена по приказу губернатора, у которого состоял адъютантом.

— Он послан к англичанам?

— Да. Бедняга! Как, должно быть, он сокрушался, что не успел со мной повидаться!

— Ну, и что дальше?

— Я с нетерпением жду его возвращения.

— Лучше иметь дело с краснокожими, даже с дикими зверями, чем с англичанами, — с горечью произнес Изгнанник.

— Что вы хотите этим сказать?

— Мужайтесь, господин де Виллье, мужайтесь, — ответил изгнанник и быстро вышел из дому, оставив молодого человека в недоумении.

Вестник

Оставшись одни, молодые люди некоторое время неподвижно стояли. Неожиданный уход старика, а главное, его загадочные слова не могли не удивить Анхелу и графа. Де Виллье чувствовал, что мужество покидает его. Сердце болезненно сжалось от предчувствия близкой беды. Граф хотел броситься вслед за Изгнанником, расспросить его обо всем, но мешало присутствие девушки. Она смотрела на него с тревогой и состраданием.

— Вы ведь ничего не знаете, Анхела, верно? — с усилием спросил он.

— Ничего! Ничего такого, что могло бы вас огорчить.

— Ваш отец напугал меня.

— Но почему вы так взволнованы, дорогой Луи? Отец высказал только предположение.

— Может быть, он не хотел сказать сразу, что с братом случилось несчастье, решил меня подготовить?

— Какое несчастье? Вы скоро увидите брата, друг мой!

— Дай-то Бог! Но слова вашего отца прозвучали, как погребальный звон.

— Бог милостив! Надеемся!

— Надеяться? Но отец ваш сказал: мужайтесь. А меня вдруг покинуло мужество, и я утратил надежду.

— Вы очень любите брата? — спросила Анхела с легким волнением, которого капитан не заметил, поглощенный мрачными мыслями.

— Как никого на свете! — ответил граф.

И, дав волю охватившему его чувству, добавил:

— Бедный Жюмонвилль! Такой красивый, храбрый,

честный! Он был мне не только братом, но и близким человеком.

Сам того не сознавая, граф говорил об Жюмонвилле в прошедшем времени, как об умершем.

— Луи! — окликнула его Анхела, желая отвлечь от мрачных мыслей.

— Анхела! — отозвался капитан. — Что с вами?

— Неужели это и есть любовь?

— Да, милое дитя! Любовь — это и радость, и горести, наслаждение и труд, отчаяние и надежда.

— И все же несчастлив тот, кому не пришлось познать ни этой радости, ни этих страданий.

— Да, это так, — ласково произнес капитан.

— Дорогой Луи! В таком случае, я очень люблю тебя, потому что страдаю вместе с тобой.

— Ты меня любишь, Анхела? — вскричал молодой человек.

— Пресвятая дева, мы перешли на «ты»!

— А я и не заметил, просто дал волю сердцу.

— Глядя, как вы страдаете, я просто потеряла голову...

— Правда?

— Да, я все отдала бы, чтобы вернуть тебе... — она загнулась, — чтобы вернуть вам хоть каплю надежды. Моя беспомощность приводит меня в отчаяние.

— Милый ангел! — воскликнул граф, осыпая поцелуями руки девушки.

А она прошептала:

— Не правда ли, лучше моего отца нет на свете? Только плохие люди могут его не любить. Он и ушел, чтобы оставить нас одних, знал, что тебе необходимо утешение.

— Не говори так, Анхела, не напоминай об опасности, которой подвергается мой брат, дай смотреть на тебя, читать в твоих глазах надежду на наше будущее счастье. В первый раз я люблю так сильно, всем сердцем!

— А я в первый и в последний раз, — прошептала девушка, прижав руки к груди. — Я хотела бы никогда не расставаться с тобой!

Чувства графа, этого покорителя женских сердец, пресыщенного наслаждением, были чисты и целомудренны. Заслышав снаружи шаги и полагая, что это Изгнанник, граф приблизился к Анхеле, поцеловал ее в лоб и сказал:

— С этого момента мы с тобой жених и невеста и при-

надлежим друг другу. Никто не в силах нас разлучить. Как только вернется отец, я попрошу у него твоей руки.

Девушка радостно вскрикнула и, вся зардевшись, со слезами на глазах бросилась вон из комнаты. Капитан хотел последовать за ней, но в этот момент в дверь постучали.

— Войдите, — сказал граф.

Дверь отворилась, и на пороге появились двое: канадский охотник и краснокожий. Изорванная, вся в грязи одежда говорила о том, что был проделан длинный путь.

— Что бы ни привело вас сюда, — произнес капитан, — я приветствую вас как желанных гостей. Садитесь и отдыхайте. Если проголодались — на столе пища. Хотите пить — вот вода.

Канадский охотник наклонил голову в знак благодарности.

— Мы устали, — произнес он мрачно, — но отдыхать нам рано. Есть и пить мы тоже не будем, пока не выполним свой долг.

— Это дело ваше. Я не буду ни на чем настаивать. И расспрашивать не стану.

— Напротив, спрашивайте, милостивый государь, мы вам ответим, ведь вас-то мы и искали.

— Меня? — удивился граф.

— Да, вас.

— Ведь вы меня не знаете.

— Возможно, но у нас к вам дело.

— Странно, — прошептал капитан. — Кто вы? И зачем я вам понадобился?

— Я имею честь говорить с графом Луи Кулоном де Виллье? — суровым голосом спросил охотник, не отвечая на вопрос.

— Да. Я граф Луи Кулон де Виллье, Но раз вы знаете мое имя, назовите и свои.

— Извольте капитан. Я — Пьер-Жан Батист Берже, — ответил охотник, — а это Чуткое Ухо, начальник гуронов-волков. Мы сопровождали графа де Жюмонвилля.

— Моего брата? — вскричал молодой человек.

— Да, господин граф, — ответил охотник, опустив голову.

— Наконец-то! — весело произнес граф. — Хоть что-нибудь я узнаю. Рад вас видеть. Рассказывайте, я слушаю...

— Мы все вам расскажем, только не здесь.
— Где же в таком случае?
— Пойдемте с нами, капитан, и все узнаете на месте.
— Куда же мы пойдем?
— К вашему брату.
— Почему же он не пришел вместе с вами?
— Сейчас я вам ничего не отвечу. Пойдемте же!
— Я готов. Кстати, припоминаю, брат рассказывал мне о вас как о преданном друге.
— Преданном до смерти. Да, капитан.
— Вы пугаете меня, — задрожав, произнес капитан. — Скажите сразу! Ведь я мужчина. Брат мой ранен?
— Через несколько минут вы его увидите и сами во всем убедитесь.
— Подождите минуту, я должен проститься с хозяйкой дома.
— Только поскорее, время не ждет.
В этот момент дверь соседней комнаты приотворилась и тихий голос произнес:
— Идите, мой возлюбленный Луи.
— Вы будете ждать меня?
— Да. И молиться за вас.
— Не забудьте помолиться и за умерших, — сказал Берже.
— Умерших? — в ужасе воскликнула Анхела.
— Да.
— Что это значит?
Берже молчал.
— Идите, идите же! — сказала Анхела, избавив охотника от необходимости отвечать на вопрос.
— Пойдемте, друзья, — сказал граф и крикнул: — Благодарю тебя, Анхела, дорогая! До свидания! Я скоро вернусь вместе с моим братом, который вскоре станет и твоим.
Девушка не ответила, лишь вздохнула, и дверь затворилась.

Два брата

Вскоре трое мужчин были уже далеко от дома Изгнанника. У самого берега стояла легкая пирога.

— Мы поедем по реке, — сказал охотник.

— Не все ли равно, только бы побыстрее добраться.

— Не опоздаем, — заметил Берже, отводя глаза.

— Вы уверены, что брат нас дождется?

— Да.

— А ехать долго?

— Меньше часа.

Не прошло и двадцати минут, как лодка вошла в Аллегану, где течение было быстрее. Капитан сидел, погруженный в свои мысли. Упорное молчание спутников не сулило ничего доброго.

Если брат ранен или же заболел, почему не сказать об этом прямо? Попытка графа узнать что-либо ни к чему не привела.

Плыли они гораздо дольше, чем обещал Берже. Наконец граф не выдержал и спросил, долго ли еще им ехать. Чуткое Ухо промолчал, а Берже сказал:

— Увы! Мы скоро приедем!

От этого ответа у графа болезненно сжалось сердце. Наконец пирога свернула направо и вскоре уткнулась носом в песок. Все трое выскочили на берег, индеец вытащил лодку из воды и спрятал в дупле огромного дерева.

— Пошли, — сказал Берже.

Они углубились в лес и дальше двигались не спеша. Молодой человек с трудом сдерживал нетерпение. Наконец они вышли на широкую поляну и остановились.

— Здесь, — сказал Берже и снял шляпу.

— Здесь? — словно эхо повторил капитан, с изумлением озираясь.

— Да, — ответил охотник, — на этой поляне.

— Но здесь никого нет, — помолчав, заметил капитан.

— Искать надо в земле, а не на земле, — печально улыбаясь, проговорил охотник.

— Господи! — вскричал граф. — Мой брат!..

— Был убит на этом месте.

— О, я несчастный! — молодой человек обхватил руками голову и разразился рыданиями, словно женщина или слабый ребенок.

Несколько минут прошло в молчании.

Вдруг граф вскинул голову и, бледный, неподвижно глядя перед собой, направился к небольшому холмику.

— Вы здесь его схоронили? — спросил он.

— Да, — ответил охотник.

Капитан упал на колени и стал горячо молиться, прерывая молитву слезами. Берже тоже молился, опустившись на колени. Даже на обычно бесстрастном лице индейца можно было прочесть сострадание. Наконец капитан поднялся, вытер слезы и с силой сжал руку охотника.

— А сейчас, — с волнением произнес граф, — расскажите, как и кем он был убит, чтобы я мог отомстить.

— Это было вероломное убийство, — ответил охотник.

— Говорите, друг мой, говорите. Ведь для того вы и привели меня сюда, чтобы на могиле рассказать о его смерти. Я хочу знать все до мельчайших подробностей.

— Я постараюсь ничего не упустить. Слушайте же меня, капитан.

— Давайте сядем у могилы, незримое присутствие моего брата подскажет, что я должен знать, чтобы покарать убийц.

Берже рассказал все. Ничего не забыл. Рассказ его то и дело прерывался горестными восклицаниями и слезами графа.

Солнце давно ушло за горизонт, а Берже все говорил и говорил, наконец он умолк.

— Благодарю вас, — молодой человек пожал охотнику руку. — Я никогда не забуду имен тех, кто убил моего брата. Винаваты только командиры, солдаты выполняли

приказ. Уард и Георг Вашингтон! Когда-нибудь мы встретимся с вами, и тогда...

Он осекся и умолк.

— Капитан, — сказал Берже, — я всей душой был предан вашему брату и предлагаю вам свои услуги.

— Я с благодарностью принимаю ваше предложение, — ответил граф. — Он вас любил, и я заменю его вам.

Снова наступило молчание.

И снова Берже первым нарушил его.

— Капитан, пора подумать о возвращении, — сказал он.

— Зачем? — спросил граф, казалось, не сознавая, что происходит вокруг, и глядя на охотника с удивлением.

— Вряд ли стоит на ночь оставаться в пустыне.

— Возвращайтесь без меня, я еще немного побуду здесь. Кто знает, придется ли мне еще когда-нибудь посетить могилу брата?

— Как вам угодно, капитан.

— Прощайте, мой друг.

— Нет, я тоже останусь.

— Не стоит. Мне не грозит никакая опасность.

— Пожалуй, но мне все равно, где провести ночь, здесь или в другом месте.

— Как хотите.

— Господин граф, ваш брат был со мной на «ты». Будьте и вы, доставьте мне радость.

— Хорошо, друг мой, — с печально улыбкой ответил граф и снова погрузился в свои невеселые думы.

Охотник и индеец тем временем развели костер и расположились бивуаком на краю поляны.

Миновала ночь, а капитан все еще сидел неподвижно, так и не сомкнув глаз. Берже тоже не спал, сторожил бивуак. Лишь на восходе граф поднялся со своего места, подошел к друзьям и протянул им руки.

— Я справился со своим горем, — сказал он и, повернувшись к могиле, прошептал: — Прощай, брат, я покидаю тебя затем лишь, чтобы отомстить.

Какое-то время он смотрел на маленький холмик, затем обратился к Берже и индейцу:

— Пошли!

— Куда мы направимся? — спросил охотник.

— В форт Дюкен. Это далеко?

— Если плыть в лодке, не более семи часов пути. К полудню будем на месте.

— Давайте поспешим.

Через несколько минут капитан и его спутники скрылись в лесу. Поляна опустела. Только мертвые остались здесь навсегда.

В форте Дюкен

Враждуя с Францией, англичане преследовали лишь одну цель: закрепиться в долине Орио, к югу от озера Эри, вблизи Миссисипи, для чего первым делом ликвидировали сообщение между Луизианой и Канадой.

Затем под предлогом помощи индейцам, которых они же сами и вооружили, а заодно настроили против колонистов и канадских охотников, они тайком стали готовиться к решительному удару. Но их намерение неожиданно напасть на французов понимал каждый.

Маркиз Дюкен де Менневилль, вновь назначенный губернатором Новой Франции, нашел вверенную колонию в состоянии полного упадка. Человек честный и энергичный, он принял все меры для восстановления порядка в администрации с целью укрепить колонию на случай войны. Эту трудную задачу ему удалось выполнить благодаря строгости и решительности.

Лазутчики вовремя предупредили его о планах англичан. Губернатор, опытный стратег, лично побывал в долине Орио, нашел ключевую позицию в обладании страной, которую англичане намеревались отнять, и решил прочно укрепиться здесь.

Были немедленно приняты все необходимые меры. Капитан Марен с отрядом отборных солдат получил приказ выстроить форт при слиянии рек Аллеганы и Манонгахеллы, образующих Орио, или, как ее называют французы, Красивую реку. Капитан Марен, храбрый, знающий свое дело офицер, понимал всю важность возложенного на него поручения, немедленно взялся за дело, но вскоре

умер, так и не доведя дело до конца. Узнав о строительстве форта, английский губернатор Виргинии пришел в неописуемую ярость. Французы помешали ему осуществить свои намерения.

Дело в том, что незадолго до этого губернатор Виргинии посылал в долину Орио офицера для рекогносцировки и выбора места, где будет строиться форт. Этот офицер, совсем еще молодой человек, лет двадцати, был майором Вашингтоном, которого ждало блестящее будущее.

Вашингтон явился якобы для переговоров с французами, а на самом деле — чтобы изучить местность, определить, каковы силы неприятеля, настроить против французов находящиеся с ними в союзе племена и выбрать место для возведения форта. В общем, он явился как парламентар и одновременно как шпион.

Очень удобное положение Красивой реки не ускользнуло от проницательного майора, и, возвратившись в Виргинию, он обратил на это внимание английского губернатора. Губернатор решил, не мешкая, завладеть этим пунктом, но французы опередили его, и когда англичане прибыли на Орио, они увидели мощную крепость с многочисленным гарнизоном.

Тогда майор Вашингтон приказал прапорщику Уарду построить на Орио небольшое укрепление, чтобы не дать французам здесь обосноваться. Но, как вы уже знаете, французы взяли это укрепление штурмом, причем весь гарнизон попал в плен.

Вскоре после этих событий и был предательски убит граф Виллье де Жюмонвилль. Это не дало англичанам никакого преимущества, лишь ужесточило войну.

Мы вдаемся в эти подробности единственно для того, чтобы показать, что никакие заслуги той или иной личности не могут избавить ее от справедливого суда истории. Пусть знают потомки, что американский Цинцинат, бывший два срока президентом и разъезжавший по улицам Нью-Йорка в сопровождении многочисленной свиты в коляске, запряженной четверкой белых лошадей, как настоящий древний деспот, начал свою политическую карьеру с кровавого злодеяния. Что же касается французов, то за все время войны, которую они так отважно вели в Канаде, ни разу не была нарушена справедливость или законность, тогда как предательство являлось главным оружием англичан.

Гарнизон форта Дюкен состоял из двух полков, морского и гиеннского, с приданной им артиллерией и двух саперных рот — всего около двух тысяч человек, не считая нескольких сот канадских охотников, нанятых на более или менее продолжительный срок, главным образом в качестве лазутчиков.

На берегу Красивой реки, под защитой пушек форта, раскинулась небольшая деревушка, выстроенная французами на индейский манер. Здесь останавливались туземцы, приезжавшие в форт для меновой торговли. Вот уже несколько дней деревня была безлюдна. Ее обитатели вернулись в леса.

Капитан Луи де Виллье и канадец Берже простились с индейским начальником на опушке леса и к полудню уже подошли к крепостным воротам.

Быстро миновав все внутренние дворы, где в это время шли военные учения, они остановились перед дверью, где стоял на часах гренадер гиеннского полка, хорошо знавший капитана. Солдат взял на караул и отошел в сторону, пропуская капитана и Берже.

— Когда твоя рота прибыла в форт, Смельчак? — спросил капитан, прежде чем войти в дом.

— Вчера вечером, господин капитан, — ответил гренадер, польщенный тем, что капитан его узнал.

— А когда вы приняли караул?

— Нынче утром, вместе с пятнадцатью товарищами.

— Надеюсь, офицеры тоже пришли?

— Так точно, господин капитан.

— В полном составе?

— Так точно.

— Значит, барон де Гриньи здесь?

— Здесь, господин капитан. Он просил передать вам, что прибыл. Но вас не было в форте.

— Милый барон, я буду рад увидеть его, — сказал капитан. — А сейчас мне необходимо встретиться с комендантом. Попроси кого-нибудь передать капитану, что я вернулся.

— Слушаюсь, господин капитан, но...

— Что еще?

— Это бессмысленно.

— Почему?

— Потому что он поселился у вас.

— У меня?

— Да. И при этом сказал, что не покинет вашу квартиру, пока не встретится с вами.

— Это на него не похоже, — сказал капитан, улыбаясь. — Что же, пусть дожидается, я скоро вернусь.

Простившись с солдатом, граф, а следом за ним и Берже вошли в дом. Вестовой доложил коменданту, и тот приказал просить графа.

Комендант форта господин де Контркер был человек лет сорока пяти, со строгим, почти суровым лицом. Он имел звание полковника и служил в гиенском полку уже пятнадцать месяцев. Жил он в колонии, куда прибыл в чине капитана. Умный, отважный, энергичный, он под суровой наружностью и видимой строгостью скрывал доброе сердце. Маркиз Дюкен де Менневиль очень ценил и уважал его. Он назначил его на место капитана Марена и часто советовался с ним по важным вопросам.

Когда капитан де Виллье вошел, комендант сидел за столом, покрытым зеленым сукном, где были разложены планы и географические карты, поглощенный чтением объемистой рукописи. Завидев капитана, комендант протянул ему руку.

— Нашелся беглец! — дружески приветствовал он де Виллье. — А я, признаться, уже стал беспокоиться, клянусь честью, хотел организовать поиски.

— Я к вашим услугам, господин комендант.

— Садитесь рядом, вот здесь, так хорошо. Нам надо серьезно поговорить. — Комендант бросил взгляд на канда, скромно стоящего у двери, и добавил: — Какого, однако, телохранителя привели вы с собой... Это канадский охотник?

— Да, комендант.

— Вы ручаетесь за него?

— Как за самого себя.

— Поручительство надежное. Полагаете, он может быть нам полезен?

— Надеюсь. Берже был всей душой предан моему брату, был свидетелем его смерти.

— Вы уже знаете? — Лицо полковника приняло печальное выражение.

— Да. Благодаря этому честному человеку. Он привел меня к могиле моего несчастного брата, подло убитого врагами, и я смог там поплакать. Это меня и задержало.

— Мы отомстим за вашего брата, — сказал Контркер, взволнованно протягивая руку графу.

— Благодарю вас, — ответил капитан, усилием воли прогнав грустные мысли, и сказал твердым голосом: — Мой брат умер на своем посту, как и подобает солдату. И я молю Господа, чтобы он и мне послал такую же славную смерть. Обратите внимание на этого охотника! Он предан мне, как был предан моему брату. Я попросил его оказать мне важную услугу, только поэтому он счел своим долгом прийти сюда и присутствовать при нашем разговоре.

— Вы, кажется, называете его Берже?

— Да, сударь, именно так.

— Уж не знаменитый ли это охотник, гроза индейцев и англичан, прозванный краснокожими...

— Бесследным? — подсказал канадец с улыбкой. — Да, полковник, это я.

Де Контркер какое-то время с интересом смотрел на охотника, а потом сказал:

— Добро пожаловать, милейший, давно хотел с вами познакомиться. Я много слышал о ваших подвигах и очень благодарен господину де Виллье, что он вас привел. Вы пришли очень кстати, мне сейчас очень нужны такие люди, как вы.

— Располагайте мною, как вам будет угодно, полковник, — весело ответил канадец, — я тоже готов выполнить ваше приказание.

— Спасибо, голубчик, ловлю вас на слове. Я сейчас же проверю, действительно ли вы готовы исполнить мои приказания.

— Проверьте, полковник, а сейчас я удаляюсь и оставляю вас наедине, чтобы не мешать вашему разговору.

— Я не отпускаю вас так скоро! Напротив, оставайтесь! У нас с графом нет от вас секретов. К тому же мне надо кое о чем порасспросить вас.

Канадец почтительно поклонился, сел на табурет, поставил между колен ружье и приготовился отвечать на вопросы.

— Дорогой де Виллье, — продолжал между тем де Контркер, обращаясь к капитану, — я могу сообщить вам приятную новость. Здесь находится ваш друг, барон де Гриньи.

— Я только сейчас узнал об этом от часового, — ответил капитан.

— Этот шельмец Смелычак болтлив как сорока, не умеет держать язык за зубами. Но вы ведь еще не видели своего друга?

— Нет, комендант. Знаю только, что он сидит в моей комнате и ждет, когда я вернусь. Вы, значит, просили господина де Менневилля об укреплении гарнизона?

— Клянусь честью, нет. Гриньи со своей ротой явился совершенно неожиданно. И я, как вы понимаете, был рад. Время сейчас тревожное. Барон привез депеши от губернатора.

— Что-нибудь важное?

— Пожалуй, да. В депешах сообщают, что англичане собираются нанести нам сокрушительный удар.

— Тем лучше! Должны же мы расквитаться с ними!

— Не сомневаюсь, они получают по заслугам. Но придется подождать некоторое время.

— Подождать?

— Всего каких-нибудь две недели, самое большее — месяц.

— За это время убийцы моего брата успеют скрыться.

— Они не намерены скрываться. Наоборот, готовятся напасть на нас и захватить врасплох.

— Да они безумцы!

— Молодость самонадеянна, — улыбнулся полковник, — но мы сорвем планы этого пылкого майора.

— Дай-то Бог, полковник.

— Слово чести, дорогой Виллье!

— В таком случае беспокоиться нечего. К тому же я знаю, как вы любили моего покойного брата. А теперь расскажите, в чем дело?

— Надо поступить с ними так, как они хотят поступить с нами. Вот в двух словах, чего ждет от нас губернатор. Вы же знаете, что англичане стараются вытеснить нас отовсюду. В 1668 году, почти восемьдесят лет назад, они построили форт Руперт на берегу открытого ими Гудзонова залива.

— Да, полковник, это мне известно.

— Еще вам известно, что спустя год для эксплуатации территорий, примыкающих к Гудзонову заливу, была основана компания, в чью задачу входило развитие торговли мехами. Однако эта компания не могла конкурировать с нами. Почему? Я не могу на это ответить.

— Я могу вам сказать почему, — поклонившись произнес канадец.

— Говорите, прошу вас.

— Все очень просто, полковник. Наши агенты решительнее и предприимчивее англичан. Во время своих экспедиций они проникают далеко на север и открывают все новые и новые места для охоты. Кроме того, они легко приспосабливаются к образу жизни индейцев, перенимая их обычаи, осваивают язык, и краснокожие становятся друзьями этих веселых, отважных людей. Многие из них женятся на индейских девушках, становятся членами племен и, забыв о европейской цивилизации, навсегда поселяются в индейских владениях. Это и есть главная причина нашего успеха.

— Пожалуй, вы правы.

— Значит, мы должны напасть на форт Руперт? — спросил капитан.

— Не совсем так, — ответил де Контркер. — Дело в том, что компания Гудзонова залива месяц назад отправила значительную партию мехов в один из портов Виргинии. В какой именно, пока не удалось узнать. Но сейчас это не имеет значения. Губернатор приказал захватить этот груз, и для выполнения этого приказа нужны люди не только отважные, но и хорошо знающие страну. Им предстоит углубиться в английские владения на шестьдесят, а то и восемьдесят лье. Я вполне разделяю мнение губернатора, что захват этого груза нанесет ущерб нашим врагам, тем более чувствительный, что затронет их национальную гордость. К сожалению, дело это очень опасное и вряд ли имеет шансы на успех.

— Возможно. Но если есть хотя бы один шанс из ста на успех, надо попытаться.

— Согласен. Снарядить экспедицию не так уж сложно. Главное, чтобы об этом не узнали враги. Мы окружены шпионами.

— Зачем же снаряжать экспедицию здесь? В этом нет никакой необходимости. Береже будет нашим проводником, надеюсь, вы не против. Я говорю нашим, потому что понял, что начальником отряда вы назначите меня. Иначе зачем бы стали говорить со мной об этом?

— Я полагаю, вы довольны?

— От всей души благодарю вас, полковник, и еще раз

прошу поручить это дело мне и Берже. Ручаюсь, англичане ничего не узнают.

— Действуйте по своему усмотрению, милейший де Виллье, поручаю вам организацию экспедиции.

— Еще раз благодарю и прошу на выполнение этого поручения всего месяц.

— Сколько найдете нужным, мой друг.

— Через месяц я либо вернусь с победой, либо погибну.

— Либо мы погибнем, — спокойно заметил Берже.

— Прекрасно сказано! — воскликнул комендант.

Он хотел что-то добавить, но тут раздался голос:

— Либо мы втроем погибнем.

Комендант, Берже и капитан с удивлением обернулись и увидели барона де Гриньи, друга графа де Виллье и любимца коменданта.

План экспедиции

Полковник, увидев барона, нахмурился и хотел не только отчитать, но и примерно наказать офицера, дерзнувшего проникнуть в комнату, где происходил совет. Но суровое выражение на его лице тотчас же сменилось улыбкой: барон и граф радостно бросились в объятия друг другу.

Берже продолжал сидеть с невозмутимым видом.

— Не думайте, любезный, — обратился к нему комендант, — что в форте всегда пренебрегают правилами приличия.

— Какой спрос с молодых, — тихо произнес охотник. — Оставьте их. Молодость беда небольшая, с годами проходит.

— Придется на сей раз простить. Вы только взгляните на этого сумасшедшего, — комендант указал на де Гриньи. — Он, видно, забыл, что находится в присутствии своего командира.

— Подождите, сударь, настанет и ваш черед, — рассмеялся Берже.

— Надеюсь, — в тон ему ответил полковник.

— Клянусь всеми святыми, наконец-то я тебя нашел, — говорил в это время барон, обращаясь к графу. — Сюда пришлось прибежать.

— Прости, дорогой Арман, но я, право, не виноват. У меня большое несчастье.

— Несчастье? — спросил барон, еще не знавший о гибели де Жюмонвилля.

— Я тебе потом расскажу... Мне стало известно о твоём

прибытии в форт всего несколько минут назад, и сразу после встречи с графом де Контркером я собирался идти к тебе.

Наконец барон повернулся к полковнику и приветствовал его почтительным поклоном.

— Соболаговолите, господин граф, — сказал он, — принять мои искренние извинения за столь грубое вторжение в ваш кабинет.

— Вы совершили два проступка, — произнес де Контркер с притворной суровостью, — причем немаловажных.

— Какие, господин комендант?

— Во-первых, не явились к началу разговора, а во-вторых, принесли извинения. Кстати, я собирался просить вас зайти ко мне.

— Честное слово, вы самый лучший из всех, кого я знаю, — вырвалось у охотника.

— Спасибо, Берже. Дорогой Виллье, надеюсь, вы ознакомите вашего друга с планом, который мы обсуждали?

— Непременно, полковник.

— Его советы, несомненно, пойдут нам на пользу.

— Легче всего дать советы, — заметил охотник довольно фамильярно, как привык разговаривать с де Жюмонвиллем.

— Что вы этим хотите сказать, милейший? — спросил комендант.

— Что барон де Гриньи слишком великодушен, чтобы ограничиться одними только советами.

Тем временем граф де Виллье усадил барона и в нескольких словах передал ему свой разговор с комендантом.

— Надеюсь, вы поняли, барон, — проговорил полковник, — что займете место вашего друга до его возвращения.

— Извините, полковник, значит, вы предлагаете мне остаться здесь?

— Разумеется. Вас это удивляет? Но ведь после графа де Виллье вы самый старший по чину.

— Совершенно верно, полковник. Я благодарен вам за доверие и в других обстоятельствах ничуть не удивился бы вашему решению.

— В чем же дело?

— В том, господин полковник, что я просил перевести меня в форт с единственной целью быть рядом с другом. Делить с ним опасности приграничной службы, наконец, жить его жизнью. Позвольте же мне обратиться к вам с покорнейшей просьбой...

— Черт возьми! — воскликнул полковник, не дав барону договорить, в то время как молодые люди крепко жали друг другу руки. — Вы — как Орест и Пилат.

— Совершенно верно, полковник, — отвечал с поклоном барон, — что может быть обиднее для меня, чем расстаться с графом!

— А вы что об этом думаете? — повернулся комендант к графу. — Ведь вы начальник экспедиции.

— Благодарю вас! — вскричали молодые люди в один голос. — Значит, вы согласны?

— Ну, что с вами сделаешь... Но только с одним условием. Вы не дадите себя убить. Таких офицеров, как вы, мало, и я очень дорожу вами.

— Постараемся, — улыбаясь, ответил барон, — но обещать не можем, несмотря на искреннее желание не огорчать вас.

— Вы свободны, — сказал полковник, — можете идти, вам надо о многом поговорить. Надеюсь, вы не покинете форта, не предупредив меня?

— Мы будем иметь честь явиться к вам за последними приказаниями и проститься.

— Итак, господа, до свидания.

Через некоторое время молодые люди вместе с Берже вышли из форта.

— И у стен есть уши, — сказал граф с улыбкой, — в форте немало английских шпионов, лучше выбрать для нашей беседы местечко под открытым небом, где свидетелем будет лишь всевидящий Бог.

— Вот это верно, — проговорил Берже и пошел вперед, приняв на себя обязанности проводника.

Через двадцать минут трое мужчин уже были на вершине совершенно голого холма, у подножия которого протекала река.

— Здесь и потолкуем, — сказал граф, оглядевшись.

Прежде чем продолжить наше повествование, надо ближе познакомить читателя с бароном де Гриньи, одним из главных героев.

Это был красивый молодой человек лет двадцати пяти,

высокого роста, с пронизательным взглядом, открытым лицом. Элегантные манеры дополняли его аристократическую наружность.

Барон принадлежал к одной из старинных нормандских фамилий, ведущих свое начало от Роллона. Он был богат, пользовался влиянием при дворе и его ждало блестящее будущее. Но совершенно неожиданно, без всякой видимой причины барон купил патент на командование ротой гиеннского полка, бросил все, простился с друзьями, покинул Париж и отправился в Новую Францию. Свое решение он объяснил давней дружбой с де Виллье, а также непреодолимым желанием побывать в экзотических странах по ту сторону океана, о которых ходили легенды.

Друзья не поверили барону, полагая, что причина совсем другая, но какая, так и не смогли узнать.

Первым, кто встретил барона в Америке, был де Виллье.

В колонии де Гриньи приняли радушно, и при желании он мог бы проникнуть в высшее общество и вести праздную жизнь светского человека.

Но у барона были совсем другие планы. Сразу же по прибытии он принял командование ротой и серьезно занялся исполнением своих обязанностей. Своим влиянием он пользовался лишь в тех случаях, когда представлялась возможность занять опасный пост или же получить рискованное поручение. Столь странное поведение молодого человека, лишённого корысти и честолюбия, не могло остаться незамеченным и вызвало благосклонность начальства.

Барона ставили в пример товарищам и возвели, как говорится, на пьедестал.

Графа де Виллье удивляло странное поведение барона. Он глубоко огорчался, видя, как барон с непонятной беспечностью рискует жизнью в отчаянных схватках с неприятелем, подозревая, что за этой беспечностью кроется еще не зажившая рана. Но он слишком любил друга, чтобы вынуждать его к откровенности, пытаться проникнуть в тайну его горя. Напротив, граф делал вид, будто ничего не замечает и верит его веселости, часто заканчивающейся чуть ли не истерикой. Он терпеливо ждал, пока волей случая не спадет завеса, окружавшая барона.

— Итак, дорогой Арман, — прервал граф затянувшееся

молчание, — ваше намерение отправиться с нами вполне серьезно?

— Клянусь честью, милый мой Луи, ваш вопрос излишний. Разве не сам я предложил вам это?

— Да, сами. Но я не уверен, что вы говорите серьезно.

— Ошибаетесь, друг мой.

— Поймите же, это не простая экспедиция.

— Тем более. Я ведь недавно прибыл сюда, совсем не знаю страны, и отправиться вместе с вами для меня огромное удовольствие. Надеюсь, теперь у вас нет больше сомнений, и вы не станете меня отговаривать. Мое решение непоколебимо, и если вы мне откажете...

— Об этом не может быть и речи, — горячо возразил капитан. — Я так рад, что снова увиделся с вами! Но я должен был вас предупредить и повторяю, что предстоящая экспедиция очень опасная и не сулит ни выгоды, ни славы, но раз вы настаиваете, не будем больше говорить об этом... Вы отправитесь с нами.

— Благодарю, Луи, благодарю от всего сердца! Значит, вопрос решен.

— Да, — ответил капитан, подавив вздох. — Я дал вам слово. А теперь постараемся разработать план нашего похода.

— Тут я ничем помочь не могу. У меня нет опыта в ведении такой войны.

— В таком случае, скажи ты, дружище, — обратился капитан к канадцу, который сидел с равнодушным видом.

Охотник встрепнулся, как строевая лошадь при звуке трубы, играющей атаку, и повернулся к капитану.

— Я к вашим услугам, господин капитан. Что вам нужно?

— Друг мой, ты старый лесной бродяга, а мы с бароном невежественные французы. Посоветуй, каким образом успешно завершить порученное нам дело.

— По правде говоря, — сказал канадец, — это не так просто, как вы думаете... Здесь ведь не Франция, дороги труднопроходимые. На каждом шагу в лесу подстерегает опасность, враги и двуногие, и четвероногие: англичане, краснокожие, дикие звери.

— Все так, — ответил капитан. — А теперь представь себе, что начальником экспедиции назначен ты. Что стал бы ты делать? Какие отдал бы приказы?

— Честно говоря, я и сам не знаю, — сказал канадец.

— Говори, не стесняйся, мы высоко ценим твою опытность.

— Ладно, — весело сказал канадец, — если хотите, буду откровенен, дам вас совет, а уж вы сами решите, как поступить.

— Твой совет мне и нужен, дружище.

— Итак, слушайте. Путь наш лежит через леса и долины, где, кроме индейцев, никого не встретишь. Нет там ни хороших дорог, ни жилья. Чем дальше на север, тем больше препятствий, бесконечные стычки с неприятелем. Идти мы будем не как солдаты, а как охотники.

— Так. Что дальше?

— Если мы возьмем с собой солдат из гиеннского полка или морских пехотинцев, двинемся с музыкой и барабанным боем, засад нам не избежать. Индейцы через лазутчиков будут знать каждый наш шаг и перебьют нас поодиночке, как кроликов.

— Совершенно с тобой согласен, но скажи, как можно этого избежать.

— Солдат, господин Луи, лучше оставить в форте, а с собой взять охотников, они привыкли бродить по лесам и знают все индейские хитрости.

— Что же, это нетрудно. В форте сейчас много канадцев, за хорошее вознаграждение они охотно отправятся с нами в экспедицию.

— Нет, господин Луи, эти канадцы нам не годятся, и вот почему. В форте полно шпионов, они сразу же узнают, зачем мы набираем людей, и предупредят англичан.

— Это правда. Но другого выхода нет.

— Напротив. Все очень просто.

— Объясни, это интересно.

— Сейчас объясню. Я вас покину, а вы вернетесь в форт и при каждом удобном случае будете повторять, что, по донесениям лазутчиков, на границах все спокойно. Затем попросите отпуск у генерала и отправитесь на охоту, сменив мундир на охотничью одежду и взяв с собой двух надежных людей.

— Дальше?

— Я буду ждать вас в пироге, в бухте Мариго, и повезу... не все ли равно куда, ну, хотя бы на свой участок. Там я и наwerbую отряд. Все это займет не более двух-трех дней. Затем я договорюсь с индейскими лазутчиками из племени гуронов, после чего, будто случайно, встре-

чусь с вами на охоте, вы станете во главе отряда, и с Божьей помощью мы отправимся в путь. Вот и весь мой план. Если вы предложите что-нибудь лучшее, я готов подчиниться.

— Нет, дружище, твой план превосходен, он гарантирует победу. Что скажете, Арман?

— Я полагаю, дорогой Луи, — со вздохом ответил барон, — что ничего лучшего мы с вами не придумаем и не зачем напрасно ломать голову.

— Итак, старина Берже, решено. Я согласен на твой план, только с маленьким изменением. По некоторым одному мне известным причинам сегодня выступить мы не сможем.

— Когда же?

— Завтра, если не возражаешь.

— Согласен.

— В котором часу?

— На закате солнца, с вашего разрешения. В это время охотники обычно отправляются на охоту. Ваш уход из форта никого не удивит.

— Верно. До чего же ты предусмотрителен! Значит, завтра вечером.

— Завтра вечером, — ответил канадец, поднявшись.

— А что ты будешь все это время делать?

— Готовиться к экспедиции. До свидания!

— До свидания, дружище!

— Успеха вам, — проговорил барон.

Канадец спустился с холма и легким пружинистым шагом, каким ходят индейцы, углубился в лес.

— Пора и нам возвращаться, — сказал граф.

— Куда спешить? Здесь так хорошо!

Граф пристально посмотрел на молодого человека.

— Вы хотите мне что-то сказать? — спросил он.

— Да, всего два слова.

— И непременно здесь?

— Вы сами сказали, что у стен есть уши!

— Значит, это тайна?

— Нет, предупреждение.

— Ничего не понимаю.

— Сейчас поймете. Вы получили мое письмо?

— Да.

— Помните его содержание?

— Весьма смутно.

— Так я и думал. Позвольте тогда напомнить, что я писал о хорошо знакомой и покинутой вами даме, дорогой Луи!

— Графине де Малеваль?

— Совершенно верно. А что именно я писал, помните?

— Кое-что припоминаю, но это мало интересует меня.

— Жаль. То, что я написал, имеет к вам самое прямое отношение.

— Не понимаю, мой друг.

— Графиня вас ненавидит и поклялась отомстить вам, так что можете считать себя погибшим.

— Что мне за дело до этого? — пожал плечами граф с видом крайнего презрения. — Ненависть женщины все равно что мимолетная страсть. Гаснет так же быстро, как и вспыхивает.

— Напрасно вы так думаете, друг мой. Избави Бог возбудить в ком-нибудь подобную ненависть. Тут есть над чем поразмышлять, уверяю вас!

— Но, по вашим словам, она и так уже ненавидит меня и поклялась отомстить, — беспечно произнес Луи де Вилье.

— Возможно, я ошибся, дай Бог, чтобы это было так, я возблагодарил бы судьбу.

— О чем же тогда беспокоиться?

— Допустим, вы правы и опасения мои преувеличены. Творец не мог создать одновременно два столь жестоких существа.

— Вот как! О ком же еще вы говорите, барон?

— Это я так, друг мой, не обращайтесь внимания.

— Продолжайте, прошу вас!

— Я уже сказал, что, возможно, ошибаюсь, но рано или поздно разгадаю характер этой женщины, — со вздохом ответил барон.

— Это что-то новое, говорите же, я вас слушаю.

— Дело в том, что она куда-то исчезла и никто не знает куда.

— Может быть, уехала во Францию?

— Нет, она ни за что не откажется от мести.

— Куда же она могла деться?

— Возможно, уехала в глубь страны.

— В наши места?

— Да.

— Значит, она твердо решила стереть меня с лица земли? — улыбнулся граф.

— Это тем более верно, что графиня взяла с собой по крайней мере дюжину разбойников, отпетых негодяев.

— Вполне подходящее для нее общество.

— Пожалуй, вам не следовало бы смеяться, Луи. Вы играете с огнем.

— А вы, Арман? — уже серьезно сказал граф, в упор глядя на друга.

Барон де Гриньи отвел глаза.

— Отъезд графини, — сказал он, не отвечая на вопрос, — испугал меня. Я боюсь за вас, мой единственный друг. Я написал вам, а вслед за письмом, как видите, сам примчался. Вдвоем нам легче предотвратить опасность, если она в самом деле существует.

— Благодарю вас, Арман, но, признаться, не понимаю, зачем понадобилось столько предосторожностей, чтобы дать мне знать, какой оборот приняло дело? Тут может быть только одно: либо опасность существует лишь в вашем воображении, и тогда вы не стали бы спешить так сюда...

— Но моя дружба к вам...

— Дайте договорить... либо опасность реальна, но у нас хватит мужества обращать на нее не больше внимания, чем на плывущее мимо облако.

— Согласен. Однако эта женщина...

— Я знаю ее, мой друг. Если сегодня она в ярости готова меня убить, то завтра же забудет о моем существовании.

— Пожалуй, это так.

— Но стоит ли сейчас говорить о графине, если мы отправляемся в экспедицию, из которой, может быть, не вернемся?

— Вы правы! Значит, мы отправляемся завтра?

— Завтра.

— Я предпочел бы сегодня.

— Не будьте ребенком, Арман.

— Вы вспомните мои слова, Луи. Ненависть одной женщины страшнее ненависти десятерых мужчин.

— Хватит!

— Не спорьте! Я — тому доказательство... Не спрашивайте ни о чем... Вы удивлены. Да, Луи, я испытал это на себе и теперь боюсь и за себя, и за вас.

— Дорогой Арман, почему вы не доверитесь мне?

— Пока не хочу, чтобы эта тайна тяготела еще и над вами.

Молодой человек опечалился и, не прикидываясь больше веселым, сказал:

— Однако нам пора.

Граф последовал за бароном, размышляя над его последними словами.

Всю дорогу до самого форта они шли молча.

ГЛАВА XIII

Разбойник

Было около семи часов утра.

Накинув плащ, граф бесшумно вышел из дома, чтобы не разбудить барона, крепко спавшего после утомительного пути. Граф чувствовал себя свежим и отдохнувшим. Он позвал Золотую Ветвь и, когда тот явился, попросил передать барону, что скоро вернется, а сам вышел из форта.

Граф не сказал барону, что отложил экспедицию на сутки из-за Анхелы. Он хотел сохранить свою любовь в тайне, считал кощунственным рассказывать лучшему другу о своем чувстве.

Молодой человек не мог отправиться в такой опасный и далекий путь, не увидев Анхелы, не сказав ей последнего прости, не почерпнув в ее глазах мужества, столь необходимого ему сейчас.

Граф закутался в плащ до самых глаз, чтобы никто его не узнал, и пошел по предместью, еще погруженному в сон. Вскоре граф углубился в лес, уверенный, что никто его не видел.

Ежедневно навещая Изгнанника и его дочь, граф шел кратчайшей дорогой, не пользуясь лодкой, чтобы подольше оставаться рядом с любимой. Эту дорогу ему показала Анхела, точнее, не дорогу, а еле заметную тропинку. По ней до дома Изгнанника можно было добраться меньше чем за час.

Анхелу граф застал стоящей у калитки. Увидев любимого, девушка покраснела.

— Я ждала вас, Луи, — сказала она, подставляя лоб для поцелуя.

— Ждали? — удивился граф. — В такой ранний час? Как вы могли угадать, что я приду?

— Я не угадала, — с очаровательной улыбкой ответила девушка. — Сердце мне подсказало.

— Благодарю вас, моя дорогая. Только когда я вас вижу, я счастлив.

— Входите, друг мой, вы устали, вам нужно отдохнуть.

Взявшись за руки, они отправились к дому. Рядом с девушкой, кроткой и нежной, граф чувствовал себя совсем юным.

— А ваш отец? Я увижу его? — спросил граф.

— Нет, он еще на рассвете ушел.

— Жаль, мне надо поговорить с ним.

— Позавтракаете? — спросила девушка. — Вы, наверное, голодны?

— С удовольствием, — ответил граф. — У меня волчий аппетит после того, как я прогулялся. К тому же я смогу подольше побыть с вами.

— Разве я вас когда-нибудь прогоняла? — надув губки, спросила Анхела.

— Простите, я сам не знаю, что говорю, — ответил капитан, страстно целуя руки девушки. — Но, видите ли, вы должны быть сегодня ко мне снисходительны...

Тем временем Анхела передвинула стул на середину комнаты и через несколько секунд подала завтрак из молочных блюд и плодов. Граф почти ничего не ел и на вопрос Анхелы, что с ним, ответил:

— Мне грустно.

Анхела вопросительно на него посмотрела.

— Да, — ответил граф, — я надеялся, что встреча с вами придаст мне мужества... но я чувствую, как сердце мое разрывается... Мне так тоскливо!

— Что с вами, друг мой? Вы меня пугаете. Я никогда не видела вас таким.

— Вы когда-нибудь думали, Анхела, что нам придется расстаться?

— Да, очень часто! — вскричала девушка дрогнувшим голосом. — Неужели нам грозит разлука?

— Увы, да.

— Говорите прямо, мой друг, не мучайте меня.

— Я скажу вам всю правду, за тем и пришел. Вы храбрая девушка.

— Говорите же, во имя Неба, умоляю вас!

Граф схватил руки Анхелы и долго смотрел на нее, потом, наконец уступив мольбам девушки, заговорил:

— Анхела, вы знаете, что я солдат... Я принял присягу и обязан выполнять приказы начальства.

— Я знаю, мой друг, продолжайте.

— Но вы не знаете, что комендант форта Дюкен снаряжает экспедицию.

— Ошибаетесь, Луи, знаю. Знаю и то, что вы назначены начальником экспедиции, — с улыбкой возразила Анхела, — очень опасной экспедиции.

— Знаете? — вскричал капитан, невольно вскочив. — Откуда?

— От отца. Для него не существует тайн, и он предан вам всей душой, не сомневайтесь.

— Странно! — тихо произнес молодой человек.

— Ничего странного. Вы просто недостаточно хорошо знаете моего отца.

— Но откуда ему это известно?

— Не могу сказать, — ответила Анхела, поднеся к губам розовый пальчик. — Это его тайна, я не вправе ее раскрывать даже вам, мой друг.

— Простите, Анхела! Я просто сошел с ума.

— Прощаю от всего сердца. Вы еще не сказали, когда отправляетесь в путь.

— Увы! Так скоро, что вы и предположить не можете. Нынче же, на закате солнца.

Девушка побледнела, но, поборов охватившую ее тоску, произнесла с улыбкой:

— Ваши слова так испугали меня, но теперь я спокойна, совершенно спокойна.

— Не понимаю вас, Анхела.

— Разве вы не сказали мне о разлуке?

— Сказал.

— Но это временная разлука. Конечно, и вам, и мне тяжело. Но любовь даст нам силы и станет еще крепче.

— Вы не любите меня, Анхела, как я вас, потому и говорите так.

— Неблагодарный! — вскричала вне себя от волнения девушка. — Вы же видите, я страдаю, но стараюсь вселить в вас мужество, а вы за это меня упрекаете!

— О! Я просто сумасшедший, моя обожаемая Анхела, — воскликнул граф, падая на колени. — Простите меня! Я сам не знаю, что говорю! Теперь я спокойно рас-

станусь с вами, как бы тяжело не было у меня на душе. Я страстно желаю отправиться в путь, чтобы поскорее вернуться.

— Будьте мужчиной, дорогой Луи, — ответила девушка сквозь слезы. — Доверьтесь Пресвятой Деве, покровительнице нашей любви. Кто знает? Ее милосердие беспредельно. Возможно, мы встретимся скорее, чем думаем.

— Что вы хотите этим сказать?

— Ничего, друг мой, предчувствия меня редко обманывают, потому что идут от моего сердца. Их посылает Бог для утешения страждущих.

— Да услышит вас Небо! — промолвил молодой человек.

— Я почему-то думаю, что не только разлука заставит меня страдать, но и еще какое-то горе, я даже в этом уверена!

Ангела вдруг вскочила и бросилась вон из комнаты, но тотчас же вернулась, держа в руке золотую цепочку с ладанкой из красного сукна.

— Вам пора, Луи, надо подготовиться к отъезду. Я не хочу, чтобы ради меня вы забыли свой долг.

— Успею, — ответил граф, — еще рано. — Он никак не мог решиться на эту, может быть, временную, а может быть, и вечную разлуку и старался оттянуть время.

— Уже полдень, друг мой, взгляните на солнце.

— Я предпочитаю смотреть в ваши глаза, моя возлюбленная, они светят ярче солнца. Как бы вы ни старались, Ангела, ваши глаза никогда мне не скажут «пора».

— Замолчите, сударь, — прошептала девушка, с трудом сдерживая слезы.

— Повинуюсь, сударыня, — в тон ей ответил граф.

— Видите это?

Ангела протянула графу ладанку.

— Вижу.

— Это святые мощи.

— А! — равнодушно протянул Луи де Виллье, не отличавшийся набожностью и, как большинство молодых людей того времени, находившийся под влиянием философских идей.

— Не смейтесь, Луи, — строго произнесла Ангела. — Это память о моей матери. Возьмите!

— Дорогая Ангела, оставьте эту священную вещицу у себя, я не посмею ее взять.

— Наденьте ее, Луи. Обитательницы лесов суеверны. Я поклялась никогда не расставаться с этой ладанкой.

— Но в таком случае...

— Отдав ее вам, я не нарушу клятвы. Мы с вами единое целое. Запомните хорошенько мои слова и не смейтесь. Пока этот талисман с вами, можете не бояться опасности.

— В самом деле? — спросил молодой человек, не сдержав улыбки умиления.

— Клянусь спасением моей души и памятью матери, — произнесла Анхела.

Граф сразу посерьезнел, взял ладанку и надел ее на шею. Девушка зарделась от счастья.

— Обещайте мне, Луи, время от времени смотреть на нее.

— Я буду часто это делать, дорогая Анхела.

— Каждый раз, когда вспомните обо мне.

— Клянусь вам!

— Теперь я спокойна за вас. Мы непременно встретимся. И, может быть, очень скоро.

— Дай Бог!

— А теперь ступайте!

— Вы меня гоните, Анхела?

— Так нужно.

— Почему?

— Потому что силы мои на исходе. И, если вы не уйдете, я не смогу вас отпустить. Все мое мужество исчезнет.

— О, дорогая! Как я люблю вас!

— Вы хотите видеть меня слабой, плачущей? Тогда оставайтесь!

Молодой человек заключил Анхелу в объятия, поцеловал и, выскочив из дому, без оглядки побежал в лес.

Оглянись он, кто знает, что случилось бы тогда? Хватило бы у него сил уйти?

Анхела, оставшись одна, почувствовала, что ее бросает то в жар, то в холод. Напряжение сменилось страшной слабостью. Все кружилось перед глазами, и девушка с громкими рыданиями упала на колени.

Тем временем граф побежал по лесу, не разбирая дороги. Он спешил уйти от дома, где оставил самое дорогое, что было у него в жизни. Через час, к своему удивлению, молодой человек обнаружил, что находится на опушке леса. Через несколько шагов начиналась равнина. Силь-

ная усталость заглушала в графе боль отчаяния. Бешеный бег освежил пылающую голову. Мало-помалу к де Виллье возвращалось спокойствие, мысли понемногу приходили в порядок.

На минуту граф остановился и внимательно огляделся. Но ничего подозрительного не заметил. Переведя дух, граф направился к форту, до которого оставалось не больше мили. Вдруг у самого его уха раздались один за другим два выстрела. Граф невольно отскочил в сторону.

Прогремел третий выстрел, и его шляпа, пробитая пулей, покатилась по траве. Граф, обнажив шпагу, бросился в чашу, откуда слышались выстрелы.

— Всемогущий Боже! — вскричал он. — Здесь убивают! Только стреляет неумелая рука! Берегитесь, господа охотники, кабан вернулся и бросится сейчас на вас.

В эту минуту слышались чьи-то торопливые шаги, ругань, проклятия и все смолкло.

Когда граф добежал до того места, где скрывались убийцы, тех уже и след простыл. Однако граф продолжал бежать.

Вдруг он споткнулся и ухватился за ветвь ближайшего дерева. Посмотрел вниз и увидел чьи-то ноги. Под деревом сидел человек и то ли читал, то ли делал вид, что читает. При виде капитана незнакомец захлопнул книгу и быстро поднялся со своего места.

— Стой! — скомандовал он голосом, напоминающим скрип колес. — Не важно, женщина вы или мужчина, ангел или дьявол. Ни с места!

Граф остановился, но не из желания повиноваться, а скорее из любопытства.

Незнакомцу было лет пятьдесят. Тощий и длинный, не меньше пяти футов и десяти дюймов ростом, он с надменным видом стоял перед графом, лихо покручивая нафабранные усы. Сильно поношенный, измятый, выцветший костюм говорил о том, что человек этот либо беден, что маловероятно, либо презирает богатство. На его плечах уныло болтались полинявшие желтые ленты, растрепанное перо на шляпе с выгнутыми полями спускалось на нос, очень напоминавший клюв хищной птицы.

Словом, обладатель этого отталкивающего лица, одевшийся в лохмотья, выглядел настоящим бродягой, с которым не очень приятно встретиться в глухом месте в лесу.

Этот поистине странный субъект снял шляпу, что, надо

заметить, стоило ему немалого труда, ибо поля ее были еще более изорваны, чем подошвы дырявых сапог, и раскланялся.

Граф не подумал ответить на поклон и бесцеремонно спросил:

— Вы разве не слышали, как в меня стреляли, милостивый государь?

— Стреляли?

— Три выстрела было сделано из ружья, черт возьми!

Ведя разговор, граф пристально осматривал незнакомца, стараясь определить, не спрятано ли у него под платьем оружие. Он чувствовал, что перед ним враг.

— Никаких выстрелов я не слышал, — грубо ответил незнакомец, — точно так же, как и не заметил, чтобы вы ответили на мое приветствие.

Граф хотел было замахнуться на негодея, но передумал.

Следовало убедиться, что он не ошибался, что бродяга был в числе подосланных убийц. И, вместо того чтобы одернуть наглеца, граф снял шляпу и поклонился.

— Прошу прощения, милостивый государь, — сказал он очень любезно. — Поверьте, я сам весьма сожалею, что нарушил правила вежливости.

— Довольно, — ответил незнакомец таким тоном, что ему мог бы позавидовать любой гранд времен Карла V.

— Я еще не все сказал.

— Что же вам угодно, милостивый государь?

— Мне угодно знать, почему вы остались безразличны к тому, что в христианина стреляют, как в дикого зверя?

— Я мог бы вам ответить, — сказал с издевкой незнакомец, — что я магометанин и мне нет никакого дела до собаки-христианина, но это было бы ложью, потому что, признаться, я сам хорошенько не знаю, какой я веры. И это чистая правда.

— Иными словами, вы не имеете намерения лгать?

— Именно, — с жаром ответил хитрец.

— Тогда объяснитесь.

— Милостивый государь, хотите знать истинную причину?

— Струсили?

— Не совсем так, — невозмутимо ответил бродяга. — Я был поглощен чтением.

— Вы умеете читать?

— Мои родители, упокой Господи их душу, дали мне прекрасное воспитание.

Граф едва не расхохотался. Он дважды оскорбил незнакомца, а тот как ни в чем не бывало продолжал разговаривать с ним да еще улыбаться.

Де Виллье, однако, сделал вид, что ничего не заметил, и очень серьезно спросил:

— Что же вы читали?

— Вот что, — ответил бродяга, протягивая графу книгу.

— Основы философии?

— Декарта.

— Вы занимаетесь философией?

— Немного.

Де Виллье показалось, что незнакомец не в своем уме, а бродяга продолжал:

— Вот вам и причина, почему я ничего не слышал. Увлекся! Надо было наступить на меня, чтобы оторвать от этого интересного занятия, что вы и сделали, правда, деликатно.

«Он хочет ссоры. Но у него уже было для нее достаточно поводов. Чего же он тянет?» — подумал граф и сказал:

— Милостивый государь, я, признаться, в отчаянии...

— От чего?

— От собственной неловкости.

Незнакомец, поглаживая рукоятку огромной рапиры, с изумлением взглянул на графа.

Он не ожидал такой любезности и выдержки от пылкого офицера.

— Итак, вы приносите извинения?

— Черт возьми!

— Да или нет?

— Да!

— Это серьезно?

— Вполне, — ответил де Виллье, желая довести эту комедию до конца. — Могу вас уверить.

Поклонник Декарта пришел в некоторое замешательство, а потом разразился хохотом.

Граф молча смотрел на него.

— Вы, милостивый государь, потешаетесь надо мной? — проговорил незнакомец.

— Никаким образом.

— Потешаетесь.

- Клянусь вам, нет!
- Вы оскорбили меня!
- Наконец-то мы договорились!
- Знаете ли вы, милостивый государь, кто я? Я дон Паламед...
- Прекрасное имя!
- Бернардо де Бивар и Карпио.
- Вы ведете свой род от Сиды? — кланяясь, насмешливо спросил граф.
- Гидальго с головы до ног!
- Нисколько в этом не сомневаюсь.
- В настоящее время состою на службе капитаном...
- В каком полку, соблаговолите сказать?
- В каком полку? Вы слишком любопытны!
- Любопытен?
- Разумеется! Чуть ли не целый час забрасываете меня дурацкими вопросами.
- Я?
- Да, вы!
- Позвольте мне, дон Паламед... Надеюсь, вы разрешите не называть все ваши имена.
- Как вам угодно. Я помню их наизусть.
- Тем лучше. Итак, позвольте заметить...
- Не нуждаюсь в ваших замечаниях.
- Но, сеньор, вы должны меня выслушать! Сказали же вы все, что хотели.
- Вас это забавляло, а на меня нагоняет тоску.
- Презренный негодяй! — произнес граф, с большим трудом сохраняя хладнокровие.
- Что вы сказали?
- Сказал, что вы говорите глупости.
- Вы имеете в виду умные вещи?
- Конечно. Но кончим на этом. Я самым невежливым образом, хоть и невольно, прервал ваше чтение... Вы чувствуете себя оскорбленным...
- Неужели это вас удивляет? — высокомерно произнес незнакомец.
- Нисколько. Хотя не забудьте, что я извинился. Чего же вам еще нужно от порядочного человека, которым, надеюсь, я вправе себя считать?
- Клянусь честью, благородный господин, как вы сами изволите себя величать, — продолжал гидальго, насмешливо улыбаясь, — я требую удовлетворения!

— Прекрасно, только быстрее, пожалуйста!

— Приятно слушать умные речи, — ответил гидальго, снимая верхнее платье и шляпу и аккуратно складывая их на траве, причем все это он проделал с поразительной быстротой.

— Отлично, хоть на ком-то сорву злость, — сквозь зубы процедил граф, обнажив шпагу, потер лоб и, к великому изумлению своего соперника, сказал: — Одно слово, милостивый государь.

— Что еще вам от меня угодно?

— Еще? Но я пока ничего у вас не просил.

— Говорите же! Только поскорее! «Опустошительница» жаждет!

— Что за «Опустошительница»?

— Моя шпага. Клинок по прямой линии происходит от шпаги Сиды.

— Благодарю, у вашей шпаги отличное имя, но она пождет.

— Только недолго.

— Надеюсь. Послушайте, неужели вы считаете меня дураком, думаете, что я могу поверить, будто вы чувствуете себя оскорбленным? Признайтесь лучше, что вы заодно с бандитами, которые в меня стреляли, и засели здесь, чтобы меня прикончить, если ваши дружки промахнутся?

— Милостивый государь, да будет вам известно, что дон Паламед Бернардо де Бивар и Карпио никогда не действует таким образом. Убить я могу, разбойничать — нет. Придумайте что-нибудь более правдоподобное.

— По-моему, хуже этого ничего быть не может, — задумчиво проговорил граф. — А теперь позвольте задать вам другие вопросы.

— Только, пожалуйста, побыстрее. Мы попусту тратим драгоценное время.

— Вам заплатили за то, чтобы вы со мной затеяли ссору или же отправили на тот свет?

Бродяга разразился зловещим хохотом.

— На сей раз вы угадали, — ответил он, кланяясь с неподражаемой грацией.

— Разумеется, вам обещана кругленькая сумма?

— Милостивый государь, — сказал гидальго с напускной серьезностью, сквозь которую сквозила насмешка, — порядочные люди не задают таких вопросов.

— Вполне достойный ответ, — проговорил граф с

улыбкой. — А не скажете ли вы, не сочтете вопрос нескромным, кому я мешаю и кто хочет переселить меня в иной, лучший мир?

Бродяга улыбнулся и покрутил усы.

— Просто вас слишком сильно любят, а это до добра не доведет, — совсем тихо произнес он.

— Благодарю! Это все, что хотелось мне знать.

— Возможно, но я ничего не сказал. Не угодно ли вам начать?

Дон Паламед встал в необыкновенно изящную позицию.

— К вашим услугам, сеньор де Бивар и еще как вас там зовут, вы жаждете моей крови, — с улыбкой произнес граф.

— Я? Никоим образом. Но у меня деловое свидание неподалеку отсюда, и я хотел бы скорее с вами покончить.

— Очень возможно, что вы не явитесь на это свидание, мой великолепный капитан.

— Довольно! К барьеру! Держитесь, граф! Я неплохо фехтую!

— Смею вас уверить, я тоже!

Приключение вернуло графу всю его безумную отвагу и бесшабашную веселость. Он, смеясь, вступил в поединок.

Гидальго сразу понял, что имеет дело с серьезным противником, и удвоил усилия.

Граф отлично владел шпагой и великолепно отбивался.

— Что-то вы умолкли, любезный, — сказал граф. — Бойтесь не попасть на свидание?

— Защищайтесь, гром и молния! — взревел бродяга и нанес удар необычайной силы.

— Это старый прием, — хладнокровно произнес граф. — Вы промахнулись! А теперь держитесь!

Граф слегка коснулся груди гидальго.

— Я погиб! — вскричал тот, отступая.

— Да, я мог вас убить, но пока не хочу. Сейчас я покажу один удар, который впоследствии вам пригодится. Впрочем, сомневаюсь, что вы сможете им воспользоваться.

Граф незаметно заставил противника перейти на другое место и стал против солнца. Дон Паламед побагровел от бессильной злобы.

— Так, теперь вы стоите там, где мне нужно, — сказал

молодой человек. — Смотрите же внимательно! Раз, два, три!

Граф с быстротой молнии взмахнул шпагой и выбил из руки гидальго «Опустошительницу».

В следующий момент негодяй, пронзенный шпагой, катался по траве.

— Дело сделано, — спокойно произнес граф, вытирая шпагу, прежде чем вложить ее в ножны.

— Я умираю! — ревел бродяга, катаясь по обагренной кровью земле.

— Совершенно верно. Признаться, я все для этого сделал. Надо бы вас прикончить, но сейчас это уже не имеет смысла.

— Эх, остался бы я живым! — проговорил дон Паламед, морщась от боли.

— Это невозможно! — произнес граф, пожимая плечами. — Так что, увь! Вам не придется воспользоваться этим великолепным ударом!

— Завтра... — гидальго хотел что-то сказать, но боль помешала.

— Кстати, сейчас уже нет смысла хранить молчание, так не назовете ли вы имя особы, жаждущей моей смерти? В этом случае я закажу две обедни за упокой вашей души!

— Идите к черту!

— Кстати, вам не следует непочтительно говорить о черте, перед которым вы скоро предстанете. Поверьте, лучше не ссориться с ним... Значит, не скажете? В таком случае, прощайте!

С этими словами граф повернулся и ушел, нисколько не заботясь о гидальго.

— Убили! Проткнули, как щенка! При этой мысли можно рехнуться! Но удар замечательный. О, как я страдаю! Все кончено! — прохрипел бродяга. — К черту! Разбой! Я умираю!

Он опрокинулся навзничь, судорожно дернулся, закрыл глаза и больше не шевелился. То ли умер, то ли потерял сознание.

Отъезд

Граф де Виллье, выйдя из леса, сразу забыл о презренном бродяге, с которым так быстро разделался, и поспешил в форт. Но по дороге поглядывал на встречающиеся ему кусты и кустарники, а руку держал на эфесе шпаги.

Невозможно было совсем не думать о нападении, жертвой которого он чуть было не стал, и о гидальго, нарочно затеявшем с ним ссору.

Кто же мог так неистово желать его смерти?

Граф никогда не имел врагов, не причинял никому зла, к тому же совсем недавно поселился в колонии.

Мысль о графине де Малеваль он с негодованием прогнал. Невозможно, чтобы некогда любимая им женщина, аристократка, посягала на его жизнь потому, что он отринул ее любовь.

Да и не было настоящего чувства. Обыкновенная интрижка, которая надоела, едва утратив свою новизну.

Кто же в таком случае этот непримиримый враг? Какой-нибудь туземец? А может быть, тут замешаны англичане?

Граф склонялся к последнему предположению. Англичане убили его брата и теперь хотели избавиться от мстителя. Однако, поразмыслив, де Виллье пришел к выводу, что это заблуждение, и в конце концов расхохотался.

Откуда было знать англичанам, что у де Жюмонвилля есть брат? К тому же скромное служебное положение де Виллье, недавнее появление в колонии, несмотря на все его мужество и безрассудную храбрость, не могли иметь в

глазах англичан столь важного значения, чтобы толкнуть их на такую крайность, как убийство.

Тщетно ломал себе голову молодой человек над решением этой задачи. Во мраке, окружавшем тайну дерзкого покушения, не появилось ни проблеска. Временами графу казалось, что все случившееся он видел во сне. Но пробитая пулей шляпа говорила об обратном, и молодой человек, измучившись, не пытался больше проникнуть в тайну.

«Со временем, — думал граф, — все само собой разъяснится».

У крепости молодой человек встретил барона де Гриньи.

— Не стыдно вам уходить, не сказав никому ни слова? — упрекнул барон друга, подав ему руку.

— Вы спали так крепко, что я не решился будить вас.

— Напрасно. Я охотно прошелся бы с вами, осмотрел деревню, которую вы так хвалили, живописные места Красивой реки, тем более что сегодня мы отправляемся в путь и вряд ли мне в скором времени снова придется увидеть все это. Вы эгоист, граф.

— Согласен. Но я чуть не заплатил жизнью за это.

— Вам грозила опасность? Я рассердился бы, узнав, что вы мне не дали возможности разделить ее с вами.

— Подождите сердиться. Выходя из дому, я совершенно ничего не знал. Просто пошел прогуляться, не имея понятия, чем это кончится.

— Что же случилось? — в сильном волнении спросил барон.

— В меня стреляли, да так удачно, что попали в шляпу. Видите? Она вся продырявлена!

— Черт возьми! Надеюсь, вы пристрелили убийц?

— Ничуть не бывало. Я их даже не видел. Зато, когда погнался за ними, наткнулся на бродягу с лицом висельника. Он наверняка поджидал меня, чтобы прикончить в том случае, если дружки промахнутся. С ним я разделался.

— Надеюсь, вы не ранены?

— Даже царапинки нет.

— Слава Богу! Как же это произошло?

— Бродяга затеял со мною ссору, а потом вытащил рапиру и потребовал удовлетворения.

— С какой стати?

— Заявил, что я нанес ему оскорбление, — смеясь, ответил граф.

— А затем?

— Мы стали драться.

— И...

— И, честное слово, я проколол его насквозь.

— Рад это слышать. Он умер?

— По крайней мере, умирал.

Молодые люди пересекли двор и подошли к своему дому.

— Знаете ли, дорогой граф, — нахмурившись, произнес барон, — мне кажется, это великолепная засада.

— Пожалуй, вы правы.

— Простите за назойливость, а что сделали вы с этим негодяем?

— Оставил умирать. Он хрипел, изрыгал проклятия, призывал сатану, который, разумеется, не упустит случая завладеть его душой, впрочем, не знаю, зачем она может ему понадобиться

— Надеюсь, вы спросили бродягу, кто он такой?

— Не пришлось. Он сам перечислил целый ряд поистине варварских имен, сказал, что его зовут дон Паламед Бернардо де Бивар и Карпио и что он капитан...

— Не можете ли вы описать мне его наружность?

— Пожалуйста. Высокий, тощий, руки и ноги, как лапы у паука, глаза круглые, нос походит на клюв, острый подбородок, рот до ушей, закругленные усы, вдобавок ко всему держится, как испанский гранд.

— Черт побери! — вскричал барон, стукнув себя по лбу. — Уж не тот ли это негодяй, которого я знаю? Было бы весьма любопытно...

— Кто же он такой?

— Темная личность, плут, картежник, забияка. Раз два или три я встречался с ним в Квебеке.

— Допустим, это он. Ну и что?

— Полагаю, я не ошибся.

— Согласен, что дальше?

— Дальше? Хотите знать, где я встретил его в последний раз, милейший граф?

— Разумеется.

— Он выходил из дома графини де Малеваль между десятью и одиннадцатью часами вечера, причем старался быть незамеченным.

— Черт возьми!

— Теперь вам понятно, в чем дело?

— Понятно. Тем более, если вспомнить намеки этого негодяя. Он сказал: «Вас слишком любят, а это до добра не доводит».

— Это он! Готов поклясться!

— Итак, вы думаете, что?..

— Все это дело рук графини. Очаровательная дама просто хотела уничтожить вас.

— Это ужасно. Трудно поверить!

— Так ведь я вас предупредил.

Граф повернулся и стремительно направился к выходу из крепости.

— Куда вы?

— Пойду допрошу негодяя, если он еще жив, и заставлю во всем признаться.

— Прекрасная мысль! Но одного я вас не отпущу!

— Пойдемте вместе.

— Подождите минуту, надо взять пистолеты, вдруг там засада?

— Вы правы. Захватим оружие. Только надо спешить.

— Терпение, мой друг, — сказал барон. — Прежде всего надо принять меры предосторожности. Дело серьезнее, чем вы думаете.

Молодые люди вошли в дом, где их ждали Золотая Ветвь и Смелчак.

— Вы пойдете к полковнику проститься за себя и за меня, — сказал барон графу, — а Золотая Ветвь приготовит за это время вашу охотничью одежду. Возвращаться потом в форт нам ни к чему. Пойдем прямо туда, где стоит пирога.

— Совершенно с вами согласен, — ответил граф и вышел из комнаты.

— А теперь, друзья, — обратился барон к солдатам, — нельзя терять ни минуты, быстро почистите оружие и помните, что сегодня вечером в бухте Мариго нас будет ждать с пирогой Берже. Вы, Золотая Ветвь, кажется, его знаете?

— Да, капитан, — ответил вестовой, — прекрасный человек.

— Итак, вы будете оставаться в бухте до нашего прибытия.

— Так точно, господин капитан, — в один голос ответили солдаты.

— Вот еще что я должен вам сказать, друзья мои. Мы отправляемся в очень опасную экспедицию, и мне хотелось бы знать, можно ли на вас положиться?

— Мы будем служить вам до последнего дыхания, господин капитан!

— Хорошо! И вот еще что. Старайтесь выйти из форта незамеченными, лучше поодиночке.

— Не беспокойтесь, господин капитан, — ответил Смельчак, — мы стреляные воробьи, нас не возьмешь голыми руками.

— Ну вот, теперь, кажется, все. Прощайте! До вечера!

Барон снял мундир, облачился в какую-то немислимую одежду, похожую на охотничью, осмотрел пистолеты и заткнул их за пояс. В это время вернулся граф.

— Ну что? — спросил барон.

— Все в порядке, — ответил граф, — полковник разрешил нам отправиться в отпуск и пожелал счастливого пути.

— Отлично!

— Мы можем отправляться, как только пожелаем!

— Но вы не готовы.

— О, мне нужно всего несколько минут.

И в самом деле через пять минут граф был уже готов.

— Вы поняли, что нужно делать? — спросил барон на прощание солдат.

— Не беспокойтесь, господин капитан, — с лукавой улыбкой ответил Смельчак.

— Итак, вечером в бухте Мариго.

Офицеры взяли охотничьи ружья и вышли.

Вскоре они достигли деревушки и прибавили шаг.

Молодые люди, всегда веселые и беззаботные, выглядели хмуро и мрачно. Они мало надеялись на успех в предстоящей экспедиции, сознавая, что ставят на карту не только всю свою будущность, но и саму жизнь. О себе они не думали, только о возложенном на них поручении.

— Должно быть, он уже умер, — сказал граф, у которого из головы не шел дон Паламед.

— Неизвестно, — возразил барон. — Такие негодяи обычно живучи. Впрочем, скоро узнаем. Вы запомнили место?

— Я найду его с закрытыми глазами.

Через полчаса друзья уже достигли опушки леса.

— Сейчас повернем, — сказал граф, указав на прихотливо извивавшуюся тропинку справа от них.

— Отдохнем минуточку, — предложил барон. — Надо зарядить ружья и понаблюдать за кустами, чтобы нас не подстрелили, как дичь. При малейшем шорохе стреляйте!

— Не беспокойтесь, на сей раз им не захватить нас врасплох.

В лесу было спокойно. Даже птиц не слышно, они забились в густую траву и спали, как обычно в жару. После нескольких поворотов граф и барон очутились на довольно небольшой поляне без единого дерева.

— Здесь, — сказал граф.

— Никого нет, — ответил барон, внимательно оглядевшись, — ни живого, ни мертвого!

Поляна была пуста.

Но отчетливо виднелись следы недавнего поединка, лужа крови, в которой лежал раненный или убитый бродяга.

— Что это значит? — тихо произнес граф.

— Черт побери! Это значит, что сообщники великолепного гидальго унесли его, вот и все. Живого или мертвого, я не могу сказать. Начало неудачное. Но сегодня мы ничего не узнаем.

Вдруг граф наклонился и тихо вскрикнул.

— Напротив, — сказал он, выпрямляясь и показывая другу то, что подобрал с земли. — Теперь все ясно. Взгляните-ка!

— Вензель графини де Малеваль! — с удивлением проговорил барон. — Я считал ее осторожнее.

— Вы были правы, Арман, сомнений нет, именно графиня жаждала моей смерти.

— Теперь, по крайней мере, мы знаем, с кем имеем дело. Что вы намерены предпринять?

— Ровным счетом ничего. Разве можно мстить женщине? Да еще той, которую прежде любил и которая все еще любит вас так сильно, что готова ненавидеть?

— В таких случаях рыцарство совершенно неуместно. Графиня для вас больше не женщина, запомните это раз и навсегда. Это враг, который убьет вас без малейшего сожаления, если вы первый не отправите его на тот свет.

— Пусть будет так, как угодно Богу, друг мой. Но у

меня никогда не хватит мужества поднять руку на женщину.

— Не буду настаивать, — мрачно ответил барон, — уверен, что скоро вы по-другому заговорите.

— Мое решение непреклонно, — печально произнес граф.

— Не будем больше говорить об этом. Возьмите-ка на всякий случай этот драгоценный вензель, пригодится.

— Хотелось бы надеяться, что нет.

— Вы думаете, прекрасная дама успокоится? — с иронией спросил барон.

— Да.

— Луи, дорогой мой, вам следовало бы оставаться в Версале.

— Почему?

— Там женщины не очень добродетельны, зато не жаждут мести.

— Графиня знает, что уже пролила кровь, и это ее остановит.

— Что для нее кровь одного человека! Вы слишком добры, граф! Во всяком случае, пусть эта история послужит вам уроком на будущее, если станем заводить новые знакомства.

— Хорошее будущее вы рисуете, — проговорил граф, натянуто улыбаясь.

— Гибель вашего брата и устроенная вам западня — достаточно веские аргументы, и я не собираюсь отказываться от своих слов. А теперь идем! Нам здесь нечего делать.

Они покинули поляну и направились к бухте Мариго, не обсуждая больше случившееся, а болтая о всяких пустяках, и в назначенный час достигли условленного места. Берже и Чуткое Ухо ждали их в пироге. Оба солдата, Золотая Ветвь и Смельчак, в одежде канадских колонистов, отлично вооруженные, курили трубки, любуясь заходом солнца.

Обменявшись несколькими словами, все шестеро сели в лодку. Близилась ночь.

Пирога отчалила, когда в небе блеснула первая звезда.

В замке Малеваль

А теперь вернемся назад и познакомим читателя с новым героем, которому суждено играть важную роль в нашем повествовании. То, о чем мы собираемся сейчас рассказать, случилось за несколько дней до выхода из форта шестерых смельчаков, отправившихся в экспедицию. Оставим пока окрестности форта Дюкен и последуем на берег реки Св. Лаврентия.

Река была названа так Жаком Картье. Он первый поднялся вверх по течению в 1535 году. Река эта, одна из самых больших в мире, протяженностью в три тысячи километров. В месте впадения в залив того же названия, к западу от острова Антикости, между мысом Кошки и мысом горы Пеле, ширина ее достигает сорока километров. У мыса Розье, при впадении в Атлантический океан, — сто двадцать километров. По реке этой могут ходить и океанические пароходы. Никакое перо не в силах описать всего великолепия реки с ее живописными берегами, вызывающими восторг путешественников.

Из-за непрекращающегося притока колонистов некогда дикие и пустынные берега реки Св. Лаврентия изменились до неузнаваемости. Но во время нашего повествования по ней лишь изредка бесшумно скользили военные суда да индейские пироги. Среди многочисленных притоков этой реки есть река Монморанси.

Река эта небольшая, со множеством поворотов и руслом, усеянным скалами, протекает по лесистой местно-

сти. В одном месте воды ее с шумом низвергаются вниз, образуя великолепный водопад Монморанси, с которым по красоте и мощи не может сравниться даже Ниагарский. Выше водопада река имеет ширину не более пятидесяти футов. Внизу вода скапливается в бассейне, образовавшемся в скале, гигантском монолите, занимающем всю ширину водопада. Из бассейна река течет по ровной поверхности и впадает в реку Св. Лаврентия.

Напротив водопада Монморанси, среди зеленой равнины возвышался прекрасный замок, окруженный глубоким рвом.

Замок этот был построен двадцать лет назад графом де Малеваль и пожалован ему королем в потомственное владение.

Здесь и поселилась графиня де Малеваль, покинутая графом де Виллье. Близость Квебека давала графине возможность по мере надобности бывать в городе. Но в настоящее время женщина искала лишь уединения, вдали от любопытных взоров и назойливых друзей. В этот замок мы и приглашаем читателя ровно через неделю после того, как граф де Виллье поспешно отбыл в форт Дюкен.

В одной из комнат, служившей будуаром, богато отделанной в стиле рококо, сидела на кушетке женщина. Ярко пылал большой камин, распространяя приятное тепло.

Женщина эта была графиня де Малеваль. Она сидела задумавшись, мрачная и угрюмая. Длинные черные волосы резко оттеняли матовую бледность лица.

Глаза с темными тенями метали из-под густых ресниц молнии. Графиня с лихорадочным нетерпением смотрела на часы, висевшие над камином между двумя великолепными венецианскими зеркалами. Пробило половина десятого. Графиня вздрогнула, подошла к зеркалу, поправила прическу. Приподнялась портьера, и на пороге появилась молоденькая горничная.

— Ну что? — спросила графиня, не оборачиваясь.

— Он здесь, — ответила служанка.

— Один?

— И да и нет, сударыня.

— Что это значит? — вскричала графиня, быстро обернувшись.

— Дело в том, сударыня, что пришел он один, но у входа встретился еще с каким-то господином, и вошли они вместе.

— Вот как! — с гневом произнесла графиня. — Несмотря на мой приказ, каждый может войти в дом! Скажите Жану, что он уволен!

— Простите бедного Жана, сударыня, если он и виноват, то лишь в чрезмерном усердии.

— Чрезмерном усердии? Ничего не понимаю!

— Этот второй господин сказал Жану, что как только госпожа узнает его имя, не только не взыщет с Жана, но еще и похвалит его.

— Вы шутите, милая? Наверняка какой-нибудь волокита или сумасшедший.

— Неужели, сударыня, вы думаете, что я осмеюсь...

— Довольно! — серьезно сказала графиня. — Назовите лучше магическое имя того, кто посмел прийти.

— Я не знаю, но он написал его в этой записной книжке.

— Давай ее сюда!

Девушка дрожащими руками подала графине записную книжку с золотым обрезом.

Графиня выхватила ее и, когда раскрыла, вскрикнула от удивления.

— Жюли, — произнесла она с плохо скрываемым волнением, — пусть этот господин войдет.

— Слушаюсь... А как же насчет Жана?

— При чем тут Жан?

— Значит, госпожа прощает его?

Графиня улыбнулась:

— Жан — хороший слуга, сообразительный и преданный. Он правильно поступил.

— О! Как вы добры, сударыня! — воскликнула Жюли, присев от радости.

Жюли, видимо, была равнодушна к Жану.

Она направилась было к двери, но с порога спросила:

— А как быть с господином, который пришел по приглашению госпожи?

— Пусть подождет!

— Что привело ее сюда? — прошептала графиня, как только служанка вышла. — Кого посылает

мне судьба? Врага или друга? Сейчас все выяснится.

В будуар в сопровождении служанки вошел человек в широкополой, надвинутой на глаза шляпе и просторном, совершенно скрывающем фигуру плаще.

Незнакомец почтительно поклонился, но не двинулся с места, пока служанка не вышла, притворив за собой дверь.

Тогда незнакомец быстро скинул плащ и шляпу и бросился в объятия графини. Под шляпой оказалась прелестная белокурая голова девушки лет двадцати. Ее великолепные волосы рассыпались по плечам.

Высокая, стройная, изящная женщина прекрасно чувствовала себя в мужском костюме. Если бы не нежное, с тонкими чертами лицо и женская грация, ее вполне можно было бы принять за юношу.

Подруги долго обнимались и целовались. Наконец графиня высвободилась из объятий гостьи и усадила ее рядом с собой.

— Прежде всего тебе надо согреться, — сказала графиня. — Может быть, ты хочешь есть или пить? Я позову служанку.

— И то, и другое, и третье, — промолвила женщина. — Я озябла, изнемогаю от усталости, жажды и голода... Но не обращай на меня внимания.

Графиня хотела подняться, но гостья остановила ее:

— Куда ты?

— Прикажу принести чего-нибудь поесть. Вместе поужинаем. Я даже не обедала сегодня и очень голодна.

— погоди! Ты уверена в своих людях?

— Почему ты спрашиваешь?

— Потому что мой приезд должен остаться в тайне.

— Это невозможно. Ведь тебя видели, когда ты входила.

— Прости, мой друг. Они видели какого-то неизвестного господина, а не маркизу де Буа-Траси.

— Верно. Хочешь, чтобы никто не знал о твоём пребывании здесь?

— Да. Это для меня очень важно.

— Не беспокойся. Прислуга предана мне. Не из любви, нет, им хорошо живется здесь. А за Жюли, дочь моей кормилицы, я ручаюсь.

— Теперь я спокойна. Можешь звать служанку.

— Что все это значит? — с любопытством спросила графиня.

— Скоро поймешь. Для того я и приехала, чтобы все тебе рассказать.

— И давно ты в Квебеке?

— С полудня. Как видишь, даром времени не теряла. Едва высадившись на берег, приказала отнести мой багаж в самую захудалую гостиницу нижнего города, а сама стала осторожно разузнавать о тебе. Мне сказали, что ты живешь в этом замке, и вот я явилась сюда.

— А где же твой проводник? Каков он из себя?

— Настоящий висельник с пьяной рожей. Корчит из себя джентльмена, а на деле настоящий разбойник. Остановился в той же гостинице, что и я, и сам вызвался идти со мной, разумеется, за плату. Не уверена, что он не узнал меня, несмотря на переодевание. Даже шутил по этому поводу...

— О! Я знаю его! Это капитан Паламед. Он у меня на службе. Кем только он ни был, кажется, только не порядочным человеком, за все ремесла брался. Отпетый негодяй. Виселица по нем плачет. Я приказала ему явиться сегодня вечером.

— Он здесь.

— Узнал он тебя или нет, неважно. За деньги он будет нем как рыба.

— В таком случае, зови свою служанку.

Графиня позвонила.

Служанка явилась немедленно и, к своему удивлению, обнаружила, что незнакомец, которого она привела к госпоже, оказался женщиной.

— Жюли, я всегда заботилась о вас. Надеюсь, вы мне преданы?

— О, сударыня! Неужели вы сомневаетесь?

— Нет, дитя мое, но хочу еще раз убедиться... Присутствие этой дамы должно остаться тайной для всех. Запомните, незнакомец, прибывший сегодня, не кто иной, как виконт Леон де Росшен, мой племянник. Это не вызовет подозрений, — обратилась графиня к маркизе, — поскольку я и в самом деле ждала племянника. Но он тяжело заболел и приедет не раньше чем через месяц.

— Вот и прекрасно! Месяц вполне достаточный срок.

— Вы поняли, милая Жюли, не правда ли? — продолжала графиня. — Надо сохранить все это в тайне.

— Я скорее умру, чем проговорюсь, — заверила служанка. — Не беспокойтесь, сударыня.

— А теперь принесите нам поскорее поесть.

— Слушаюсь, сударыня, но... другой господин ждет ваших приказаний.

— Ах, да, совсем забыла. Скажите, что я не смогу его сегодня принять... Пусть его накормят и устроят на ночлег, а утром я с ним поговорю.

— Слушаюсь, госпожа.

— Кстати, приготовьте для гостя постель в моей комнате. Можете идти.

Рассказ Леоны

Через несколько минут расторопная служанка подала ужин.

Обе женщины сели за маленький столик и принялись с аппетитом есть. Они доверяли Жюли, которая им прислуживала, но разговор вели о всяких пустяках, не решаясь посвящать служанку в свои тайны.

Графиня с деланным равнодушием спросила Жюли, что сказал капитан, узнав, что не будет принят.

— Ничего такого, — ответила служанка, — как будто даже обрадовался. Особенно, когда увидел расстеленную постель и накрытый стол.

— Ну, а потом?

— Потом его милость стал впитывать в себя вино, как губка, и поглощать кушанья, как людоед, после чего заявил, что всегда к услугам госпожи.

— Это прекрасно!

— Еще он сказал, что, если ему и впредь будут оказывать такой прием, госпожа может не церемониться, он будет ждать столько, сколько ей угодно.

Женщины весело рассмеялись, им показалась забавной такая покорность.

Ужин подходил к концу. Снедаемая любопытством графиня приказала Жюли быстрее убрать со стола, что та и сделала, скромно удалившись и унеся с собой столик.

Было одиннадцать часов вечера. Снаружи бушевал ветер, в окна барабанил дождь. Рев урагана сливался со зловещим воем водопада. Женщины удобно расположи-

лись в бархатных креслах по обеим сторонам камина и сидели так, погруженные в свои думы.

Первой прервала молчание графиня:

— Наконец-то мы одни, Леона, и я жажду выслушать твоё признание.

— Дорогая Камилла, — ответила Леона, печально глядя на подругу, — признание будет длинным. Придется рассказать тебе всю свою жизнь, чтобы ты поняла, почему я покинула Францию, двор и приехала в эту страну. Мы подруги, но вряд ли у тебя хватит терпения выслушать мою историю.

— И не стыдно тебе так говорить, Леона? Ты мой близкий друг с самого детства, я люблю тебя как сестру, — с легким упреком ответила графиня.

— Прости, дорогая Камилла, я сказала не подумав. Но если бы ты знала, как я страдала и как страдаю сейчас!

— Говори, я слушаю. У нас целая ночь впереди. Излей душу, и тебе станет легче.

— Это единственное, чего я желала с момента моего приезда в Квебек, потому и поспешила к тебе. Мне надо выплакать свою горе и попросить у тебя совета. Ты ведь мне не откажешь?

— Я в твоём распоряжении, дорогая Леона, и выполняю любое твоё желание. Я тоже страдаю и нуждаюсь в утешении, потому что совсем пала духом, — графиня подавила вздох.

— Ты несчастна, Камилла? — вскричала Леона. — Но это невозможно!

— Почему? — с печальной улыбкой спросила женщина.

— Ты молода, свободна, красива, ты...

— Да, — взволнованно произнесла графиня. — Все это верно, и все же я страдаю. Но сначала поговорим о тебе. Моя исповедь впереди. Выслушав ее, ты поймешь, как я несчастна. Быть может, несчастнее тебя. Ведь ты молода, красива... Но хватит об этом. Рассказывай, я тебя слушаю и постараюсь утешить, если это возможно.

— Благодарю. Итак, слушай. Я не стану распространяться о том, что принадлежу к старинному знатному роду, это ты и без меня знаешь, ведь мы родня. Достаточно упомянуть, что это самый могущественный и знатный род в Пуату. Отец мой, герцог де Борегар, жил в последние годы царствования великого короля и был самым эlegant-

ным мужчиной того времени. После смерти Людовика XIV он оставил двор и переехал в свое поместье, чтобы по возможности поправить свои дела, которые шли все хуже и хуже из-за жизни на широкую ногу в Париже. Отец в то время был еще довольно молод, ему только что исполнилось тридцать, но в поместье он провел всего несколько недель, собрал с вассалов поборы и, договорившись с управляющим о дальнейшей высылке денег, возвратился в Париж, куда его вызвал регент. После смерти герцога Орлеанского его место занял герцог Бурбонский. И вот в один прекрасный день, к великому удивлению вассалов, уже не надеявшихся когда-нибудь увидеть своего сюзерена, отец вернулся в замок и поселился там навсегда. Он привез с собой прелестную молодую жену лет девятнадцати, дочь графа де Коммерси, которая через месяц после приезда родила ему сына. Мальчика называли Филипп Гастон.

— Твой старший брат, — заметила графиня.

— Да. Ты его помнишь?

— Бедный Гастон! — вздохнула графиня. — Такая страшная смерть!

— Страшнее, чем ты себе представляешь. Обстоятельства его гибели тщательно скрывались семьей. Скоро ты узнаешь, как все было в действительности.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Не перебивай. Иначе я буду не в силах рассказать все до конца.

Помолчав, Леона продолжала:

— Отец был счастлив, что жена подарила ему сына. Наконец-то у него появился наследник. В тысяча семьсот двадцать седьмом году кардинал Флери был назначен первым министром вместо герцога Бурбонского. Он поздравил отца от имени короля и прислал моему брату патент на чин полковника. Отец был на вершине блаженства — судьба улыбалась ему. Брак помог привести в порядок дела. Будущее рисовалось совершенно безоблачным. Он пользовался милостью короля и поддержкой всемогущего первого министра. Когда брату исполнилось семь лет, нянюшек сменил гувернер. В это время, к величайшей досаде отца, моя мать произвела на свет слабую, хилую девочку, которой, по мнению врачей, не суждено было выжить.

— О, эти доктора, — с улыбкой произнесла графиня.

— Девочку называли Леона Адель Люси.

— Ты — живое опровержение мрачных предсказаний.

— Совершенно справедливо, дорогая Камилла. Через две недели после моего рождения мать умерла от горячки. Ее смерть осудила меня на самое печальное существование. Герцог, обожавший жену, целых два месяца провел, запершись у себя в кабинете, не желая видеть даже самых близких друзей.

— Я понимаю его. Ничто так не облегчает горя, как уединение. Продолжай.

— Невольная виновница смерти матери, я стала ненавистна отцу, и он велел отдать меня на воспитание кормилице. С того дня он просто забыл о моем существовании. Но, следует признаться, я от этого нисколько не страдала. В бедной крестьянской семье, где я жила, меня буквально обожали, исполняя каждый мой каприз. Я жила как вольная птица, целые дни проводила на воздухе, бегая по горам и полям, стала сильной и смелой и, не в пример другим детям, никогда не болела. Я постоянно была весела, пела, словно жаворонок, умела драться, как настоящий мальчишка. Мне было восемь лет, когда однажды к нам в хижину пришел старый аббат. Я в это время играла со сверстниками. Кормилица меня умыла и подвела к старику. Кольман, так звали аббата, сказал, что мой отец велел ему научить меня читать и писать. Через несколько месяцев появилась еще одна учительница с добрым благородным лицом. Она учила меня шить, вязать, рисовать, вышивать. С первой же минуты я почувствовала к ней глубокую симпатию.

Отец не скупился на деньги, и крестьяне, у которых я жила, вскоре перестроили хижину, прикупили земли и скота и постепенно превращались в зажиточных фермеров. Их дети учились вместе со мной. В общем, этим бедным людям я принесла счастье.

И они платили мне любовью и заботой. Пьер, старший сын, стал богатым землевладельцем. Жанна, моя молочная сестра, вышла замуж за состоятельного фермера, а самый младший, Андре, как я ни отговаривала его, вместе со мной приехал в Новую Францию — ни за что не хотел расставаться. Мне приятно вспомнить счастливую пору моего детства, тихую, чистую радость, хотя тебе все это может показаться скучным и незначительным.

— Напротив, дорогая, я хорошо тебя понимаю. Эти

воспоминания особенно дороги твоему сердцу теперь, когда на тебя свалилось несчастье.

— Какая ты добрая, Камилла, благодарю, — промолвила Леона, крепко обнимая подругу.

Графиня в свою очередь поцеловала Леону, и та продолжала:

— Как видишь, моя дорогая, отец дал мне все, чего можно было желать, но не любил меня. Я ни разу не видела ни его, ни брата, никого из моей семьи.

Время шло, и мне уже исполнилось тринадцать лет. Я была высокая, и вместе с моими молочными братьями, а то и одна, целыми днями бегала, стерегла стадо, работала в поле.

Однажды, около трех часов пополудни, я возвращалась домой. Ходила навестить бедную больную женщину, жившую в двух милях от нашей фермы. До дома оставалось несколько сот шагов, когда я услышала позади себя стук копыт. Подумала было, что это арендатор, и обернулась, но увидела красивого молодого человека лет восемнадцати на великолепной кауруй лошади. Одетый в охотничий костюм, он с неподражаемой грацией сидел в седле, хлыстиком с серебряной рукояткой сбивал листья с деревьев и смотрел по сторонам. Заметив меня, он радостно вскрикнул и через минуту подъехал. Я остановилась.

— Вы здешняя, прелестное дитя? — спросил он, дотронувшись до шляпы.

— Да, сударь, — ответила я, краснея. Ничего особенного в этом вопросе не было, но молодой человек так смотрел на меня, что я невольно опустила глаза.

— Великий Боже! — вскричал он весело. — Очаровательное создание! Если все подданные маркиза де Борегара походят на эту девушку, клянусь честью, он самый счастливый человек на свете. С чем я его и поздравляю!

Эти слова, произнесенные вполголоса, оскорбили меня. Незнакомец принял меня за крестьянку. Я решила ему отомстить и, приняв смиренный вид, а про себя улыбаясь, спросила:

— Что вам угодно, сударь?

— Кое-что узнать, красавица!

— Что же именно?

— Места эти мне незнакомы, а маркиз де Борегар пригласил меня на большую охоту с борзыми. Он говорил, как добираться, но я позабыл. Выехал утром, но вскоре

сбился с дороги. Всего-то надо проехать пять или шесть миль. Не повстречай я вас, так до вечера и не попал бы в замок. А охота завтра.

Все это он произнес таким тоном, что я разразилась веселым хохотом.

Молодой человек ничуть не рассердился, напротив, тоже стал смеяться.

— А вы жестокая, — сказал он, наконец успокоившись, — ни капли жалости ко мне. Насмехаетесь над несчастным?

— Виновата, сударь, — ответила я, делая книксен, — но дело не так уж плохо, как вам кажется. Через пять минут я вас проведу на верную дорогу.

— Насмешница, — ответил молодой человек с улыбкой. — Но выбора у меня нет, я последую за вами, маленькая шалунья. Даже в ад!

— Так далеко идти не придется, — в тон ему ответила я и пошла вперед.

Мы продолжали вести разговор, я старалась изображать крестьянку, поддерживая его заблуждения.

Узкая дорога, по которой мы шли, вывела нас прямо к ферме.

— Вот и мой дом, — сказала я, останавливаясь перед дверью.

— Так быстро? Как жаль, — разочарованно произнес молодой человек.

— Да, я пришла, а вы поезжайте прямо. Когда подниметесь вон на тот холм, не более как в полутора милях увидите замок Борегара.

— Благодарю, дитя мое! — ответил он и, наклонившись в седле, сказал: — Один поцелуй, и до свидания! — Он попытался обнять меня.

Я испуганно отскочила в сторону.

— Маленькая дикарка! — воскликнул с досадой молодой человек. — Скажите, по крайней мере, мне свое имя.

— Зачем?

— Я сохраню его в своем сердце.

— Вы, конечно, блестящий кавалер, — произнесла я, — и вам незачем знать мое имя.

— Возможно, — ответил он. — В таком случае, я скажу вам свое. Тогда, надеюсь, вы не откажетесь последовать моему примеру? Я — барон Арман де Гриньи.

Он галантно поклонился.

— Друг маркиза де Борегара?

— Да.

— Хорошо, господин барон, — проговорила я очень серьезно, — не забудьте сказать вашему другу, что вас выручила из беды его сестра Леона де Борегар.

И, воспользовавшись замешательством молодого человека, я скользнула в дом и закрыла за собой дверь.

Потом побежала к себе в комнату, заперлась на замок, подошла к окошку и приподняла занавеску. Молодой человек все еще не двигался с места, видимо, не мог прийти в себя после моего неожиданного заявления. Затем наконец поднял голову. Лицо его было взволнованным и бледным. Постояв еще несколько минут, он пришпорил лошадь и вихрем помчался в сторону замка. Я долго смотрела ему вслед, прежде чем опустить занавеску.

Весь день я просидела у себя в комнате. По щекам текли слезы счастья. Мне было так хорошо! Я мечтала... О чем? В тот момент я не могла бы сказать, а теперь знаю и очень жалею.

Леона умолкла.

Графиня не мешала ей предаваться воспоминаниям, глубоко запечатлевшимся в сердце.

Пробило два часа. Снаружи свирепствовал ураган. Графиня взяла руки подруги в свои, покрывала их поцелуями и прошептала:

— Мужайся!

Леона, казалось, была близка к обмороку. Она сидела не двигаясь, запрокинув голову, побледневшая и осунувшаяся, похожая на мраморную статую.

Графиня встревожилась и поднялась с места.

— Куда ты? — спросила едва слышно Леона.

— Пойду за эфиром.

— Не нужно. Мне уже лучше, благодарю.

— Может быть, приляжешь? Ты очень устала.

— Нет, я должна тебе все рассказать нынешней ночью. Вряд ли еще раз соберусь с силами.

— Ты права, мой друг, — сказала графиня, обняв Леону.

Молодая женщина наконец поборола слабость, на щеках выступил румянец. По мере того как она говорила, голос ее становился все тверже, увереннее.

— Я закончила самый счастливый период моей юности. Потом на меня обрушились страшные несчастья, о кото-

рых не могу думать без содрогания. Светлые воспоминания детства заставили меня с особой остротой почувствовать всю горечь моего нынешнего положения.

Из стыдливости я не смела никого расспрашивать о нем, даже произносить его имя.

Я как-то сразу из ребенка превратилась в женщину.

Однажды у дверей дома остановилась сверкающая позолотой карета, запряженная четверкой гнедых лошадей.

Лакей прыгнул с запяток и отворил дверцу кареты.

Мой приемный отец, его жена и дети выбежали на улицу и почтительно выстроились у дома. Я спряталась у себя в комнате и подглядывала из окна, охваченная тревогой. Недоброе предчувствие шевельнулось в душе.

Из кареты вышел господин средних лет с благородным лицом и величественной осанкой. Он дружелюбно ответил на почтительные поклоны и вошел в дом.

Сердце едва не выскочило у меня из груди. Я побледнела, меня била дрожь. Я никогда не видела этого важного господина, но сразу узнала в нем своего отца.

На лестнице раздались торопливые шаги, и в дверь постучали.

— Кто там? — спросила я, схватившись за стул, чтобы не упасть.

— Отворите, барышня, — услышала я голос кормилицы, — скорее!

Я отворила, кормилица пропустила вперед следовавшего за ней незнакомца. Вне себя от волнения я упала на колени, покрыла поцелуями его руки и, захлебываясь от слез, повторяла:

— Отец! Отец!

Герцог де Борегар, а это был он, ласково поднял меня с колен, с минуту смотрел на меня сквозь застилавшие глаза слезы, а затем крепко прижал к груди.

— Наконец-то! Дочь моя! — вскричал он с такой радостью, что я еще пуще заплакала, счастливее меня в этот момент не было никого на свете.

Герцог, преодолевая волнение, подвел меня к креслу.

— Сядьте, — сказал он кратко. — Вам надо оправиться от этого неожиданного сюрприза.

Он приказал кормилице выйти и сел рядом со мной.

Несколько минут отец молча смотрел на меня. Слезы медленно катились по его бледному лицу, но он их не вытирал.

— Вылитая мать! — прошептал он, тяжело вздохнув.

Я с улыбкой смотрела на него.

Увы! Наблюдение отца не пошло мне на пользу. Оно вновь пробудило ненависть ко мне.

— Вы видите меня в первый раз, — проговорил он ледяным тоном. — Откуда же вы знаете, что я — ваш отец?

— Сердце подсказало, — взволнованно ответила я.

С минуту длилось молчание. Я дрожала, как в лихорадке.

— Дочь моя, — продолжал он, — по неизвестным вам пока причинам я не мог жить с вами вместе. Теперь этих причин больше нет. И я приехал за вами. Вы должны занять в обществе положение, подобающее вашему имени и происхождению. Приготовьтесь следовать за мной, но не в замок, а в монастырь, где вы получите надлежащее образование.

— Сейчас, милостивый государь? — прошептала я.

— Нет, дочь моя, — с улыбкой ответил отец. — У вас будет два часа времени, чтобы проститься с теми, которых вы любите, которые вырастили вас. Вы не должны выглядеть в их глазах неблагодарной. Идите же, а пока я сам побеседую с ними и щедро вознагражу.

Я хотела поцеловать руку отца, но он привлек меня к себе и крепко обнял, а затем открыл передо мной дверь.

Я вылетела из комнаты, словно на крыльях.

Куда я шла? Я не знала. Мои ноги сами несли меня в те места, где прошло мое детство. Я хотела проститься с птицами, ручейком, где не раз утоляла жажду, деревьями, в общем, со всем, что я так любила. Буду ли я так же счастлива и свободна в неведомом мне мире, куда собиралась вступить, как в деревне, этом забытом уголке? Я шла куда глаза глядят, рвала цветы, вела разговоры с деревьями, птицами, как вдруг на одном из поворотов столкнулась лицом к лицу с молодым человеком и вскрикнула. Это был барон де Гриньи.

Он почтительно поклонился.

— Простите ли вы меня когда-нибудь, мадемуазель? — взволнованно спросил де Гриньи. — Выходка моя была нелепой и грубой, но я надеюсь на вашу доброту...

— Милостивый государь... — начала я, краснея, как и в первый раз.

— Скажите одно только слово: «Прощаю», — не дав мне договорить, продолжал он, — если не хотите сделать

меня самым несчастным человеком на свете. Не лишайте надежды видеть вас. Смилюйтесь надо мной, не будьте жестоки!

— Я прощаю вас, сударь, — проговорила я, опустив голову и еще больше краснея, — тем более что мы никогда не увидимся.

— Что вы хотите этим сказать? — с волнением воскликнул молодой человек.

— Я уезжаю, — ответила я, — отец увозит меня к себе.

— Наконец-то вы возвратитесь в свою семью, — с видимым удовольствием произнес де Гриньи.

— Увы, нет, — прошептала я. — Меня отдадут в монастырь.

Молодой человек побледнел и едва удержался на ногах.

— О Господи! — вскричал он с тоской. — Неужели я нашел вас, чтобы потерять снова?

Совсем еще ребенок, я не поняла, что так взволновало де Гриньи. Но печаль его была так беспредельна, так искренна, что мне захотелось его утешить.

— Успокойтесь, — произнесла я с деланной веселостью, — если не ошибаюсь, вы друг моего брата?

— Да, — ответил Арман. — Значит, вы разрешите иногда видеться с вами?

— Я не вправе вам что-нибудь разрешить или запретить, сударь, — с легкой иронией ответила я. — К тому же я еду не в замок, а в монастырь, как я вам уже говорила.

— Ах, да, в монастырь! — произнес он с отчаянием. — Но в какой?

— Отец не сказал.

— Я узнаю! — с жаром проговорил барон. — Чего бы мне это не стоило. Благодарю за то, что простили меня. Вы очень добры. Ничто не может мне помешать увидеть вас вновь. До свидания, мадемуазель!

Столько страсти было в словах Армана, что я испугалась. Он не ушел, а убежал от меня и скоро скрылся из виду.

Мне казалось, что де Гриньи сошел с ума. Охваченная волнением, растерянная, я возвратилась на ферму.

Два часа прошли очень быстро. Я простилась с кормилицей и ее семьей, этими милыми моему сердцу людьми. Они плакали. Андре захотел поехать со мной, и отец со-

гласился. Мало того, отдал его в полное мое распоряжение. Мальчик был вне себя от радости. Не прошло и десяти минут, как он собрал свои скромные пожитки и очень довольный уселся на козлы рядом с кучером.

Отец пригласил в замок всех родственников и представил им меня. Впервые я увидела моего брата Филиппа, очень красивого, с надменным лицом, едва пробивающимися усиками и орлиным взглядом. Он очень обрадовался, увидев меня. А через два дня я уже была в монастыре. Этот монастырь ты хорошо знаешь. Так и началась наша дружба, мы поклялись тогда...

— В верности, — перебила подругу графиня, — и до сих пор ни разу не нарушили клятву, не правда ли, дорогая Леона?

— Разве мое присутствие здесь не лучшее тому доказательство?

— Совершенно верно... но продолжай, моя милая, только не говори о нашем пребывании в монастыре, все равно ничего нового не скажешь.

— Злая!

— Не будем возобновлять прежние споры.

— Ты помнишь?

— Все, до мельчайших подробностей.

— И свою ревность?

— К Гермине де Гриньи, сестре барона. Ты крепко с ней сдружилась.

— И очень страдала из-за одной особы по имени Камилла, донимавшей меня своей ревностью. Эта особа умела любить так же неистово, как и ненавидеть.

— И осталась такой до сих пор, — графиня загадочно улыбнулась.

— Чтобы рассеять тучи, омрачившие нашу дружбу, мне пришлось рассказать тебе о любви барона де Гриньи, объяснявшей мою дружбу с его сестрой.

— Которую ты сделала своей наперсницей.

— Да, — вздохнула Леона, — Арман сдержал свое слово. Под предлогом свидания с сестрой он получил возможность бывать в нашей приемной. Благодаря Гермине никто, кроме тебя, ничего не подозревал. К тому же в нашей любви не было ничего предосудительного. Арман вполне подходил по происхождению, и ничто не могло помешать нашему браку. Но увы! Наши мечты разбились о беспощадную действительность.

Леона тяжело вздохнула, опустила голову и задумалась.

— Ну, полно тебе! — тихо проговорила Камилла, целуя подругу.

Леона выпрямилась, в глазах ее зажегся огонь.

— Ты права, надо взять себя в руки, — решительно проговорила она. — Выслушай до конца мою исповедь. Мне исполнилось семнадцать лет, когда отец вдруг забрал меня из монастыря под предлогом, что образование закончено и мне пора появляться в свете.

На третий день моего приезда домой отец устроил бал и пригласил всю знать провинции, в том числе и барона де Гриньи. Сестра ему сказала, что я дома, и Арман не преминул воспользоваться приглашением.

Во время танца барон объявил мне о своем намерении немедленно просить у отца моей руки. Я стала его уговаривать не торопиться, но он ответил, печально покачав головой:

— Дорогая Леона, я понимаю, что моя поспешность кажется вам неуместной, но, сам не знаю почему, меня одолевают мрачные предчувствия, я боюсь за наше счастье. В обществе говорят... впрочем, вам вовсе не обязательно это знать. В общем, я хочу опередить события и поторопиться с предложением.

— Что вы хотите этим сказать? — воскликнула я.

— Не настаивайте, умоляю вас, вам лучше оставаться в неведении, — ответил де Гриньи печально.

— Заклинаю вас, скажите, в чем дело?

— Вы требуете?

— Прошу вас!

— Что же, — прошептал он с горечью. — Будь по-вашему. Говорят, будто отец хочет выдать вас замуж за маркиза де Буа-Траси.

— О! — произнесла я с презрением. — Этого не может быть. Отец — благородный человек и никогда не согласился бы на такой неравный брак.

— Де Буа-Траси — маркиз, — со злой иронией ответил Арман.

— Это ничего не значит. Он — сын откупщика, разбогатевшего на сомнительных спекуляциях. Он всеми презираем.

— Возможно, — грустно заметил де Гриньи. — Но у него восемь или девять миллионов, целое состояние.

— Уверена, отец никогда не породнится с денежным мешком, как бы толст он ни был.

— Вы еще ребенок, дорогая Леона, и совсем не знаете жизни.

— Какое мне до всего этого дело? Я люблю вас, Арман, только вас, и...

— Бедная Леона! — вздохнул барон. — Я не вправе осуждать вашего отца, но вы сами вызвали меня на это объяснение. Я открою вам всю правду, чтобы вы решили, как вам поступить. Ходят слухи, что герцог де Борегаз разорен.

— Разорен? — вскричала я. — Мой отец?

— Да. Мне известно, что некоторое время назад он понес большие убытки. Есть еще причины, о них я должен умолчать из-за вашей полной неосведомленности, в силу которых ваш отец окончательно разорился.

— О! Это невозможно!

— Увы! — продолжал Арман. — Положение герцога де Борегаза настолько ужасно, что вы и представить не можете.

— Но какое имеет отношение ко всему этому маркиз де Буа-Траси?

— Маркиз, дорогая моя Леона, единственный кредитор герцога, он через посредника скупил все его векселя.

— А долг большой?

— Два с лишним миллиона ливров, — ответил барон чуть слышно, опустив глаза.

Несмотря на полное невежество в денежных делах, я почувствовала, что силы покидают меня, и, если бы не Арман, упала бы прямо на пол.

Однако горе придало мне мужества.

Послышались шаги.

— Это отец, — сказала я твердо.

— Что вы ответите на мое предложение? — шепнул мне на ухо Арман. — Согласитесь, умоляю вас. Нам надо знать решение вашего отца.

— Завтра, непременно.

В эту минуту вошел герцог. Слегка поклонившись барону, он взял меня за руку, повел в другой салон и здесь, не дав опомниться, подвел к мужчине лет пятидесяти, одетому с иголочки, с правильными чертами ничем не примечательного лица.

— Милое дитя, — сказал отец, — позволь представить тебе маркиза де Буа-Траси, моего близкого друга.

Я пошатнулась и побледнела.

— Боже мой! — вскричал маркиз, бросаясь ко мне. — Мадемуазель дурно.

Словно в подтверждение его слов, я и в самом деле упала в обморок.

Отец велел отнести меня в мою комнату и оставить на попечение служанки. Бал расстроился, гости разъехались. Было два часа ночи, когда ко мне в спальню вошел отец.

Он застал меня всю в слезах.

Сел рядом, взял мою руку:

— Вы страдаете, дочь моя, что с вами?

Я молчала, да и что могла я ему сказать? Отец нахмурился.

— Нам нужно поговорить, — произнес он, словно обращаясь к самому себе. — И лучше сделать это сейчас. Выслушайте меня, дитя мое, я объявлю вам свою волю.

Тон у отца был до того суровым, что я испугалась.

— Дитя мое, — продолжал он, — я взял вас из монастыря, чтобы выдать замуж.

— Замуж! — вскричала я в отчаянии.

— Да. Один мой близкий друг, человек богатый и уважаемый, оказал мне честь и попросил вашей руки. Я дал ему слово. Союз этот желателен во всех отношениях. Через два дня свадьба. Вам надо подготовиться.

— Это невозможно! — воскликнула я.

— Почему, позвольте спросить? Неужели правда, что вы собираетесь замуж за кого-то другого?

— А если бы и так? — произнесла я решительно к великому удивлению отца.

— Я был бы в отчаянии, — ответил он сухо. — Но никто не может заставить меня взять назад данное слово.

— Отец! — вскричала я, бросившись пред ним на колени. — Заклинаю вас всеми святыми, не делайте меня на всю жизнь несчастной... Я не знаю этого человека, он втрое старше меня... Наконец, я не люблю его!

— Вы безумная! — гневно сказал отец. — Встаньте! Какой же вы, однако, ребенок!

— Умоляю вас в память о матери...

Отец побледнел и заколебался. У меня появилась надежда.

Я схватила его руки, целовала их, обливаясь слезами.

— Нет! — вскричал отец, оттолкнув меня. — Так надо! Через два дня вы станете женой маркиза!

С этими словами он вышел из комнаты, а я лежала на полу, в полном изнеможении, убитая горем.

Служанки уложили меня в постель. Я заболела нервной горячкой.

Целый месяц я была между жизнью и смертью, потом стала выздоравливать, молодость взяла свое.

Отец с той памятной ночи больше не появлялся. Несколько раз заходил брат, но он был на стороне отца. На ближайшее воскресенье назначили свадьбу. Осталось два дня. От Армана не приходило никаких вестей. Я даже не знала, просил ли он у отца моей руки и чем это кончилось.

Как-то вечером, перед сном, служанка отдала мне записку и приложила палец к губам.

— От него! — шепнула она мне на ухо.

Записка и в самом деле была от Армана. Он умолял прийти на свидание в парк, в одиннадцать часов, чтобы проститься.

Его просьба была так трогательна и почтительна, моя любовь к нему так чиста и глубока, наконец, я чувствовала себя такой несчастной, всеми покинутой, что, не задумываясь, решила идти.

Было половина одиннадцатого. Я быстро оделась, вышла из комнаты и пробралась в парк. Ночь выдалась звездная, теплая. В замке все спали.

Ровно в одиннадцать я была в условленном месте. В ту же минуту послышался легкий шорох и приоткрылась калитка.

Арман подошел ко мне и бросился на колени.

— Наконец-то я вижу вас, Леона, — прерывающимся от волнения голосом произнес он. — Благодарю вас, вы спасли меня от отчаяния.

— Увы! — ответила я. — Лучше бы мне не приходиться, эта встреча лишь усилит наше горе. Разве вы не знаете, что через два дня я стану женой ненавистного мне маркиза?

— Знаю, — мрачно ответил барон, поднимаясь с колен. — Да будет проклят отец, решившийся отдать дочь такому человеку!

— Арман, — сказала я, — мы обречены на страдания. Помолчав с минуту, барон ответил:

— Если бы вы любили меня так, как я вас, Леона, может быть, нашелся бы выход.

— Неужели вы сомневаетесь в моей любви?

— Нет, не сомневаюсь. Но у вас хватит решимости?

— Говорите, что я должна делать?

— Надо торопиться, Леона. Я просил вашей руки, предлагал вашему отцу все свое состояние, но он грубо отказал мне.

— Что же делать?

— Теперь все зависит от вас.

— Значит, мы спасены!

— Выслушайте меня сперва, Леона. У нас осталось всего два дня. Но этого вполне достаточно. Завтра, в это же время, вы придете сюда, нас будет ждать карета. Я отвезу вас к себе, мы обвенчаемся, затем отправимся к отцу. Тогда он уже не сможет противиться нашему счастью.

Я была в полном отчаянии.

— Леона, — продолжал он, — речь идет о нашей любви, о нашем счастье!

— Увы, я знаю. Но что же делать?

— Бежать!

— Никогда, мой друг. Это невозможно. Я не хочу, чтобы потом вы стыдились меня.

— Вы произнесли мне смертный приговор, Леона. Вы никогда не любили. Прощайте, вы свободны. — Он поклонился.

— Да! — раздался чей-то насмешливый голос. Я похолодела. — Да, мадемуазель де Борегар свободна, но вы, господин барон, нет...

Нас окружили лакеи с факелами. Из темноты выступили отец и брат. Отец был мрачен и молчалив, а брат улыбался.

Казалось, земля подо мной разверзлась. Я была словно во сне. Арман же оставался совершенно спокоен.

— Ловушка! — проговорил он презрительно. — Не знаю, — он обернулся ко мне, — кто совершил это подлое предательство.

— Вы, барон де Гриньи, негодяй и подлец! — крикнул брат.

Арман с улыбкой выхватил шпагу, сломал о колено и бросил к ногам отца и брата.

— Впрочем, не все ли равно, кто устроил ловушку, — сказал он, — хотите, убейте меня, господа. Или вы жела-

ете драться со мной на дуэли? Согласен! Но не сейчас и не здесь — Он снова обернулся ко мне: — Леона, вы не ответили.

— О Арман! Бежать с вами?! Погибнуть в глазах света?! Нет, нет, это невозможно! Вы сами откажетесь назвать меня своей женой после такого скандала!

— Леона! Во имя неба! Вас лишают счастья всей вашей жизни, а вместе с вами и меня!

Очаровательные тигрицы

После недолгого молчания Леона продолжала свой рассказ.

— Ты не представляешь себе, дорогая Камилла, в какой ужас повергли меня эти люди, вынырнувшие из мрака, подобно призракам. В свете факелов они казались красными, словно кровь. Свирепые лица, блестящие лезвия шпаг, зловещее молчание в ответ на слова барона де Гриньи, все это повергло меня в такой ужас, что я в изнеможении опустилась на траву. Меня душили рыдания. Наконец слезы потоком хлынули из глаз, облегчив душу. Эти слезы послал сам Господь, сжавившись надо мной. Я чувствовала, как сгущаются над моей головой тучи презрения. У меня хватило мужества не согласиться на предложение Армана, но ни отец, ни брат не оценили этой жертвы, ведь на свидание я пришла.

Я не видела в глазах этих людей и намека на сострадание. Пораженные поступком барона, они медленно подошли к нему. Он стоял с высоко поднятой головой, скрестив на груди руки, и с невыразимым презрением смотрел на своих врагов. Это была страшная минута. Отец первым нарушил молчание.

— Милостивый государь, — сказал он холодно, — вы проникли сюда, как вор. На своей земле я полноправный судья, и никто не может мне помешать наказать вас по заслугам.

Барон ничего не ответил, лишь пожал плечами.

— Но, — продолжал герцог, — добродетель и высокая

нравственность мадемуазель де Борегар защитили ее от ваших постыдных посягательств, моя помощь не пригодилась.

Арман посмотрел на меня. Никогда не забуду этого взгляда.

— Ни ее, ни моей чести, — снова заговорил отец, — не нанесено оскорбления. Мне не за что мстить вам, сударь. Тем не менее вы не выйдете отсюда, не выслушав меня. Вы вели себя не так, как подобает благородному человеку, вы покрыли позором имя, завещанное вам предками. Мой сын назвал вас негодяем и подлецом, а я добавлю, что ваш поступок достоин лакея. А теперь убирайтесь отсюда!

Не стерпев оскорбления, барон бросился на отца с кулаками, а тот стоял неподвижно и презрительно улыбался.

Тут подскочил Филипп и оттолкнул Армана.

— Назад, милостивый государь, вы со мной должны драться! — И он перчаткой хлестнул барона по лицу.

Я закричала. Арман остановился.

Это ужасное оскорбление вернуло барону хладнокровие.

— Я удаляюсь, милостивый государь, — сказал он, поклонившись герцогу. Его спокойствие было страшнее гнева.

— Благодарите моего отца, — насмешливо крикнул Филипп. — Без него вам бы не выйти отсюда живым.

— Итак, до свидания? — равнодушно произнес барон, обращаясь к Филиппу. — Когда вам будет угодно, чем скорее, тем лучше.

Барон пошел было к выходу, но вдруг резко повернулся и направился ко мне.

Его прекрасное лицо с выражением презрения, смешанного с жалостью, было мертвенно бледным.

— Прощайте, Леона! — проговорил он с глубокой печалью.

Никто не посмел ему помешать.

— Прощайте, Леона! — продолжал он. — Я не стану допытываться, какую роль вы сыграли в этой ужасной истории.

Я в отчаянии простерла руки к небу. Он подумал, что я заодно с отцом и братом.

— Я ухожу оскорбленный и обесчещенный на ваших

глазах... Забудьте меня, вам это легко сделать, — произнес Арман с горечью.

Я бросилась перед ним на колени, сложила молитвенно руки... Говорить не было сил.

— Прощайте! — сказал Арман и удалился медленными шагами, с высоко поднятой головой. Все было кончено.

На следующий день я увидела на столике подвенечное платье, венок и букет флердоранжа и почувствовала себя еще более несчастной.

Прошел день. Я не видела никого, кроме служанок с их лаской и утешениями. Мне показалось, что свадьба отложена. Я призывала смерть как единственное избавление от обрушившихся на меня ужасных несчастий.

Мне и в голову не приходило, что в силу сложившихся обстоятельств я сама захочу скорее заключить ненавистный брак.

Перед вечером пришел отец.

Он словно сгибался под тяжестью горя.

Я хотела подняться, но он жестом остановил меня и сел рядом.

— Леона, вы считаете меня тираном и вините во всех своих страданиях, не так ли?

Я смотрела на него, пораженная, не зная, что ответить.

— Вас удивляет, что я так говорю с вами после вчерашнего. Не сердись на меня, мое бедное дитя. И не плачь. Я не палач, а такая же, как и вы, жертва.

— Герцог, — прошептала я.

— Бог свидетель, я люблю вас, — продолжал герцог.

— Любите и хотите сделать меня несчастной?! — не удержалась я от упрека, готовая разрыдаться.

— Да, я люблю вас, милая Леона, и сейчас вы в этом убедитесь. Ваш брак, дитя мое, был выгоден для нас. И мне пришлось надеть маску суровости, которая жжет мне лицо. Я чувствую, что не выдержу до завтра, до вашей свадьбы.

Я опустила с небес на землю.

— Вы молоды, — продолжал отец, — вся жизнь перед вами. А я скоро сойду в могилу и не вправе лишить вас счастья. Вы свободны, дочь моя!

— Свободна!

— Да. Ваш брак не состоится. Нынче вечером я откажу маркизу.

— Возможно ли это? — спросила я, замирая от радости.

— Осушите ваши слезы, Леона. Вы не станете женой маркиза де Буа-Траси.

— О отец! — только и могла я произнести, пряча голову у него на груди. — Вы вернули меня к жизни.

Герцог прижал меня к себе, поцеловал и снова усадил на кушетку.

— А теперь, когда вы успокоились, дочь моя...

— О мой добрый отец!

— А теперь я хочу рассказать, почему был так суров и несправедлив к вам. Обстоятельства вынудили меня.

— Верю, отец, вам не надо оправдываться.

— Нет, я хочу, чтобы вы меня выслушали, я заставил вас страдать.

— Вы добры и великодушны, отец.

— Выслушайте же меня, дорогая Леона. Вы должны знать все... Я буду краток, чтобы не утомить вас своим рассказом.

— Отец, я не допущу, чтобы вы...

Он не дал мне договорить и продолжал:

— Вы явились невольной причиной смерти вашей матери, которую я обожал, и я отдал вас чужим людям на воспитание, чтобы не растревлять незажившую рану.

— Я это знала.

Отец вздохнул и вытер слезы.

— Сын был слишком молод, чтобы заполнить образовавшуюся в моем сердце пустоту, и я стал искать развлечений на стороне. Рок тяготел надо мной. После смерти вашей матери несчастье поселилось в моем доме. И вот три месяца назад я понял, что пропасть, разверзшаяся под моими ногами, готова поглотить меня. Я узнал, что разорен окончательно. Будущее сына, честь семьи — все погибло. Как раз в это время приехал маркиз де Буа-Траси и буквально силой проник ко мне. Маркиз богат, он финансист и все измеряет деньгами. Встреча наша была короткой, и вот что он мне сказал:

«Господин герцог, я — единственный ваш кредитор, я скупил ваши векселя. Ваш долг равен трем миллионам девятистам семидесяти семи тысячам ливров, то есть превышает стоимость всех ваших земель почти на миллион двести тысяч. Вы разорены».

Я опустил голову. Маркиз, к несчастью, был прав.

«Поэтому, — продолжал он бесстрастно, — я хочу заключить с вами сделку. Я верну вам векселя и дам еще два миллиона, чтобы вы могли поправить свои дела, а вы отдадите мне в жены дочь. Говорят, она у вас красавица. Я только недавно стал дворянином, и мне необходимо породниться с такой знатной семьей, как ваша. Даю вам три месяца на размышление. Засим, господин герцог, примите мои самые добрые пожелания. Через три месяца я приду за ответом».

С этими словами он поклонился и вышел, оставив меня в полной растерянности и гнев.

Я был возмущен подлостью этого господина, оскорбившего мое достоинство, мою честь. Как посмел этот субъект просить твоей руки? В то же время я понимал, что целиком нахожусь в его власти. И он пойдет на все, чтобы добиться желаемого положения. Я взвесил все за и против. Вывод получался печальный. Вместе со мной должен был пострадать и сын, мой наследник. Его ждала нищета. Под угрозой оказалось самое главное — незапятнанное имя нашего рода.

Если бы не сын, Леона, я отверг бы предложение того наглеца. Я долго боролся с собой и наконец смирился.

Решил, что славное имя предков должен передать сыну. Но не знал тебя, Леона. Ты была мне чужой, более того, виновницей смерти матери. Я не мог простить тебе этого.

— А сейчас? — спросила я, дрожа от волнения.

— Сейчас... Ты моя дочь, мое дорогое дитя! Я снова стал самим собой, таким, как при жизни твоей матери. Для тебя разорение ничего не значит. Ты будешь счастлива. Господь вознаградит меня за эту жертву. Твоя мать меня благословит.

— О отец! Ваша доброта приводит меня в отчаяние.

— К тому же, — добавил отец с напускной веселостью, — разорение не так уж страшно. Филипп сумеет приобрести себе состояние. Разве он не потомок Ранульфа Красной руки, любимца Хлодвиг? Не будем больше говорить об этом, Леона, единственное мое желание — видеть тебя счастливой. Поцелуй меня и спокойной ночи, милая девочка. Я утомил тебя своим разговором.

Он поцеловал меня и направился к двери.

Ты не представляешь себе, Камилла, как я была взволнована. Искреннее признание отца, которое так дорого ему далось, безропотность, с которой он принял обрушившийся на него удар, глубоко тронули меня. Я устыдилась своего эгоизма и решила, что не вправе воспользоваться добротой отца. Я обвила руками его шею и, едва удерживая слезы, прошептала:

— Отец, завтра я стану женой маркиза де Буа-Траси.

— Зачем ты так говоришь, Леона? — вскричал отец.

— Да, отец, я согласна выйти замуж за маркиза.

— Хорошенько подумай, дочь моя, — проговорил отец, едва держась на ногах, — ведь я дал тебе свободу!

— Но я сама желаю вступить в этот брак!

Отец с нежностью посмотрел на меня.

— Зачем я узнал тебя так поздно? — сказал он, задыхаясь от волнения. — Благодарю тебя, дитя мое!

Он вышел.

Я упала на кушетку в полном отчаянии, в то же время гордясь принесенной жертвой.

На другой день состоялось венчание. По моему желанию свадьбу отпраздновали с большой пышностью. В глазах посторонних я выглядела счастливой, но никто не знал, что творится у меня в душе. Брата на свадьбе, ко всеобщему удивлению, не было, и когда со двора донесся шум, я подумала, что это он пришел. Я не ошиблась. Только он не пришел, а его принесли на носилках. На дуэли барон смертельно ранил Филиппа двумя ударами шпаги в грудь.

Не приходя в сознание, брат через два часа умер. Моя жертва оказалась напрасной. Я стала женой ненавистного мне человека, но род Борегаров погиб. В тот же вечер я покинула замок и уехала с мужем в Париж.

Во время представления ко двору я неожиданно заметила барона. Он бросил на меня презрительный взгляд и отвернулся. Не прошло и месяца со времени моего пребывания в Версале, как я получила известие о смерти отца. Отчаяние, а может быть, угрызения совести убили его.

Итак, я осталась одна в целом свете. Не могу пожаловаться на маркиза. Он был щедр и исполнял каждое мое желание.

Мне всячески угождали, в честь меня задавались балы. Появилось много завистников... Любая женщина чувствовала бы себя на моем месте счастливой, я же ходила как осужденная на смерть.

Я пыталась объяснить с бароном, он отказался. Я плакала от стыда и бессильного гнева.

Через год вслед за отцом и братом ушел из жизни и мой муж. Я решила испытать последнее средство, написала барону всего два слова: «Я свободна» и передала записку с надежным человеком.

Барон не замедлил с ответом. Вот он, читай!

Маркиза достала из-за корсажа пожелтевший листок и протянула графине.

«Я слишком презираю Вас, чтобы сделать своей женой. Воспоминание о чистой любви к Вам, которую Вы убили, запрещает сделать Вас своей любовницей. У меня хватит сил воздвигнуть между нами непреодолимую преграду и избежать Вашего преследования!»

— О! — вскричала графиня, возвращая письмо подруге. — И ты все еще любишь этого человека?

— Нет! — глухим голосом ответила Леона. — Я ненавижу его! Но слушай дальше. Он исполнил свою угрозу. На следующий же день подал в отставку и через неделю уехал в Канаду. Через месяц я отправилась за ним, и вот я здесь, моя дорогая... Первой мыслью по прибытии в Квебек было отправиться к тебе, моему единственному другу.

— Чего же ты от меня хочешь, Леона?

— Чтобы ты помогла мне найти этого человека и отомстить ему!

— Хорошо, — сказала графиня, — но прежде ответь мне на один вопрос.

— Спрашивай.

— Ты твердо решила отомстить, в тебе не заговорит жалость?

Злая улыбка искривила алые губы маркизы.

— Он нанес мне самое жестокое оскорбление, какое только можно нанести женщине. Я плохо с ним поступила, сознаюсь в этом, но потом умоляла о прощении, потому что обожала. Он же отверг мои мольбы, ответив презрением. Я поклялась отомстить и сдержу свою клятву, чего бы это мне ни стоило: всего моего состояния, положения при дворе, наконец, моей репутации. Я по-

кинула Францию и последую за этим человеком хоть на край света, чтобы поразить его в самое сердце, лишить состояния, чести, увидеть униженным у моих ног и хлестать этим письмом по лицу. Одобряешь меня, моя дорогая?

— Но почему ты поспешила прямо ко мне? — бросив на подругу подозрительный взгляд, спросила графиня. — Оставим пока в стороне дружбу.

— Почему? Ты хочешь это знать, Камилла?

— Да.

— Что же, буду откровенна. Я не знала, что ты находишься в этой стране, и считала, что здесь у меня нет ни одной знакомой души. Пока мы плыли по реке, каждый раз, как к нам приставала барка, я старалась обо всем подробно расспросить. И вчера один офицер, явившийся на борт нашего судна, упомянул твое имя. От него я узнала о твоей истории с молодым человеком, прибывшим из Франции.

Раз или два я видела этого господина в Версале, даже немного знакома с ним. Кажется, это граф Кулон де Виллье. Очаровательный молодой человек. Кумир женщин, опорочивший не одно доброе имя. Это он?

— Он, — ответила графиня, зло усмехнувшись.

— Я знаю, что барон и граф связаны узами братской дружбы, и у меня тотчас созрело решение прийти к тебе и сказать: мы обе оскорблены, объединимся же в ненависти и отомстим негодяям.

— Итак, ты предлагаешь заключить союз. Не испугаешься, не отступишь?

— Нет. Ты согласна?

— Да! Я всем сердцем с тобой! — вскричала графиня. — Мало того, что этот негодяй покинул меня, так еще и отдал на всеобщее посмеяние. А я еще колебалась! Считала его благородным! Да я его из-под земли достану. Хорошо, что ты приехала, Леона, я не обману твоих надежд. Пусть узнают эти ловеласы, что значит ненавидеть прежних возлюбленных!

Женщины бросились друг другу в объятия, обливаясь слезами, и поклялись в вечной ненависти.

Когда они расстались, чтобы несколько часов поспать, лицо графини все еще хранило выражение оскорбленной гордости, смешанной с яростью, а по губам маркизы скользила загадочная улыбка.

Позднее мы объясним, что эта улыбка означала. Но графиня ее не заметила.

На следующий день состоялся разговор дон Паламеда с обеими дамами, который явно затянулся. После этого дон Паламед уехал. По веселому лицу и звону монет в широких карманах можно было заключить, что дела у дон Паламеда идут неплохо.

В одной из предыдущих глав мы рассказали о попытке этого господина исполнить возложенное на него поручение. Попытка эта, надо заметить, довольно смелая, закончилась полнейшим фиаско.

АТЛАСНАЯ ЗМЕЯ

ГЛАВА I

Встреча в пустыне

Солнце садилось за Аллеганы, окрасив в пурпур облака.

Сгущавшиеся сумерки все плотнее обволакивали долины.

Светлыми остались только вершины гор, озаренные последними лучами заходящего солнца.

Подул резкий ветер, заколыхал ветви деревьев, пригнул к земле высокую траву по речным берегам.

Сумерки почти мгновенно сменились ночью, и во мраке уже ничего нельзя было различить.

Небо постепенно заволокли черные тучи, пронесившиеся чуть не над самой землей.

Мы покинули двух главных героев нашего повествования, графа де Виллье и барона де Гриньи, в тот самый момент, когда, встретившись с Берже и его краснокожим другом у бухты Мариго, они прыгнули в пирогу вместе с Золотой Ветвью и Смелчаком, двумя преданными им солдатами.

Настало время вернуться к покинутым нами офицерам и, насколько это будет возможно, принять участие в их смелой экспедиции.

Пирога быстро скользила по воде, рассекая бурные волны.

Путешественники хранили молчание, невольно поддавшись влиянию окружавшего их мрачного пейзажа.

Они всецело положились на опытность своих проводников и канадца.

И имели на это все основания: оба проводника продви-

гались в ночной темноте так же уверенно, как если бы ярко светило солнце. Встречавшиеся на каждом шагу препятствия они обходили буквально шутя.

Так в молчании прошло более двух часов. Наконец граф де Виллье не выдержал.

— Дорогой Берже, — обратился он к охотнику, — неужели вы не боитесь сбиться с пути и, несмотря ни на что, настаиваете продолжать путешествие? Темно, как в преисподней.

— В самом деле, — смеясь, заметил барон, — даже обезьяна в такой темноте могла бы наступить на собственный хвост. Все равно нам придется остановиться и подождать до рассвета.

— Зачем? — спокойно спросил Берже. — Думаете, мы с вождем впервые путешествуем ночью? К тому же мрак имеет свои преимущества: раз мы ничего не видим, значит, и нас нельзя обнаружить, что немаловажно.

— Это верно, — согласился граф. — Но что будет, если мы собьемся с пути?

— Ручаюсь, такого не случится, — смеясь, ответил Берже.

— Я готов вам поверить, мой друг, но мне кажется, что мы плывем уже не на середине реки, а совсем близко от берега.

— Вы почти угадали, господин Луи.

— Мы выйдем из лодки?

— Пока нет. Просто река очень узкая, и, хотя мы плывем посередине, берег все равно близко.

— Что это значит, Берже? Разве мы плывем не по Орио?

— Давно, господин Луи. Мы уже миновали Манонгохелу и почти час идем по очень глубокой, но очень узкой реке.

— Как она называется?

— Французам эта река неизвестна. А краснокожие ее называют Желтая Вода. Потому что в ней много ила. При луне вы могли бы это заметить.

— И долго мы будем по ней плыть?

— Нет, господин Луи. Через несколько минут мы войдем в другую и будем плыть часа два, после чего выйдем на берег. На этом наше путешествие в пироге закончится.

— А долго нам добираться до нашего жилища?

— К восходу солнца будем на месте.

— Рад слышать это. Но скажите, Берже, почему бы нам не передохнуть до рассвета где-нибудь на берегу?

— Я бы тоже не прочь, — подхватил барон и так зевнул, что едва не вывернул челюсть. — Наши солдаты счастливее нас, наверное, спят себе преспокойно.

— В иных обстоятельствах я охотно удовлетворил бы ваше желание, — ответил охотник, — но сейчас это невозможно.

— Почему? — в один голос спросили граф и барон.

— Тс-с! — шикнул охотник. — Нас могут услышать.

— В этой пустыне? — вскричал барон.

— У краснокожих есть прекрасная поговорка.

— В самом деле? А что за поговорка?

— В пустыне деревья видят, а листья слышат. Так говорят индейцы.

— Вы опасаетесь каких-нибудь врагов? — спросил граф.

— Не то чтобы опасаясь, но предпочитаю соблюдать осторожность. Мы проезжаем сейчас охотничьи угодья племен, враждебных французам, и кто поручится, что нас не ждет засада?

— В таком случае, я вас хорошо понимаю, мой друг.

В ту же минуту где-то совсем близко послышался легкий плеск воды.

Берже стиснул руку графа.

Индеец таким же образом заставил замолчать барона.

Через две-три минуты всплеск повторился.

Охотник и индеец шепотом обменялись несколькими словами.

Индеец снял плащ, потуже затянул пояс, к которому был прикреплен нож для снятия скальпов, и соскользнул в воду. Берже велел молодым людям взять весла, чтобы удерживать пирогу на месте.

Подавшись всем телом вперед и держа палец на спусковом крючке, охотник напряженно всматривался в темноту, окутавшую все вокруг черным покрывалом.

Снедаемые любопытством граф и барон были в полном недоумении и не могли не испытывать тревоги. Они чувствовали, что им грозит опасность.

Однако, не знакомые с нравами индейцев, они предпочитали ни о чем не спрашивать, чтобы не расстраивать планы индейца и охотника.

Вдруг в тишине послышался сдавленный крик, и французы содрогнулись от ужаса.

В ту же минуту вода забурлила, пирога накренилась и в лодку влез человек.

Это был Чуткое Ухо. В одной руке он держал нож, а в другой окровавленный скальп, которым размахивал с торжественным видом.

Индеец обменялся несколькими словами с Берже, сел на весла, и пирога снова поплыла вверх по течению.

— Ради Бога! — вскричал граф. — Что случилось?

— Не оставляйте нас и дальше в неведении, — попросил барон.

Проснувшиеся солдаты стали прислушиваться к разговору со страхом, смешанным с любопытством.

— Напрасно тревожитесь, — спокойно ответил Берже. — Ничего особенного не случилось.

— Но, — возразил барон, — ваш ответ ничего нам не объяснил.

— Сейчас расскажу в двух словах. Англичане на всем протяжении границы держат лазутчиков. Несмотря на предпринятые нами предосторожности, я был уверен, что проскочить незамеченными нам не удастся. Так оно и случилось. Английский лазутчик обнаружил нас и спустился в воду, чтобы рассмотреть поближе. К несчастью для бедняги, мы с вождем были начеку, и он, не почуяв опасности, вдруг очутился лицом к лицу с вождем, который убил его и оскальпировал.

Закончив свой рассказ, Берже добавил со смехом:

— Вот к чему ведет любопытство!

— Но крик этого несчастного мог услышать еще кто-нибудь, кроме нас, — произнес граф.

— Этого можно не опасаться.

— Почему?

— Потому что он был один.

— Вы в этом уверены?

— Совершенно. Убитый индеец — далавар, а воины этого племени ходят по тропе войны в одиночку, особенно если дело касается засады.

— Допустим, — сказал граф. — А сейчас что вы намерены делать?

— Продолжать путь по реке. И чем быстрее мы это сделаем, тем лучше.

— Ну, а если мы снова натолкнемся на вражеских лазутчиков?

— Тем хуже для них. Но я полагаю, этого не случится. Опасные места остались позади.

Тут вопреки утверждению охотника где-то совсем близко послышался громкий всплеск воды.

— Что это? — вскричал граф.

Охотник прислушался и взглянул на индейца.

— Еще один враг, — произнес тот.

— Ага! Значит, вы ошиблись? Сознайтесь!

— Вовсе нет, — смеясь, ответил охотник, — этому врагу можно сказать: добро пожаловать. Позвольте мне действовать по собственному усмотрению.

— Сначала объясните, в чем дело.

— Не имеет смысла. Вы все сами увидите.

— В такой темноте?

— До чего же вы нетерпеливы, господин Луи, — промолвил охотник.

— Вам нужна наша помощь?

— Может быть, и понадобится. Во всяком случае, держите ружья наготове.

— Но в кого стрелять?

— Скоро поймете!

— Ах! Вы ужасный человек.

— Благодарю, господин Луи. Только обещайте не стрелять без моего приказа. Незачем понапрасну себя обнаруживать.

— Согласен.

— Вот и отлично.

Пирога быстро двигалась вперед, и шум становился все явственнее.

Тем временем канадец, находясь в самом веселом расположении духа, вытащил из охотничьей сумки полено с кулак толщиной и около пятнадцати дюймов длиной, называемое индейцами окол, гнилое дерево.

Берже приладил полено к носу пироги.

Молодые люди с любопытством следили за этими приготовлениями.

— А теперь будьте внимательны, — сказал охотник.

— Внимательны? В чем дело? — спросил барон.

— Следите за тем, что увидите. — Охотник высек огонь и положил на полено пропитанную спиртом паклю, которая тотчас вспыхнула, словно факел.

Пирога оказалась в широкой полосе света.

— Взгляните! — проговорил Берже, протягивая вперед руку.

— Что это? — вскричал барон. — Там как будто что-то ворочается.

— Это серый медведь переплывает реку. Вот и все.

— Так, так, так, — промолвил барон, потирая руки. — Говорят, мясо серого медведя необычайно вкусное.

— Это прекрасно. Но прежде надо его убить.

— Верно! Он, по-видимому, направляется в эту сторону. Взгляните-ка, Берже!

— Разумеется, его влечет свет.

— Настоящее чудовище! — сказал граф. — До чего громадная голова.

— Серый медведь в этих краях самый грозный зверь, — продолжал охотник. — Его когти достигают десяти, а то и двадцати дюймов длины. А сила у него какая! А ловкость! Даже ягуар не сравнится с ним в свирепости.

— Выходит, враг это серьезный, — заметил барон.

— Очень даже. Если мы не убьем его, он нас убьет, предупреждаю.

— Черт побери! Его нельзя упускать. Слышите, эй, вы там, молодцы!

Золотая Ветвь и Смелчак молча кивнули.

— Постараемся, — продолжал Берже. — Слушайте меня внимательно. Через пять минут, не позднее, он поравняется с нами, и, когда будет на расстоянии протянутой руки, я рассеку ему голову топором.

— А вдруг это вам не удастся?

— Тогда стреляйте вы. Обо мне не беспокойтесь. Иначе мы все погибнем. Цельтесь прямо в глаза, пуля не пробьет череп, расплющится. Поняли?

— Вполне. Но как же вы?

— Как-нибудь выпутаюсь. А теперь молчите! Медведь подплывает.

Французы зарядили ружья, а индеец продолжал грести как ни в чем не бывало.

Берже с топором в руке стоял на носу пироги.

Зверь уже был в нескольких шагах от пироги.

Над водой торчала его голова. Глаза сверкали, словно два раскаленных угля, из пасти с острыми клыками вырывалось рычание.

В какой-то момент французов охватила тревога.

Берже, откинувшись немного назад, подняв над головой руку с топором, спокойно ждал приближения зверя.

— Возьми немного правее! — крикнул охотник индейцу, сидевшему на веслах.

Только индеец повернул пирогу, как медведь своей могучей лапой наклонил ее почти до самой воды.

И в тот же миг на голову зверя с быстротой молнии опустился топор.

Медведь взревел, и пирога заняла свое прежнее место.

— Можете спрятать ваши ружья, — спокойно произнес Берже. — Я рассек ему череп.

Медведь бился в предсмертной агонии и хрипел, колотя по воде всеми четырьмя лапами.

Чуткое Ухо соскользнул в воду, стянул медведю задние лапы и, таща его за собой, медленно поплыл к берегу.

Следом поплыла и пирога.

Вшестером они с трудом вытащили зверя на берег.

Он весил около тонны.

Индеец и охотник содрали с него шкуру, причем проделали это с необычайной ловкостью и быстротой, отрезали ему лапы, считающиеся лакомством, вырезали несколько килограммов филея, срезали жир, а остальное бросили на съедение хищным птицам.

— Вот теперь и позавтракаем, — весело сказал охотник.

— И завтрак будет на славу, — заметил барон.

— А вы что скажете, господин Луи? Хороша дичь?

— Хороша-то хороша, да чересчур велика. И охотиться на нее, как оказалось, совсем нелегко.

— Смотря по тому, как взяться за дело, — весело возразил Берже.

— Во всяком случае, этот завтрак стоит нам немалых волнений.

Как только разделанная туша медведя была перенесена в пирогу, все заняли свои места.

Индеец и охотник снова взяли за весла, и пирога заскользила вперед.

— Скоро мы доберемся до места? — спросил граф.

— Через несколько минут мы войдем в реку, о которой

я вам уже говорил, господин Луи, и через два часа будем у цели.

— Отлично. А потом?

— Путешествие по суше займет совсем немного времени. К рассвету доберемся.

Послышались два вздоха облегчения.

Охотник с улыбкой повернул голову.

Это два воина напомнили о своем существовании.

Им очень хотелось скорее покинуть лодку и ступить на твердую почву.

Граф де Виллье желал того же и сказал Берже:

— Ну, приятель... вся надежда на Бога и на тебя!

— Послушайте, господин Луи! Вы, должно быть, забыли свое обещание обращаться со мной как с другом вашего брата и всю дорогу были со мной на вы.

Ночное путешествие

Пирога, почти все время плывшая по реке, держалась теперь ближе к берегу.

Часам к трем утра, как и сказал канадец, она пристала к мысу, совершенно лишенному растительности.

С нескрываемой радостью путники вышли на берег. Так приятно было размяться после долгого пути в маленьком неудобном суденышке.

Небо прояснилось.

Горизонт посветлел, близился рассвет.

— Первым делом, вождь, надо будет убрать пирогу в безопасное место, — сказал Берже.

Несловоохотливый, как и все индейцы, Чуткое Ухо молча кивнул.

— Здесь спрячем? — спросил граф.

— Да, здесь.

— Это довольно трудно.

— Не так трудно, как кажется, господин Луи. Впрочем, вы сейчас сами увидите. Укроем пирогу так, чтобы в любой момент можно было найти.

Из пироги все выгрузили и аккуратно разложили на берегу.

После этого индеец с канадцем вытащили лодку из воды и подняли ее на плечи. Остальные взяли весла и провизию, и все тронулись в путь.

Через четверть часа они достигли опушки леса и углубились в чащу.

Лес этот, как часто бывает в Америке, состоял из одной породы деревьев, в основном очень старых, покрытых

мхом, свисающим с ветвей, густо переплетенных лианами и прозванных бородой испанца.

Лес этот казался непроходимым из-за встречавшихся на каждом шагу препятствий.

Однако благодаря ловкости обоих проводников эти препятствия каким-то непостижимым образом удалось преодолеть.

Путники без труда шли по тропе, протоптанной зверями, очень узкой и очень извилистой.

Наконец они достигли прогалины, образовавшейся во время падения нескольких старых высохших деревьев, и остановились.

— Отдохнем, — сказал Берже, сбросив пирогу на землю.

— Разве мы уже пришли? — спросил граф.

— Пока нет, господин Луи, но теперь немного осталось. С вашего позволения, мы здесь позавтракаем. Видите, вождь собирается разводить огонь. Я помогу ему готовить.

— И мы тоже, — произнес Золотая Ветвь. — От таких прогулок аппетит разыгрывается, хотя повар из меня никудышный.

— А я даже учился и одно время служил поваром, — заметил Смельчак.

Все только рассмеялись, услышав это заявление.

— В таком случае, за дело! — весело произнес Берже. — Но прежде я спрячу в надежное место пирогу.

С этими словами Берже пошел к краю поляны и стал одно за другим рассматривать деревья.

Огромный лес, как мы уже говорили, состоял из болотных кипарисов, самых замечательных деревьев Северной Америки, достойных особого описания.

Болотный кипарис занимает первое место среди деревьев Нового Света и отличается гигантскими размерами. Нельзя не восхищаться его прямым оголенным стволом, огромной, уходящей в самое небо вершиной, бросающей тень, словно облако, плывущее низко над землей.

Это дерево обычно растет в воде или в низких местах, по соседству с озерами и реками, там, где большую часть года земля покрыта водой.

Отростки дерева расходятся во все стороны, и между ними образуются довольно большие пространства, где может укрыться несколько человек.

Каждый из отростков имеет над водой свой корень.

Эти корни образуют своего рода конусы, высотой от четырех до шести футов и от шести дюймов до двух футов в диаметре у основания. Большие конусы обычно полые, индейцы делают из них улья для пчел.

Длинные гирлянды мха свисают с ветвей этих удивительных деревьев, дополняя их причудливую красоту.

Никакое перо не в состоянии описать всю их прелесть.

Граф де Виллье и барон де Гриньи, впервые попав в пустыню, еще не искалеченную рукой человека, не смогли удержать своего восторга.

Они с интересом следили за тем, как ловко спрятал канадец пирогу в полом стволе. Следуя за Смелчаком, молодые люди не заметили, как очутились у края поляны.

— Эй, — крикнул Берже, подбегая к французам, — ни шагу больше, если вам дорога жизнь, господа.

— Что это значит? — удивились французы. — Неужели нам грозит опасность?

— Еще какая! Мы стоим на болоте. За этой поляной яма глубиной по крайней мере футов в двадцать, где вас тотчас же засосет трясина. Вот, смотрите.

С этими словами канадец взял палку и воткнул в траву. Палка закачалась из стороны в сторону, потом, словно повинаясь какой-то загадочной неодолимой силе, стала уходить в глубину и через несколько минут исчезла совсем. А была она больше пятнадцати футов длиной.

— Видели? — спокойно произнес охотник.

— Да, — побледнев, ответил барон. — Это ужасно. Не предупреди вы нас...

— А что, далеко тянется это болото? — спросил граф.

— Миль двадцать, а может, и больше, никто не знает.

— Как же, друг мой, вы могли повести нас такой опасной дорогой? — спросил граф.

— Это единственная дорога к деревне, где я живу. Там с трех сторон болото... Впрочем, со мной вам ничто не грозит.

— Да, вы правы! Пойдемте завтракать. А то нас заждались.

Вождь и его помощники приготовили завтрак раньше, чем можно было рассчитывать. Состоял он из медвежьих лап, испеченных в золе, и жареного филея. Словом, не зря охотились на медведя. К медвежатине добавили ямс, хлеб и две тыквы-горлянки с вином и водкой.

Аппетит у всех после столь длительного пути был отменный.

Путники уселись кружком, каждый выбрал казавшийся ему наиболее лакомым кусочек, и все заработали челюстями.

Взошло солнце, и все вокруг приняло совершенно иной вид.

Французы, еще не привыкшие к необыкновенной красоте американской природы, то и дело вскрикивали от восторга.

Солнце залило ярким светом прогалину и вековые деревья, чьи густые вершины образовали огромный зеленый купол.

С наступлением рассвета стали пробуждаться птицы, и лес наполнился веселым щебетом.

С громкими криками порхали с дерева на дерево попугаи.

Перепрыгивали с ветки на ветку и опоссумы.

Еще несколько минут назад молчаливый и мрачный лес ожил, расцвел, засиял красотой и величием под теплыми благотворными лучами.

Картина открылась поистине великолепная.

Вдруг где-то поблизости раздался крик водяного голубятника.

Граф поднял голову.

— Вы что-то заметили? — спросил Берже.

— Нет, хочу увидеть птицу, которая только что кричала.

— Это водяной голубятник, наш друг, — сказал охотник и ответил точно таким же криком.

Граф невольно обернулся и удивленно вскричал:

— Э! В чем дело?

В ту же минуту появился отряд из пятидесяти воинов.

— Это друзья, — произнес Берже, поднимаясь. — Индейцы и лесные бродяги. Они вышли нам навстречу и дали знать о себе криком, который вы слышали...

— Добро пожаловать! — весело сказал граф.

Все встали, чтобы приветствовать прибывших, которые остановились на краю прогалины и ждали, когда с ними заговорят.

Все это были сильные, здоровые люди средних лет, с гордыми энергичными лицами.

Если бы не борода у некоторых лесных бродяг и не

длинные до плеч белокурые волосы, их невозможно было бы отличить от индейцев: тот же кирпичный цвет кожи, та же охотничья одежда.

По знаку Берже прибывшие разделились на два отряда. Во главе первого стал Чуткое Ухо, во главе второго — канадец.

Тогда вождь подошел к графу, по индейскому обычаю правой рукой пожал ему левую и обратился к нему с принятым у индейцев приветствием.

— Наконец-то ты пришел, — и продолжал: — Вот мои дети, гуруны озер. Они любят своего белолицего деда. Они пришли по моему зову, и ты можешь распоряжаться ими по своему усмотрению. Это самые знаменитые воины моего племени, у них крепкие руки, отважные сердца, правдивый язык и зоркий глаз.

— Благодарю вас, вождь, — ответил граф. — Ваши воины будут жить вместе с нами. С вашей помощью и с помощью ваших воинов мы успешно выполним приказание нашего белого деда. Он любит своих индейских детей и желает им счастья.

Берже служил переводчиком индейцам, в том числе и Чуткому Уху, который немного знал по-французски.

Выслушав речь графа, индейцы почтительно поклонились и огласили лес своим диким воинственным кличем.

Затем граф повернулся к лесным бродягам:

— Друзья, — сказал он, — вы можете объясняться с нами без переводчика. Все мы французы, независимо от того, родились по эту или по ту сторону океана, и вы имеете честь представлять лучшие традиции Франции в Америке. Уверен, что вы мне поможете победить нашего общего врага, и обещаю повести вас туда, куда потребует Франция.

— Да здравствует Франция! Да здравствует король! Смерть англичанам! — закричали канадцы, потрясая оружием.

— Да здравствует король! Да здравствует Франция! — в свою очередь произнес граф, помахав шляпой.

Когда наконец воцарилась тишина, граф продолжал:

— Порученное нам дело вполне достойно и вашей храбрости, и вашей опытности. Много препятствий будет у нас на пути, нам предстоит тяжелая борьба, но все вместе мы добьемся успеха.

— Долг обязывает нас помогать вам, господин Луи, делать все, что в ваших силах, и этот долг мы выполним, не сомневайтесь, — промолвил охотник.

— Это я знаю и заранее благодарю вас, Берже. Вы мудро поступили, назначив нашим друзьям встречу здесь, вдали от любопытных глаз. Теперь, по крайней мере, нам нечего опасаться вражеских лазутчиков, и, как только будут закончены все необходимые приготовления, мы отправимся в путь.

— Я счел необходимым, господин Луи, в интересах экспедиции, а также для того, чтобы не пойти по ложному следу, отправить одного из наших лазутчиков на поиски англичан. Он ушел вчера вечером и должен скоро вернуться. Тогда и решим, как действовать. Уверен, что он принесет какие-нибудь сведения о наших врагах.

— Вполне согласен с вами и поздравляю с прекрасной мыслью отправить на разведку лазутчика... Но что делать сейчас, чтобы не навлечь на себя подозрений?

— Охотиться, как решили вначале, господин Луи. Только ни один лазутчик не посмеет сюда проникнуть, потому что сразу будет раскрыт и повешен, ведь все мы знаем друг друга.

— Это верно! И поскольку нас здесь ничто не удерживает, следовало бы отправиться к вашей деревушке.

— Тем более что нас там ждут с нетерпением. Мы и так опоздали...

— Итак, с Богом, в путь!

Несколько минут спустя оба отряда покинули прогалину и снова углубились в лес по единственной тропинке, которая вела через болото.

ГЛАВА III

Много событий за короткое время

А теперь вернемся к капитану дону Паламеду Бернардо де Бивар и Карпио. Мы оставили его умирающим на залитой кровью траве.

Естественно, что он не мог даже пошевелинуться. Однако, прибыв на место поединка, граф де Виллье и барон де Гриньи никого не нашли.

Вот что произошло, пока графа не было.

Капитан, истекая кровью, потерял сознание.

Уже несколько минут он лежал без движения, как вдруг на его счастье на прогалине появились три всадника.

Двое из них, судя по манерам и богатой одежде, принадлежали к высшему обществу. Оба при шпагах, что говорило об их благородном происхождении. Старшему было на вид лет двадцать, не больше.

Третий всадник, лет тридцати, с умным энергичным лицом, сверкающими черными глазами и черной густой бородой, высокого роста и крепкого сложения, отличался грациозностью, если можно так сказать о мужчине.

Одежда на нем была черная, простая, без украшений и вышивок. На широком кожаном поясе сбоку — нож, в кобурах седла — два пистолета.

Выехав на прогалину, всадники с опаской огляделись.

— Что это значит? — вскричал младший, указывая

своей изящно обтянутой перчаткой рукой на распростертого на земле человека.

— Э! — ответил тот, что был в черном, видимо, слуга. — Скорее всего, это мертвец.

— Вы полагаете, Андре, что этот несчастный мертв? — спросил самый младший всадник.

— Я не могу утверждать, но, если госпожа маркиза не против, можно удостовериться.

— Да, пожалуйста, Андре, — отвечал тот из всадников, которого слуга назвал маркизой, и добавил сердито: — И прошу вас раз и навсегда запомнить, что не следует называть меня ни госпожой, ни маркизой. Иначе зачем бы я стала переодеваться мужчиной? Или вам нравится так меня называть?

Андре виновато опустил голову, подошел к лежавшему на земле и перевернул его лицом вверх.

И тут у слуги вырвался крик удивления.

— Что там еще! — несмешливо спросил старший из всадников. — Разве покойник был вашим врагом, Андре?

— Нет, сударь.

— Может быть, он укусил вас?

— Этот несчастный еще долгое время не сможет пошевелить челюстями, точнее, тем, что от них осталось.

— Почему же тогда вы вскрикнули?

— Известно ли вам, господин, кто этот бедняга?

— Неизвестно, да и зачем нам это знать?

— Между тем вам следовало бы о нем позаботиться, или позвольте это сделать мне.

— Зачем?

— Мне кажется, он еще дышит.

— Возможно, но это совсем незаметно, — произнес младший из всадников. — Даже говорить об этом не стоит.

— Но Андре прав, — произнес старший, — не можем же мы бросить этого человека на произвол судьбы... Я узнала его.

— Кто же это? — спросил тот, кого слуга назвал маркизой.

— Ах! — ответил старший не без иронии. — Мы только начали экспедицию и уже потеряли одного из наших самых надежных бойцов. Перед нами наш неустрашимый капитан Паламед.

— В самом деле...

— Черт с ним, с этим негодяем! Он просто жалкий хвастун. Вот к чему привело его бахвальство!

— Он встретил достойного противника, — глубокомысленно заметил слуга.

— Совершенно справедливо. Ей-богу, славные удары шпаги. Потомок Сида весь исколот. Посмотрите-ка на его раны, Камилла.

— Я узнаю руку, нанесшую эти удары, — отвечала Камилла с гневом. — Но утешительного здесь для нас мало.

— Ты колеблешься? Хочешь вернуться назад? — вскричал старший из всадников с некоторым разочарованием в голосе.

— Вовсе нет! Но месть нашу придется отложить.

— Тем лучше!

— Почему? Я не понимаю тебя, Леона.

— Не Леона, а Леон, с твоего позволения, — с улыбкой заметил второй всадник. — Я вовсе не сокрушаюсь о случившемся, по-моему, маркиза де Буа-Траси и графиня де Малеваль не могут удовольствоваться такой банальной местью. Подослать убийцу к предателю недостойно, унижительно!

Графиня молча опустила голову.

Поскольку переодетые женщины сами раскрыли свое инкогнито, мы, не задумываясь, последуем их примеру.

— Надо с Божьей помощью найти что-то лучшее, — сказала маркиза через минуту.

— В Писании сказано: «Ищите и обрящете», — шуточно произнесла графиня. — Будем же следовать Писанию.

— В добрый час! Мне нравится, когда ты так говоришь.

Все это время Андре, молочный брат маркизы, старался оказать помощь капитану, даже обмыл его раны.

Однако бедняга не подавал никаких признаков жизни.

— Что же делать с этим негодяем? — спросил слуга.

— Ему, видимо, совсем худо, — произнесла маркиза.

— Это верно, — сказал Андре, — и все же я могу поручиться, что есть надежда. От потери крови он потерял сознание, но не поврежден ни один важный орган.

— Однако мы в пустыне, — заметила графиня.

— Вдали от всякого жилья, — подчеркнула маркиза. — Промедление смерти подобно.

— Что же, предоставим капитана его собственной судьбе, — сказал Андре.

— Это, пожалуй, самое лучшее, что мы можем сделать.

— В двух шагах отсюда река.

Андре многозначительно посмотрел на женщин:

— Орио быстра и глубока, господа... Как прикажете поступить с ним?

— Он позволил себя убить так бессмысленно, тем хуже для него. Он ничтожный хвостун!

— Значит... — продолжал Андре.

— Мертвые не болтают, — сказала маркиза, отвернувшись.

— Хорошо, — холодно произнес молодой человек.

Он поднял умирающего на руки.

Женщины продолжали между собой разговаривать, не обращая внимания на происходившее.

Андре бросил капитана поперек седла, словно мешок.

Капитан пошевелинулся и издал вздох.

Андре остановился.

— Что там? — спросила маркиза.

— Он приходит в себя.

— Тем более нужно поторопиться.

По тому, как хладнокровно произнесла это маркиза, нетрудно было бы себе представить, какого опасного врага имел в ее лице граф де Виллье.

Андре поклонился, собираясь покинуть прогалину.

Но в этот момент из кустов вышел человек свирепого вида, неряшливо одетый, с парой пистолетов за поясом, охотничьим ножом и ружьем в руке.

Женщины испугались, а Андре быстро загородил их.

Незнакомец мрачно взглянул на путников и сказал с усмешкой:

— А я, кажется, вовремя успел.

— Что вам нужно? — спросил Андре, стараясь не выдать своего волнения.

— Черт возьми! Здесь можно заработать деньжонок, если я не ошибаюсь... Я требую свою долю, вот и все!

— Что нужно от нас этому болвану? — с гневом вскричала маркиза, преодолев страх.

— Не кричите, молодой человек, — холодно произнес незнакомец. — Давайте по-хорошему сговоримся, так будет лучше и для меня, и особенно для вас.

— Я вас не понимаю, — надменно заявила маркиза.

— Сейчас я вам объясню, господин. Именно за этим я и явился сюда.

— Прежде всего скажите, кто вы такой? — промолвила маркиза.

— Об этом долго рассказывать, да и вряд ли вам будет интересно. Достаточно вам знать, что мне неизвестны страх, совесть и я способен как на хорошее, так и на дурное.

— Словом, — перебила незнакомца маркиза, — за плату вы готовы на все.

— Вы угадали, — спокойно ответил незнакомец.

— Прекрасно. Но нам хотелось бы знать ваши намерения.

— Вы, я вижу, отказываетесь меня понимать. Я слышал ваш разговор и, если мы столкнемся, мог бы оказать вам кое-какие услуги. Я ведь без предрассудков... Но, разумеется, на определенных условиях. Я хорошо знаю все тропинки в этой стране, особенно такие, о которых проводники понятия не имеют. Я могу всадить в глаз ягуара пулю на расстоянии шестидесяти шагов. Я знаю, где спрятать навсегда или на время ненужные вещи так, чтобы их никто не нашел.

— Отлично! И это все?

— Почти. Есть еще у меня два прекрасных качества: я предан и нем. А это дорого стоит.

— Несомненно, — смеясь, сказала маркиза. — Итак?

— Итак, судите сами, нужен я вам или нет?

— Возможно, и нужны.

Графиня и Андре молчали, предоставив маркизе вести этот разговор.

Женщины шепотом обменялись мнениями друг с другом, в то время как незнакомец несмешливо на них поглядывал.

Затем маркиза обратилась к незнакомцу:

— Можете вы взять на себя заботу об одном раненом?

— А вы хотите его спасти?

— Зачем вы об этом спрашиваете?

— Недавно у вас были совсем другие намерения.

— Допустим. А сейчас изменились.

— Хорошо, я спасу его.

— И никому ничего не скажете?

— Не скажу.

— Прекрасно! Тогда возьмите вот это!

И маркиза протянула незнакомцу кошелек.

Незнакомец взвесил его на ладони и с явным удовольствием опустил в широкий карман.

«Хорошо, что он алчный, — подумала маркиза, — его можно будет держать в руках».

— Теперь все? — спросил незнакомец.

— Нет, не все.

— Что же еще?

— Ваше имя!

— У меня его нет, во всяком случае, здесь оно неизвестно.

— Как же называют вас те, с кем вам приходится иметь дело?

— Изгнанником.

— Изгнанник! Надо запомнить. А когда вас можно увидеть, если вы вдруг понадобится?

— Когда пожелаете.

— Где?

— Где хотите.

— Что-то я не совсем понимаю, — заметила графиня де Малеваль.

— Иначе ответить я не могу.

— Живете же вы где-нибудь? Ну, хотя бы в лесу.

— Вполне возможно.

— Где же все-таки вы живете?

— Этого я сказать не могу. Не могу и не желаю.

— Почему?

— Не хочу, чтобы ко мне ходили.

— Но где же вас найти?

— Везде.

— Мы играем с вами в загадки.

— Нисколько. Скажите, где и когда вы желаете меня видеть, и я буду в условленном месте.

— Завтра в полдень, здесь, на этой поляне.
— Согласен.
— Вы сообщите мне, как чувствует себя ваш подопечный.

— Решено.
— Не знаю только, как вы его дотащите.
— Не беспокойтесь, я увезу его.
— Однако...
— Вы хотите знать, как я это сделаю.
— Да.
— Тогда подождите.

Незнакомец свистнул.

Через две-три минуты послышался лошадиный топот, из кустов выскочила великолепная лошадь и стала тереться мордой о плечо Изгнанника.

— Теперь вы довольны? — спросил он.

— Вполне.

— В таком случае, милейший, — обратился он к Андре, — передайте мне раненого. Вреда ему от этого никакого не будет.

Андре исполнил просьбу незнакомца.

Изгнанник вскочил в седло и поместил капитана перед собой.

— Готово, — сказал он.

— Значит, завтра, в полдень, — напомнила маркиза.

— Непременно приду.

— Прощайте!

Всадники ускакали, и вскоре стук копыт лошадей затих в отдалении.

Изгнанник смотрел им вслед, пока они не исчезли из виду.

И тотчас же выражение лица его изменилось.

— Бедняга, — произнес он с участием, — я как раз вовремя подоспел. Еще немного, и он погиб бы. Этот человек в свое время оказал мне услугу, и я не мог бросить его умирать как собаку.

Незнакомец тронулся в путь.

— Кто эти женщины? Что им нужно? — продолжал он размышлять вслух. — Я сразу понял, что это важные особы, переодетые мужчинами. Здесь кроется какая-то тайна, и я открою ее...

В этот момент незнакомец как раз пробирался вдоль берегов Орио.

— Ах! Это золото жжет! — прошептал он. — Надо освободиться от него.

Этот странный бродяга, только что разыгравший перед маркизой алчного разбойника, вытащил из кармана кошелек и швырнул в реку.

Через минуту он свернул на тропинку между деревьями и углубился в лес.

Только он скрылся, как на прогалине, где за короткое время произошло столько событий, появились двое.

Это были граф де Виллье и барон де Гриньи.

Следуя из форта Дюкен, они все время двигались вдоль берега. Потому и не встретили ни переодетых женщин со своим слугой, ни Изгнанника, и так и не узнали о судьбе раненного капитана.

Змея

Изгнанник, мы будем так называть этого человека, пока не раскроется его тайна, увез знатного испанского гidalго дона Паламеда и Карпио. Тем самым старик спас благородного гidalго от смерти — может быть, от удара кинжалом в сердце или же от гибели в бурных водах Орио.

Проехав минут десять вдоль опушки леса, Изгнанник, вместо того чтобы отправиться домой, свернул направо по едва заметной, без конца петлявшей тропинке, то и дело прищипывая лошадь. Но раненый, видимо, не ощущал толчков и ни разу не открыл глаз. Лицо его по-прежнему было бледным и неподвижным. Только судороги, иногда пробегавшие по телу, говорили о том, что он еще жив.

Изгнанник время от времени поглядывал на дона Паламеда с жалостью, смешанной с иронией.

— Бедняга, — бормотал старик себе под нос. — Чья это шпага нанесла ему такие жестокие удары? Если удастся его спасти, он сможет похвалиться, что смотрел смерти в лицо. Я спасу его, так надо! И он будет нам служить, сам того не ведая.

Выражение решимости на лице Изгнанника заставило бы графиню и маркизу призадуматься, если бы они могли его увидеть в этот момент.

Не меньше часа ехал Изгнанник лесом, пока не достиг наконец места совершенно непроходимого, где лесная чаща так густа и перевита лианами, что даже пешком сквозь нее невозможно было пробиться.

Над этим местом, таинственным и мрачным, которое могло служить лишь прибежищем диким зверям, чьи следы попадались на каждом шагу, простирались могучие ветви исполинского дерева магней, бросая тень на довольно значительное пространство.

Изгнанник остановился в нескольких шагах от дерева, с опаской оглянулся и, убедившись, что вокруг все спокойно, дважды крикнул голубятником.

Тотчас же раздался ответный крик, и чей-то хриплый голос из самой чащи кустарника мрачно спросил:

— Это вы, хозяин?

— Да, я, — ответил Изгнанник, несколько не удивленный вопросом.

— Как вы поздно, хозяин!

— Меня задержали.

— Я смотрю, вы что-то подобрали по дороге, Жан-Поль.

— Это тяжелораненый, я не позволил его добить, — ответил Изгнанник или, как мы только что слышали, Жан-Поль. — Эй, Старый барсук, выходи живее из своего логова, мне нужна твоя помощь.

— Странная, однако, мысль пришла вам в голову. Выходит, волки теперь заботятся о ягнятах. Не иначе, мир перевернулся.

Жан-Поль рассмеялся:

— Хорош ягненок, нечего сказать. Впрочем, сам сейчас увидишь. А вообще мне надоело твое ворчание, да и времени нет ждать, пока у тебя улучшится настроение. Ну, Змея, ползи ко мне.

— Придется, раз вы требуете. Я ведь всегда выполняю ваши приказы.

— В таком случае, что же ты медлишь?

— Сейчас, сейчас, черт возьми! Не сердитесь.

— Да я не сержусь, просто дорога каждая минута.

— Не хватало еще мне выслушивать ваши упреки. Еще чего доброго испугаюсь и не поползу, а полечу.

Жан-Поль, теперь мы уже знаем, что так зовут Изгнанника, ничего не ответил, лишь пожал плечами.

В этот момент из гущи лиан, казавшейся непроходимой, с треском раздвинув ветви, появился человек.

Он был очень высокий и очень худой, лет сорока, с копной огненно-рыжих волос на маленькой голове и длинной тонкой шеей. Выражение коварства на лице с

резкими чертами подчеркивал блеск серых бегающих глаз навывкате.

Казалось, он не ходил, а ползал, скользил по земле, за что и получил прозвище Змея.

При каждом движении кости его хрустели, как кольца гремучей змеи.

Это сильно огорчало беднягу, особенно когда ему необходимо было проскользнуть незамеченным врагами.

Несмотря на худобу, мышцы его были твердыми как железо. Сочетание силы и редкой ловкости делало Змею весьма опасным противником.

Одежда, такая же, как на Изгнаннике, болталась на нем мешком. К этому следует прибавить, что он был с головы до пят вооружен.

Итак, Змея вышел из чащи и по привычке с опаской огляделся. Затем подошел к Жан-Полю и поклонился ему, скорее почтительно, чем вежливо.

— Вот и я, — сказал он. — Что вам от меня нужно?

— Наконец-то ты решился послушаться меня, — ответил Изгнанник. — Возьми этого человека и отнеси в свою хижину. Да постарайся трести его как можно меньше: он ранен, и очень серьезно.

— Вот еще! Что же мне теперь, сиделкой сделаться, что ли? Черт бы побрал этого негодяя! Станные у вас иногда бывают мысли, хозяин...

Несмотря на это, Змея повиновался, но вдруг он вскрикнул от удивления и, вместо того чтобы удалиться со своей ношей, остановился неподвижно.

— Э, — вскричал он, — кого же это, однако, нам черт принес?

— Значит, ты его узнал?

— Клянусь Богом! Надо быть слепым, чтобы не узнать его даже в таком, нельзя сказать, что особенно блестящем виде.

— Ты и теперь будешь упрекать меня за то, что я его спас?

— Кто ж его знает? Может быть, вы сделали хорошо, а может быть, и дурно! В прежние времена он был очень и очень плохим товарищем. Я довольно-таки долго прожил с ним и успел подметить все особенности его скверного характера.

— Давай-ка сначала вылечим его, а там видно будет.

— Это верно, — сказал Змея с печальной улыбкой, —

мы сумеем в любую минуту отделаться от него, если он станет нам мешать, это я беру на себя!

— Разумеется! Хотя не знаю почему, но мне кажется, что нам не придется прибегать к этому. Он еще нам пригодится, ты увидишь.

— Это уж ваше дело. Так что теперь?

— Неси его в хижину и постарайся хорошенько позаботиться о нем! — приказал Изгнанник, спрыгивая с лошади на землю. — Никогда не надо делать дело наполовину.

— Но, — возразил опять Змея, — присутствие здесь этого человека расстраивает наши планы.

Жан-Поль улыбнулся со странным выражением и, положив тихонько руку на плечо своего товарища, сказал ему:

— Делай то, что я тебе говорю, и не беспокойся об остальном. Я беру на себя ответственность за все, что может случиться. Не бойся ничего.

— Если так, то мне больше не о чем говорить, — ответил Змея, делая утвердительный жест.

Затем, приладив как следует свою ношу, Змея направился к себе в хижину той же дорогой сквозь лианы.

Изгнанник смело последовал за ним, ведя свою лошадь в поводу.

Вскоре они очутились в обширном зеленом зале, закрытом со всех сторон стенами из лиан. Лианы эти до такой степени были перепутаны и пересекались таким густым колючим кустарником, что, как только Изгнанник соединил ветви, раздвинутые Змеей, самому опытному глазу стало невозможно проникнуть сквозь эту громадную листовенную завесу, которая, казалось, выросла здесь вполне естественно и составляла часть первозданного леса.

В центре зеленой залы величественно возвышался гигантский ствол дерева, о котором мы говорили выше. Внутренность ствола была совершенно пуста. Змея воспользовался этим случайным открытием, устроив в дупле свое жилище. Он ухитрился пробить в стволе окна и сделал дверь из цельного куска коры, прикрывавшего вход. Жилище было разделено на две равные части посредством перегородки.

Правая сторона, предоставленная хозяину, заключала в себе постель, сундук, два стула, два табурета и стол. Левая сторона служила конюшней. В ней свободно могли

помещаться две лошади, а иногда здесь их стояло и по четыре сразу. Несколько кур жили, как умели, бок о бок с лошадьми.

Хозяин этого таинственного жилища стряпал на воздухе, под навесом.

Раненого тотчас же разместили на постели, устроенной из нескольких охапок травы, покрытых овечьими и медвежьими шкурами.

Дон Паламед уже пришел в сознание, но, вконец обессиленный, спал сейчас глубоким сном.

Изгнанник и Змея сели за стол, поставили на него сосуд с сидром и закурили.

— Значит, вы задержались из-за этого негодяя? — спросил Змея, потянувшись к хозяину со стаканом, чтобы чокнуться.

— Не только, — ответил Изгнанник. — В колонии творится что-то неладное.

— Вы уже говорили, но я никак понять не могу, что нам за дело до этого.

— Позже поймешь, — насмешливо произнес Изгнанник, — если, конечно, намерен мне и дальше служить.

— Неужели вы сомневаетесь в этом, хозяин? Клянусь всеми святыми, — он с благоговением поднес руку к шляпе, — я ваш телом и душой. И мне больно слышать от вас такие слова. А что я иногда ворчу, так это вы знаете.

— Успокойся, я не хотел тебя обидеть, — произнес Изгнанник, — я знаю тебя и ценю.

— Общество изгнало меня как паршивую овцу и правильно сделало. У меня много пороков, я преступник и не могу бросить на чашу весов ни одного доброго дела. Лишь одной добродетелью я отличаюсь — безграничной преданностью. Верьте же мне, умоляю! Иначе я Бог знает что натворю!

— Ну, ну! Не старайся казаться хуже, чем ты есть на самом деле. Я-то тебя хорошо знаю.

— Я не стараюсь казаться хуже, я говорю чистую правду, — возразил Изгнаннику Змея. — Я — вонючее животное, ядовитая тварь. Я ненавижу людей, и они справедливо отплачивают мне сторицей. Но вас я люблю, и не за то, что вы не раз спасали мне жизнь. Это для меня ничего не значит.

— Так за что же? — спросил Изгнанник не без любопытства.

— За то, что вы единственный не отвернулись от меня с презрением. За то, что среди моих пороков нашли и хорошие стороны и протянули мне руку помощи. За то, что доказали, что я еще на что-то годен, даже могу делать добро.

— Но теперь ты видишь, что я был прав, и ты вовсе не так плох, как говоришь. Однако хватит об этом, потолкуем лучше о наших делах. Я спешу.

— Как вам будет угодно.

— Я случайно наткнулся на этого человека. Появился как раз в ту минуту, когда его хотели прикончить ударом кинжала или же утопить в бурных водах Орио. При чем те самые люди, которые, видимо, и явились причиной его несчастья. Я это понял, случайно подслушав их разговор, и призадумался... Потом вышел к ним и спас несчастного. С этими людьми мне предстоит завтра встретиться. Я кое-что заподозрил. Возможно, это дело нам на руку. Но на всякий случай следует принять меры предосторожности. Ты понял?

— Разумеется.

— Поэтому я и притащил этого негодяя сюда, вместо того чтобы отвезти к себе. Как только он будет в состоянии говорить, выспроси у него все хорошенько, сделай так, чтобы он рассказал о случившемся с ним.

— Если понадобится, расскажу, как хотели с ним обойтись.

— Ни в коем случае. Пусть считает этих людей своими друзьями.

— Как хотите.

— Ты же забудь или сделай вид, что забыл свою ненависть к нему. Внуши ему, что ты его спас.

— Вот уж этого я не стану делать. Да он и не поверит, зная мою ненависть к нему.

— Возможно. Тогда поступай как знаешь. Главное, чтобы твои действия не нарушили наших планов.

— Не беспокойтесь, я не ребенок.

Изгнанник поднялся.

— Уезжаете?

— Да. Поздно уже. А ехать мне далеко. Дочка, пожалуй, будет беспокоиться.

— Когда снова увидимся?

— Как только освобожусь. Может быть, завтра. Но, скорее всего, послезавтра.

- Я буду ждать. Какие еще есть приказы?
- Больше никаких. Будь осторожен. И все.
- А если придет кто-нибудь из ваших знакомых?
- Раньше чем через два дня никто не может прийти.

Я предупредил...

Змея тоже поднялся и вывел лошадь.

— Смотри же, хорошенько ухаживай за раненым, он может нам пригодиться.

— Положитесь на меня, — ответил Змея и с лукавым видом добавил: — У меня есть некоторые познания в медицине.

— Потому я и привез его сюда. Ну, прощай! Завтра или послезавтра увидимся.

— А в какое примерно время вас ждать?

— Трудно сказать, скорее всего, после обеда.

— Итак, желаю вам успеха!

— Благодарю.

Змея раздвинул ветви. Изгнанник вышел, и ветки снова сомкнулись.

Жан-Поль добрался до своей хижины вскоре после захода солнца.

Как он и предполагал, дочь уже беспокоилась.

Она бросилась к нему с радостью и спросила:

— Ну что, отец?

— Успокойся, дитя мое. Все в порядке, — ответил он, целуя девушку.

— Благодарю, отец! — вскричала она с плохо скрываемым волнением.

— Увы! — прошептал Изгнанник. — Может быть, наступит день, когда она покинет меня?

Опустив голову, Жан-Поль, погруженный в невеселые думы, следом за дочерью вошел в хижину.

Атепетль гуронов-волков

Чуткое Ухо, или по-индейски Куга-Ганде, был главным вождем деревни, к которой направлялись оба отряда.

Сахем встал во главе колонны и предложил Берже, графу де Виллье и барону де Гриньи занять места рядом с ним, чем оказал им большую честь и возвысил в глазах краснокожих.

Молодые люди, совсем недавно попавшие во французские колонии, еще не успели познакомиться с жизнью индейцев в деревнях. Индейцы, которых им довелось увидеть в форте Дюкене, под влиянием цивилизации уже успели утратить свою самобытность и не представляли никакого интереса для европейских путешественников.

Их манеры и одежда, как правило, выменянная у солдат и колонистов, не трогали воображения молодых людей.

Теперь же им впервые представился случай заняться изучением нравов и обычаев тех самых индейцев, которых европейцы и людьми не считали.

Французские офицеры с живейшим интересом следили за всем происходящим у них на глазах и забросали канадца вопросами.

Канадец отвечал охотно, стараясь объяснить все, казавшееся молодым людям странным или забавным, а подчас и опасным для их жизни.

Что же до Золотой Ветви и Смелычака, то они очень скоро нашли друзей среди канадцев благодаря своей веселой беспечности, присущей французским солдатам.

Выйдя из леса, путешественники снова очутились на берегу реки.

Перед ними расстиралась покрытая густой травой обширная равнина, которая постепенно шла на подъем до самой горной цепи.

Впереди, милях в двух, виднелась деревня индейцев, раскинувшаяся по обоим берегам реки.

Деревня эта, довольно большая, состояла по крайней мере из двухсот домов, точнее, хижин.

Деревню защищала ограда из кольев высотой футов в двенадцать, вбитых в землю и связанных между собой веревками из древесной коры. Перед оградой тянулся ров шириной в двадцать футов и в восемь футов глубиной. Одни ворота выходили на север, другие — на юг. Стволы деревьев, перекинутые через ров, которые легко можно было убрать, служили подъемными мостами для связи с внешним миром.

Несмотря на кочевой образ жизни туземцев, поля, окружающие деревню, были хорошо обработаны благодаря канадцам-метисам, составляющим большую часть населения деревни.

Немного правее деревни, примерно в двух милях от нее, были два кладбища: для лесных бродяг и для индейцев.

На первом, окруженном живой изгородью, виднелись скромные могилы с черными крестами.

На втором стояли подмости, куда туземцы обычно кладут покойников, чтобы под действием воздуха, солнца и дождей они превратились в мумии.

От индейского кладбища на далекое расстояние распространялось зловоние — разлагались трупы.

Этот атепетль, по всей видимости, был построен по планам канадских метисов. Во время путешествия по Северной Америке мы встречали немало таких.

Улицы были широкими и прямыми и вели к большой площади в центре деревни.

Посреди площади стояла хижина врачевания, куда собирались на совет вожди племени, и рядом с ней еще несколько.

Хижины были прямоугольные, сложенные в срубы по европейскому образцу и крытые корой каштана. Стены обмазаны глиной, смешанной с сеном.

Каждая хижина разделена на три комнаты, сообщав-

шиеся между собой дверьми из дубленой кожи, натянутой на деревянную раму.

К каждой хижине примыкает маленькое строение, так называемый теплый или зимний кали.

Эти постройки обычно находятся против входной двери самой хижины.

Хижина врачевания, точнее, хижина совета, причудливой формы и вполне заслуживает особого внимания.

Она стоит на искусственном холме высотой в двадцать пять футов и имеет в высоту тридцать футов, что придает ей величественный вид. Следует заметить, что холм гораздо древнее хижины. Судя по всему, он был насыпан очень давно и совсем с другой целью. Сами индейцы не больше нашего знают, кем и для чего были насыпаны эти холмы.

На сей счет существует предание. Его рассказывают все индейские племена Северной Америки. Ссылаясь на него, индейцы говорят, что их предки нашли эти холмы и другие памятники в таком же состоянии, что и сейчас, когда, прибыв с Запада, завладели всей страной, прогнав или покорив племена краснокожих туземцев.

Искусственные горы или холмы очень напоминают Geocalis, рассеянные по Мексике и сооруженные чичимеками во время их переселений.

По такому же образцу, кстати, построены пирамиды Cholula, это наводит на мысль о том, что холмы сооружались для каких-то религиозных отправлений.

Они служили храмами; согласно обычаю древних народов, жертвенники воздвигались на возвышенностях, чтобы они были ближе к Богу.

А теперь расскажем, как строят краснокожие свою хижину врачевания. Предки Чуткого Уха, например, соорудили ее на вершине искусственного холма.

Первым делом они вбили в землю на одинаковом расстоянии один от другого столбы или сваи около шести футов вышиной. На вершине свай проделали небольшие пазы, куда поместили перекладины, связывающие между собой сваи.

За первым рядом свай поместили второй, в котором сваи были больше и выше, около двадцати футов высотой, тоже с пазами и перекладинами. За вторым — третий. В центре поставили огромный столб. Все это сооружение, кроме верхушки столба, заделали решетками,

после чего покрыли крышей из березовой коры, положенной в несколько рядов, чтобы не проникал дождь.

На такие крыши довольно часто насыпался еще слой земли на случай пожара. Почему-то здесь, в селении гуронов, подобную предосторожность считали излишней.

В хижине врачевания одна-единственная дверь. Очень высокая и очень широкая. Одновременно она служит окном и дымовым отверстием, когда в хижине разводят огонь совета.

Наружные стены, как и в остальных хижинах, сделаны из грубо обработанных древесных стволов.

В хижине стоят амфитеатром два или три ряда лавок, во время торжественных собраний на них размещаются, иногда даже ложатся вожди и именитые воины. Лавки покрыты циновками или коврами, с большим тщанием сплетенными из тонких лубков ясеня или дуба.

Справа от центрального столба в землю вбит тотем, эмблема племени, а слева, на двух вилообразных кольях, лежит священная трубка мира, класть ее на землю запрещается.

У основания столба во время собраний разводят огонь, освещающий хижину. Тут же находятся музыканты.

Вокруг столба исполняют священные танцы, тоже во время собраний, которые, заметим, происходят ежедневно на протяжении всего года. Индейцы ни за что не начнут собрания, прежде чем не будут выполнены все церемонии, в том числе и ритуальные танцы, которые должны умиловить Великого Духа.

Краснокожие приняли французов просто, зато радушно. На улицы высыпали все от мала до велика и приветствовали отряд восторженными возгласами.

Радость этих людей была неподдельна. Они по-дружески относились к французам, потому что видели от них много добра.

И французов не могло не трогать их наивное изъяснение благодарности.

Граф де Виллье и его спутники чувствовали себя одинокими вдали от родины и даже от поселений белых. Впервые со времени своего пребывания в Америке они очутились среди людей, чьих нравов и языка не знали, если не считать нескольких сопровождавших их бледнолицых. Правда, за исключением Берже, эти люди по своему образу жизни были им чужды и внушали опасения.

Однако гостеприимство индейцев вернуло им прежнюю веселость, и они забыли о своих страхах.

Тем временем отряд достиг деревенской площади и остановился. По знаку вождя жители разошлись по своим хижинам, чтобы не стеснять своим присутствием гостей.

Вождь взял графа де Виллье за руку и вместе с его спутниками отвел в просторную красивую хижину.

— Пусть брат чувствует себя как дома, — произнес он с легким поклоном и вышел.

Несколько дней французы отдыхали после длительного путешествия.

Индейцы старались выказать им всяческое уважение.

Берже куда-то исчез, словно сквозь землю провалился, никому ни слова не сказав.

Капитан не на шутку встревожился, тем более что теперь ему не с кем было посоветоваться, и он бездействовал, находясь, к великому своему неудовольствию, среди индейцев, не зная к тому же их языка.

Вступать в переговоры с канадскими охотниками, жившими в деревне, капитан не рисковал.

Однажды утром, между десятью и одиннадцатью часами, недели две спустя после прибытия в деревню, как раз в ту минуту, когда капитан и барон де Гриньи заканчивали свой завтрак, дверь в хижину неожиданно отворилась и кто-то весело крикнул:

— Здравствуйте, как поживаете?

— Берже! Наконец-то ты нашелся! — отозвался капитан.

— Да, это я, собственной персоной, к вашим услугам, господин Луи! Разве вы меня не ждали?

— Напротив, жду с нетерпением, и очень давно.

— Так я и думал.

Охотник затворил за собой дверь и сел на скамейку.

— Хочешь есть? — спросил граф.

— Нет, благодарю. Недавно позавтракал. А вас, если не ошибаюсь, беспокоило мое исчезновение, не так ли, господин Луи? Признайтесь.

— Признаюсь, старина Берже, тем более что мы и так потеряли много времени.

— Это верно. К несчастью, я не мог раньше закончить дело, которое...

— Закончить? — в один голос вскричали молодые люди.

— Да, закончить, — простодушно ответил канадец. —

Скоро вы убедитесь в том, что я не зря так долго пропадал.

— Но почему вы не предупредили нас о своем уходе? — спросил барон. — Неужели сочли это неудобным?

Охотник покачал головой и улыбнулся одному ему свойственной тонкой улыбкой.

— Господин барон, — ответил он, — не забывайте, что в пустыне у деревьев есть уши, а у листьев — глаза.

— Зачем вы мне об этом говорите?

— Затем, что здесь есть люди, которые следят за каждым нашим движением, подслушивают каждое наше слово, чтобы донести нашим врагам.

— Вы полагаете?

— Я в этом уверен. А известно вам, что в любом деле самый надежный товарищ тот, кто ничего не знает. Он не только не может проговориться, но даже подумать о чем не следует. Вот почему я и не сказал вам о своем уходе. Удовлетворило вас мое объяснение?

— Ну а сейчас?

— Сейчас дело другое. Я все расскажу, и вы поймете, терял ли я даром время.

— В таком случае, говорите скорее! — вскричал барон.

— Здесь? Нет, извините. Нас могут подслушать. Возьмите-ка ружья и давайте пройдемся, а дорогой поговорим.

Улицы были пустынные. Женщины занимались домашними делами, воины два дня назад отправились в экспедицию во главе с вождем, дома остались только старики, они лежали возле хижин, греясь на солнце и следя за играющими рядом детьми. Никто не заметил у входа трех бледнолицых, тем более что шли они очень спокойно и вскоре скрылись в лесу.

Через несколько минут граф де Виллье остановился и спросил охотника:

— Ну что, будешь ты говорить наконец?

— Погодите! — отозвался охотник тоном, не терпящим возражений. — Надо отойти подальше.

Они достигли берега реки, где на песке лежала пирога.

Берже спустил лодку на воду и сделал знак своим спутникам занять в ней места. Те молча повиновались.

Охотник взялся за весла и направил лодку к островку, сплошь поросшему лесом, напоминавшему корзину цветов, всплывшую из морских глубин.

Через несколько минут путники уже были у островка.

Прогалина

Французы высадились на берег и углубились в лес.

Вскоре они достигли прогалины, и охотник остановился.

— Здесь нам уже нечего бояться любопытных ушей, — сказал он.

— В таком случае, милейший Берже, смею надеяться, что ты нам все объяснишь.

— Мне нечего вам сказать, я только посланный. Подождите того, от кого вы все узнаете. Он скоро будет здесь.

Охотник огляделся и крикнул канюком.

Он сделал это так искусно, что офицеры невольно подняли голову, словно искали птицу.

Почти тотчас же раздался ответный крик, и из кустов вышел человек.

У графа вырвался крик удивления.

Он увидел таинственного отшельника, отца Анхелы.

Он был в той же одежде, только лицо, всегда энергичное, приняло оттенок глубокой грусти.

Следом за Изгнанником появился еще один человек и стал рядом со стариком.

Это был Змея.

Изгнанник холодно поклонился капитану, сделав вид, что не узнал его, и спросил:

— Вы граф Луи Кулон де Виллье?

— По-моему, сударь, я уже имел честь...

— Извините, сударь, я прошу вас ответить на мой вопрос. Я не вправе продолжать этот разговор, если...

— Хорошо, сударь, — надменно ответил граф. — Я

граф Луи Кулон де Виллье, капитан королевского морского полка, а это — барон де Гриньи.

— Вот и прекрасно, сударь. Благодарю вас, — ответил Изгнанник. — У меня как раз дело к вам и вашему другу. Согласны вы меня выслушать?

— Говорите, сударь, — произнес граф, оскорбленный странным поведением Изгнанника. — Какое у вас к нам дело?

— Сейчас я вам все объясню, — сказал Изгнанник с поклоном.

Наступило молчание.

Оба офицера вопросительно посмотрели на Изгнанника.

Поведение его казалось странным одному только графу де Виллье.

Между тем Берже, куда-то ненадолго исчезнувший, появился снова.

— Ну что? — спросил Изгнанник.

— Мы одни на острове. Но на всякий случай я буду наблюдать за окрестностями. Вдруг кому-нибудь придет в голову застигнуть нас врасплох? Когда кончите разговор, позовите меня.

— Хорошо.

Берже взял ружье и исчез в высокой траве.

Тут Изгнанник шагнул вперед, снял шляпу и, почтительно поклонившись графу, сказал с добродушной улыбкой:

— Извините, господин граф, за несколько странное поведение, но этого требовала осторожность. Нас могли услышать, а ведь никто не должен знать, что мы давно знакомы. Это очень важно.

— Вот теперь я вас узнаю, — весело ответил молодой человек. — Ваш холодный, официальный тон, признаться, оскорбил и удивил меня. Но теперь я вас понял. Вы опасаетесь, что даже здесь нас могут услышать враги?

— Да, граф. Я уверен, что за мной следят с самого моего отъезда из Дюкена. Правда, не знаю кто именно. Я пустил в ход всю свою изобретательность, но не смог отделаться от невидимого лазутчика. И хотя Берже уверял меня, что на острове никого нет, я опасюсь всяких неожиданностей.

— Вряд ли нас могут застать врасплох, — с улыбкой перебил его барон.

— Вы не знаете, до чего хитры индейцы, граф. Поэтому я хочу вам кое-что предложить, если, конечно, вы не против. И тогда нам нечего будет опасаться.

— Что же такое вы придумали? — спросили оба офицера. — Очень любопытно!

— Вы знаете какой-нибудь иностранный язык?

— Я знаю всего несколько английских слов.

— Я тоже, — подхватил барон.

— Говорить здесь по-английски, все равно что по-французски.

— Это верно. Тогда не знаю.

— Погодите. Вы, разумеется, изучали словесность?

— Конечно, — ответил граф, смеясь, — у отцов иезуитов. Но какое это имеет значение?

— Вы, вероятно, знаете латынь?

— Вполне прилично. Могу даже вести разговор.

— А ваш друг?

— Я, — сказал барон, — понимаю латынь с грехом пополам, говорить на этом языке вообще не могу, хотя в детстве меня старались напичкать классической премудростью.

— Хорошо, если вы хоть что-то поймете, остальное вам объяснит граф.

— Неужели вы собираетесь говорить со мной по-латыни? — спросил граф.

— А почему бы и нет? — спросил Изгнанник не без иронии. — Вы, граф, человек новый в этой стране, и вам еще многому предстоит учиться. В частности, не судить о людях по первому впечатлению.

— Вы правы, сударь, извините меня, я не хотел вас обидеть. Но согласитесь, мое удивление в какой-то мере простительно.

Изгнанник с улыбкой пожал ему руку и перешел на латынь.

— Мы и так много времени потратили на праздную болтовню, пора приступить к делу, — сказал он.

Произношение у Изгнанника было безупречное, и оба офицера пришли в восторг.

Но даже сейчас Изгнанник оставался для них загадкой, они не могли бы сказать, к какому классу общества он принадлежит.

— Я слушаю вас, — сказал граф.

— Комендант форта Дюкен, — продолжал Изгнанник, —

просил меня сообщить, что отряд английских охотников, который вам приказано уничтожить, расположился лагерем в нескольких милях от того места, где мы сейчас находимся. Не позднее чем через трое суток он пройдет на расстоянии выстрела от вас. Комендант надеется, что вы примете надлежащие меры для успешного выполнения его приказа.

— Я тоже на это надеюсь, сударь. Берже мне сказал, что люди для экспедиции уже собраны и ждут сигнала к выступлению.

— Отлично! По окончании экспедиции вы сразу же отправитесь в Орио.

— Я должен вернуться в форт?

— Вовсе нет. Вы отправите только пленников и трофеи, а сами будете ждать дальнейших распоряжений коменданта.

— А кто мне их передаст?

— Это мне неизвестно. Может быть, ваш покорный слуга. Поскольку я имею честь быть с вами знакомым, граф, я не счел нужным предъявлять вам свои полномочия. Потрудитесь, пожалуйста, взглянуть на них.

Молодой человек распечатал письмо и пробежал его глазами.

Вот что там было написано:

«Податель сего письма пользуется моим полным доверием. Надеюсь, вы тоже окажете ему доверие и с должным вниманием отнесетесь к тому, что он вам передаст от моего имени.

Де Контркер».

— Прекрасно, сударь, — любезно ответил граф, возвращая письмо. — Но, чтобы верить вам, я не нуждался в этом новом доказательстве.

— Благодарю вас, граф, — ответил Изгнанник, пряча письмо.

— Вы больше ничего не хотите сказать?

— Ничего, что касается дел колонии, граф.

— В таком случае потрудитесь передать господину де Контркеру, что я всеми силами постараюсь оправдать оказанное мне доверие в качестве командира экспедиционного отряда.

— Я в точности передам ваш ответ, граф... А сейчас

прошу меня извинить, я хочу сообщить вам нечто очень важное. Это касается лично вас и господина де Гриньи.

— Я вас не понимаю, сударь...

— Постараюсь объяснить.

Барон де Гриньи, до сих пор рассеянно слушавший разговор, пододвинулся к ним, сгорая от любопытства.

— О чем же вы собираетесь нам сообщить? — спросил он.

— Дело в том, что за короткое время вы успели нажить себе много врагов в колонии.

— Я? — вскричал с удивлением граф.

— Просто немыслимо, — заметил барон.

— Не было ли у вас с кем-нибудь стычки на берегу Орио накануне вашего отъезда? — невозмутимо продолжал Изгнанник.

— Как же, была, отлично помню. Какой-то долговязый негодяй затеял со мной ссору без всякой видимой причины. Кажется, я проткнул его шпагой, может быть, даже убил.

— К несчастью, он жив.

— Что вы говорите?

— Да, вы не убили его, только ранили. Он жив и здоров, клянусь вам.

— Тем лучше. А то я уже раскаивался в своей жестокости...

— Простите, граф, не лучше, а хуже, — прервал его Изгнанник.

— Почему же?

— Потому что этот тип в прошлом пират и работороговец, отъявленный негодяй, наемный убийца. Ему приказано уничтожить вас. Он ждет только удобного случая.

— Я и сам думал об этом, — нахмурившись, сказал граф.

— Советую вам быть настороже. Ваши враги пока отказались от мысли об убийстве, но все равно жаждут мести, чего бы это им ни стоило.

— А вы знаете, кто они? — холодно спросил граф.

— Знаю. Но не тревожьтесь, граф. Эту тайну я храню в своем сердце и без вашей на то воли никогда не раскрою ее.

— Благодарю вас. Каковы бы ни были намерения моих врагов, я не хочу им вредить.

— Напрасно. Змей надо истреблять, чтобы не стать их жертвой.

— Бог милостив. Я не изменю своего решения, удовольствуюсь тем, что буду в случае нападения защищаться. Бывают враги, которых порядочный человек может только презирать. Ненавидеть их значит унижить себя.

— Я уважаю ваше мнение. Но поверьте, в создавшейся ситуации подобный образ действий просто безумие.

— Возможно.

— Ваш друг думает, как и вы?

— Разумеется, сударь, — быстро ответил барон. — Было бы бесчестным с моей стороны поступить иначе.

— Я не вправе настаивать, — произнес Изгнанник. — Но позволю себе заметить, что у вас есть не только враги, но и друзья, придет время — и вы в этом убедитесь.

— Мы с бароном благодарим этих неизвестных друзей, но сочтем оскорблением их намерение защитить нас против нашей воли. Пусть со стороны следят за событиями.

— Граф, я передал вам то, что меня просили, и точно так же передам ваш ответ. Только вряд ли ваша просьба будет исполнена.

Тщетно старались молодые люди прочесть на бесстрастном лице Изгнанника его мысли.

— Будущее покажет, — с напускным равнодушием заявил граф, — что нам грозит. Скоро мы с вами увидимся?

— Не знаю, в зависимости от обстоятельств.

Они уже стали прощаться, как вдруг услышали поблизости шум, казалось, по траве бежит какой-то огромный зверь.

— Что это? — вскричал граф.

— Стойте, — произнес Изгнанник, напряженно прислушиваясь, и, жестом приказав офицерам оставаться на месте, вскоре исчез в темноте вместе со Змеей.

Молодые люди, опасаясь засады, зарядили на всякий случай ружья.

Между тем наступила полная тишина. Офицеры, не дождавшись Изгнанника, уже собрались было на поиски Берже, как вдруг из кустов донесся пронзительный крик водяного голубятника и тотчас же повторился.

Следом раздался воинственный клич, и несколько краснокожих, словно дикие звери, выскочили из высокой травы и, размахивая ножами и томагавками, бросились на французов, окружив их.

Офицеры не растерялись и приготовились встретить врагов.

Краснокожие были достойными противниками, хотя не имели огнестрельного оружия. С каждой минутой их становилось все больше, и это придавало им храбрости. Следом за первыми индейцами на прогалине появилось еще десятка два, а то и больше.

Несмотря на храбрость, французов ждала неминуемая гибель.

Но граф весело сказал барону:

— Черт возьми! Надеюсь, мы перережем немало этих красавчиков!

— Вполне возможно, — в тон графу ответил барон. — Красавцами их никак не назовешь, да и дружелюбием они не отличаются.

— Но, может быть, они не так злы, как кажется. Главное — удержаться до возвращения наших друзей.

— И ни в коем случае не отступать, — насмешливо продолжал барон. — Соединим оба корпуса нашей армии.

Молодые люди стали плечом к плечу и, держа ружья наготове, ждали атаки, в то время как индейцы махали руками и потрясали оружием.

— Видно, придумывают какую-нибудь дьявольскую шутку, — вполголоса произнес барон.

— Посмотрим, — ответил граф. — Пусть подольше придумывают. Нам это на руку. За это время могут появиться наши друзья.

— Где же это они пропадают?

— Не знаю, но уверен, скоро придут нам на помощь. Они где-то поблизости.

— Но их всего трое.

— Вполне достаточно. Даже чересчур много.

В это время индейский вождь, которого можно было узнать по плюмажу из орлиных перьев, махнул рукой, и шум тотчас смолк словно по волшебству.

Краснокожие отступили, расширив таким образом круг, в котором стояли французы.

Вождь бросил на землю копье и, скрестив на груди руки, сказал:

— Пусть бледнолицые откроют свои уши. С ними будет говорить вождь.

Граф молча кивнул.

— Слушают ли меня белые воины? — снова спросил вождь.

— Мы слушаем.

— Вот что говорит Голубая Лисица, — произнес краснокожий. — Великий Дух дал своим детям, индейцам, эту землю во владение. Почему же бледнолицые хотят ее украсть? Мои воины отважны. Они не желают, чтобы мокасины бледнолицых топтали их землю. Они убьют бледнолицых и сделают из их костей свистки.

Голубая Лисица умолк, чтобы посмотреть, какое впечатление произвели его слова на французов. Но те лишь презрительно пожали плечами.

Минуту спустя вождь снова заговорил:

— Бледнолицых здесь всего двое, и сопротивление их бесполезно. Пусть бросят оружие и сдадутся. Голубая Лисица ждет ответа.

— А что сделают с нами краснокожие, если мы сдадимся?

— Бледнолицые должны умереть, — напыщенно произнес вождь. — На закате солнца они будут привязаны к столбу пыток.

— Клянусь Богом, — смеясь, произнес граф. — Уж если нам не миновать смерти, мы предпочтем пасть храбро, с оружием в руках.

— Мой бледнолицый брат отказывается сдаться? — холодно спросил вождь.

— Черт возьми! Да ты рехнулся, краснокожий, если мог предложить нам такое! — весело произнес барон.

— Что же, хорошо! — сказал Голубая Лисица все так же невозмутимо.

Он поднял с земли копье и повернулся к индейцам, видимо для того, чтобы дать сигнал к атаке, но в этот момент раздались два выстрела.

Вождь дернулся и упал ничком на землю. Второй индеец тоже упал и бился в предсмертных конвульсиях.

В эту минуту на прогалину выскочили двое, бросились на индейцев, колотя и опрокидывая каждого, кто попался под руку. Они пробились к французам и стали с ними рядом.

Это были Золотая Ветвь и Смелычак.

Храбрецы вымокли до костей, они переплыли реку, чтобы скорее добраться.

— Добро пожаловать, мои храбрые друзья! — вскричал

граф. — Теперь нас четверо, и нам нечего бояться. Пусть узнают краснокожие, как нападать на французов.

— Через десять минут нас будет целая сотня, капитан, — сказал Золотая Ветвь.

— Мы прибыли первыми, вплавь, — добавил Смельчак.

— Молодцы! — похвалил барон храбрых солдат. — Вы избавили нас от несносного болтуна.

— Молчите! — остановил его граф. — Потом поговорим, а сейчас смотрите в оба, индейцы готовятся в атаке. Главное — держаться всем вместе.

Краснокожие, застигнутые врасплох неожиданным нападением и пораженные гибелью своего вождя, отступили было в беспорядке, но увидев, что враг малочислен, устыдились, к тому же их обуяла жажда мести.

В следующий момент они снова окружили французов и бросились на них с воинственным кличем.

Молодые люди разрядили ружья прямо в лицо краснокожим и снова заставили их отступить, после чего стали орудовать ружьями как дубинками, вертя их с поразительной быстротой и ловкостью.

Французы защищались с необычайной энергией, не отступая ни на шаг, противопоставляя слепой ярости врагов хладнокровие и решимость сражаться до последней капли крови.

Индейцы, взбешенные своими потерями, подбадривали друг друга дикими воплями, истступленно сражаясь против четырех храбрецов, что казалось просто невероятным.

Бой длился уже несколько минут, не менее дюжины индейцев валялись мертвыми или ранеными на залитой кровью земле. Трудно было сказать, кто победит. Французы устали, но сражались с удвоенной энергией. Вдруг непредвиденное обстоятельство изменило ход битвы и заставило краснокожих сдаться.

На поляну выскочил отряд индейцев во главе с Берже и Чутким Ухом и устремился на вражеских воинов.

Они явились как раз вовремя — силы французов были на исходе.

Схватка была жестокой. Напрасно пытались воины Голубой Лисицы искать спасение в бегстве, их преследовали и жестоко убивали. Напрасно французы пытались этому помешать. Все вражеские воины были убиты и оскальпированы.

— О! Это ужасно! — вскричал граф, обращаясь к Берже. — Убивать несчастных, которые уже не в силах защищаться!

— Это вам только кажется, — возразил Берже. — А что бы вы стали делать?

— Разве нельзя было взять их в плен?

— Зачем? Мы поступили милосердно. Вы не знаете нравов этой страны. Лучше смерть, чем плен.

— Как вы можете так говорить, Берже?

— Клянусь Богом! По крайней мере, они не страдали. В один миг расстались с жизнью. А попали они в плен, завтра их привязали бы к столбу и несколько дней пытали бы, а после живьем сожгли.

Граф содрогнулся от ужаса.

— Впрочем, — продолжал неумолимый охотник, — если хотите проявить свое милосердие, это нетрудно сделать. Здесь поблизости есть пленники, которых я приберег специально для вас.

— Какие еще пленники?

— Их передал мне человек, с которым вы здесь так долго беседовали.

— А где этот человек сейчас?

— Ушел. Его никто не должен видеть.

— А пленники?

— Вы хотели бы их видеть?

— Конечно, хоть сейчас.

— Подождите! — Берже сделал знак и подозвал начальника гуронов.

Чуткое Ухо быстро подошел.

Они пошептались, и начальник исчез в лесу.

Форт «Необходимость»

Упрямство — главная черта английского характера.

Англичанин, чего бы это ему ни стоило, всегда добьется своего, поступившись гордостью, достоинством, а иногда и честью.

Главное для него — достижение цели, остальное не важно.

Цель оправдывает средства. Эту точку зрения английского правительства поддерживает каждый англичанин.

Разница лишь в том, что, когда речь идет об англичанине, это свойство называется упрямством, а когда о правительстве — последовательностью в политике.

Этой последовательности дипломаты обязаны всеми своими успехами... и злоключениями тоже.

Английское правительство никогда не изменит своей традиции — идти к цели не взирая ни на что.

С того дня, как граф де Жюмонвилль трагически погиб из-за гнусного предательства, англичане, окрыленные успехом, не теряли времени даром.

Они воспользовались преимуществами, данными им убийством парламентаря и медлительностью французов.

Понимая, как важно укрепиться на берегах Красивой реки и доказать таким образом право собственника на эти земли, оспариваемое у них французами, англичане решили построить здесь форт и тем самым свести на нет значение форта Дюкен, а также помешать колонизации бескрайних лугов, окаймляющих Орио.

Майор Вашингтон, действовавший согласно указам Денвиди, губернатора Виргинии, построил в нескольких ми-

лях от форта Дюкен, на левом берегу Красивой реки, крепость, оснащенную девятью пушками крупного калибра, где разместился гарнизон в пятьсот человек.

Крепость эта была названа *Necessite* — Необходимость. Комендантом назначили, разумеется, майора Вашингтона и прикомандировали к нему двух помощников: капитана Джемса Меке и прапорщика Уарда, опытных офицеров, давно поселившихся в Америке и потому привыкших к пограничным войнам.

Французам явно не нравилось такое опасное соседство их непримиримых врагов, но при малочисленности своих войск они не могли воспрепятствовать возведению форта и ограничились только тем, что в надежде на лучшее будущее внимательно следили за каждым шагом англичан.

Кроме того, англичан постоянно тревожили отряды отборных канадских охотников и индейцев.

Эти отважные люди добровольно взяли на себя обязанность не давать ни минуты покоя вражескому гарнизону.

Они то угоняли скот, то захватывали обозы с провизией и боевыми припасами, которые Денвиди отправлял в новый форт из Виргинии.

К несчастью, таких отрядов было мало и они не могли нанести серьезный урон англичанам.

Несмотря на свою осторожность и необычайную ловкость, французские партизаны часто попадались на удочку хитрого противника, и англичанам удавалось благополучно доставить груз в крепость.

Таким образом, все старания французов вынудить врагов покинуть свои позиции оказались тщетными.

Однажды, перед самым заходом солнца, три путешественника с трудом пробирались по узкой тропинке, которая вилась между скал на вершину холма, где стояла крепость.

Двое путешественников ехали на великолепных мус-тангах, третий шел пешком впереди, держа под мышкой ружье.

Судя по виду всадники были знатными особами.

Тот, что шел пешком, в охотничьей куртке и мокаси-нах, служил им проводником. Дойдя до гласиса цитадели, проводник остановился.

Он поставил на землю ружье и, обернувшись к своим спутникам, двигавшимся очень медленно, стал дожидаться, пока они подъедут.

Затем все трое пошептались, проводнику было велено оставить ружье и идти к форту, в то время как всадники тревожно смотрели ему вслед.

Часовые на крепостном валу сообщили о прибытии путешественников караульному начальнику.

Поэтому, когда проводник приблизился к воротам на расстояние пистолетного выстрела, к нему вышел унтер-офицер с четырьмя солдатами.

— Стой! — крикнул унтер-офицер. — Кто ты такой и что тебе нужно?

— Кто я такой? — проводник разразился хохотом. — А вы не узнаете меня, сержант Гаррисон? Не видите, что перед вами друг?

— Друг ты или недруг, мне все равно, а имя свое назови, чтобы беды не случилось.

— Ладно, не надо сердиться, я, кажется, вас не обидел. Но спорить не стану. Меня зовут Змеей. И этим милым именем вы сами меня наградили. С тех пор я с ним не расстаюсь. Надеюсь, вы довольны?

При этих словах солдаты расхохотались.

— Очень хорошо, — произнес сержант уже мягче. — А теперь объясни, зачем ты явился, если никто тебя не звал, господин Змея? Что тебе нужно?

— Ничего мне не нужно.

— В таком случае, приятель, сделай одолжение, живо убирайся отсюда!

— Хорошо вы меня встретили, сержант, а еще старый знакомый...

— Слишком хорошо мы тебя знаем, чтобы встречать иначе. Вот что...

— Весьма сожалею, сержант, но если бы это зависело от меня, я немедленно удалился бы после столь нелюбезного приема.

— Советую сделать это как можно скорее, не то тебе кости переломают.

— Но я не могу последовать вашему совету, повторяю, это не от меня зависит, — насмешливо произнес Змея.

— От кого же, милостивый государь, позвольте вас спросить?

— Черт возьми, сержант! От тех двух кабальеро, которые дожидаются там, на тропинке.

— Вы уйдете отсюда все вместе. Ваши друзья наверняка не лучше вас.

— Берегитесь, сержант, — сказал Змея, — я не хочу вас оскорблять, но вы совершаете большую глупость.

— Ты насмехаешься надо мной, негодяй? — вскричал, нахмурившись, сержант.

— Вовсе нет, просто хочу дать вам добрый совет. Вот и все.

— Эти всадники, видимо, важные особы? — промолвил сержант, на которого подействовал уверенный тон Змеи.

— Вы в самом деле хотели бы это знать?

— Разумеется.

— Тогда пойдите и спросите их самих, — хохоча, отвечал Змея.

Сержант возмущился было, но тут же сказал:

— Так я и сделаю. — И обратился к солдатам: — Смотрите в оба за этим негодяем, чтобы не сбежал.

— Не беспокойтесь, — произнес Змея. — Мне и здесь хорошо.

С этими словами он уселся на траву, в то время как озадаченный сержант поспешил к всадникам.

Они ждали его очень спокойно, без тени страха.

По мере того как досточтимый Гаррисон приближался к всадникам, спесь его заметно поубавилась и лицо приняло более мягкое выражение.

Наверняка прибывшие произвели на него благоприятное впечатление, вызвали даже симпатию. И его решимость обойтись с ними круто, по-видимому, исчезла.

Приблизившись к путешественникам, унтер-офицер снял шляпу и поклонился.

Последние, видимо, привыкли к почтительному обращению и приняли его как должное.

После нескольких минут молчания сержант наконец заговорил.

Он сложил губы сердечком и слащавым голосом стал уверять путников в своей искренней преданности и готовности всячески им служить.

У сержанта, видимо, пропала всякая охота расспрашивать всадников, кто они такие и зачем прибыли в форт.

Он уже раскаивался в том, что так грубо обошелся с проводником, и сейчас всеми силами старался искупить свою вину.

Проводник, издали наблюдавший за этой сценой, посмеивался про себя.

Сторожившие его солдаты поняли, что начальник попал впросак, однако нисколько ему не сочувствовали.

После некоторого молчания один из чужестранцев, тот, что постарше, сообразоволил наконец ответить сержанту.

Это был молодой человек лет двадцати, с тонкими и нежными, как у девушки, чертами лица, необыкновенно красивый.

Без долгих разговоров он, презрительно улыбнувшись, приказал сержанту немедленно проводить их в крепость.

Сержант хотел возразить, но всадник жестом велел ему замолчать.

Гаррисон снова поклонился, повернулся налево кругом и направился в форт. Всадники последовали за ним.

Змея по-прежнему сидел на траве.

— В чем дело, приятель? — со всей любезностью, на какую только был способен, спросил сержант. — Вместо того чтобы идти в крепость, вы сидите здесь? До чего же глупы эти люди! — добавил он, указывая на солдат, не обративших на его слова ни малейшего внимания.

— Я вас дожидался, дорогой друг, — с иронией ответил Змея.

— Ну так пошли! — сказал сержант и уже шепотом прознес: — Не сердись на меня, каждый может ошибаться.

— Надеюсь, теперь вы раздумали ломать мне кости?

— Забудь об этом, прошу тебя. Через десять минут мы поднимем бокалы за дружбу.

— Лучшего и желать не приходится. Я ведь не злопамятный, тем более с такими добрыми друзьями, как ты.

И вот путешественники вошли в крепость.

Сержант что-то шепнул одному из солдат. Тотчас же к путникам подошел слуга и доложил, что комендант крепости ждет их.

Затем появился офицер и, молча поклонившись, повел путешественников к коменданту.

Офицером этим был прапорщик Уард.

Он провел гостей в довольно большой салон, попросил подождать и удалился.

Оставшись одни, молодые люди с улыбкой переглянулись.

— Видишь, моя красавица, — сказал старший, — я не ошибся в своих предположениях. Все идет как нельзя лучше.

— В самом деле, дорогая Камилла, — ответил младший, — нас ждут. Ваш посланец отлично выполнил поручение и подготовил все, что нам нужно.

— О! Сеньор Паламед хитрая бестия, я знала, что он проведет французских лазутчиков. Ваша национальная гордость унижена!

— Как ты думаешь, удастся осуществить задуманное? Я очень тревожусь.

— Надеюсь, дорогая Леона. Впрочем, мы скоро увидим, на что можно надеяться. Если не ошибаюсь, к нам идет сам комендант форта, и, если он мужчина и англичанин, пожалуй, он не откажет нам.

В этот момент дверь открылась, и в салон вошел офицер в блестящем мундире.

Все трое церемонно поклонились друг другу, и офицер, жестом указав на кресла, предложил гостям сесть.

— Я имел честь, господа, получить рекомендательное письмо, которое вы прислали мне со слугой, — сказал он. — Его превосходительство губернатор Виргинии, наместник ее величества британской королевы, предлагает мне отдать себя в полное ваше распоряжение, и я готов выполнить его приказ.

— Мы благодарны вам, сударь, за радушный прием, тем более что вы оказали его людям, совершенно вам неизвестным.

— Извините, сударь, — продолжал офицер с едва заметной улыбкой. — Но я не могу считать незнакомыми особ, которых рекомендовал сам лорд Денвиди.

— Вы, вероятно, майор Джордж Вашингтон?

— Нет, я капитан Джеймс Меке. Майор Вашингтон три дня назад отправился в экспедицию, и я остался вместо него. Но вы не волнуйтесь, я сделаю все, что в моих силах. Потрудитесь, пожалуйста, изложить вашу просьбу.

Наступило молчание. Молодые люди с беспокойством переглянулись, наконец младший заговорил.

— Дело у нас весьма деликатное, сударь, — сказал он. — Мы надеялись встретиться с самим майором, но если придется ждать его несколько дней...

— К несчастью, так сложились обстоятельства... Здесь, на границе, каждую минуту можно ждать нападения, поэтому мы постоянно настороже. Майор не сказал, когда возвратится, может быть, и скоро.

— Не подождать ли нам его возвращения?

— Это как вам будет угодно. Однако в ваших же интересах... извините за откровенность, господа, у вас нет оснований что-либо от меня скрывать, начальник мне полностью доверяет.

— Полностью?

— Да, сударь, полностью, — с поклоном ответил капитан.

— Итак, — продолжал младший из путешественников, — майор сообщил вам о причинах, которые привели нас сюда? Он все сказал?

— Да, сударь.

— Значит, — с легкой дрожью в голосе продолжал молодой человек, — вам известно, кто мы такие?

— Разумеется, сударь, — ответил капитан с улыбкой. — Майор сказал, что приедут два немецких офицера, которые путешествуют под фамилией Вальдек и пользуются особым покровительством его превосходительства губернатора Виргинии, что я должен буду оказать им достойный прием и выполнить все их пожелания. Поверьте, мне нетрудно...

— Майор больше ничего не сказал? — спросил старший путешественник.

— Нет, сударь. А вы хотите что-то добавить?

— Вы прекрасно осведомлены, сударь, и добавить нам нечего.

Капитан снова поклонился:

— Итак, господин Вальдек, вы хотите...

— Немедленно изложить вам мою просьбу, — произнес молодой человек с очаровательной улыбкой.

— Почту за счастье исполнить ее, если смогу... Потрудитесь сказать, что вам угодно.

— Майор Вашингтон верно сказал, что мы путешествуем по этим странам ради собственного удовольствия, но есть у нас и другая цель.

— И эта другая цель...

— Познакомиться с нравами этой страны, а также с населяющими ее дикими племенами.

— Весьма похвально, сударь. Но не скрою, что это сопряжено с немалыми трудностями и очень опасно.

— Мы это знаем, но решения своего не изменим, смелым Бог помогает.

— В таком случае не стану больше вас отговаривать. И все же должен предупредить, что посещать индейские племена без охраны просто безумие! Вы согласны?

Молодые люди с недоверием взглянули на Джемса Ме-ке. Но недаром он был помощником Джорджа Вашингтона. Офицер спокойно выдержал этот взгляд.

— Как раз об охране мы и хотели вас попросить, — сказал младший из путешественников.

— Я слушаю вас. Приказывайте!

— Можете ли вы дать нам охрану?

— Конечно. В какую сторону намерены вы отправиться?

— К северу.

— Как раз там и живут самые свирепые племена.

— Нам это известно.

— И все же вы настаиваете на своем?

— Да, капитан.

— Когда думаете отправиться в путь?

— Завтра, если можно.

— Так скоро?

— Нам дорога каждая минута.

— В таком случае, господа, охрана будет готова к утру. Я дам вам тридцать индейцев гуронов, знаменитых воинов племени, с ними вам не страшны никакие враги.

— Мне неловко, капитан, уж и не знаю, как вас благодарить за вашу любезность.

— Я только выполняю свой долг, сударь.

Путешественники встали.

— Совсем забыл, что вы сильно устали после длительного пути.

Капитан вызвал солдата.

— Проводи господ в отведенный им дом.

Выйдя из салона, старший путешественник сказал младшему:

— Дорогая Леона, этот офицер прекрасно знает, кто мы такие. Ты заметила, как он с нами держался?

— Ну и пусть, — заметил младший, — не все ли равно.

Солдат привел путников в дом, по меркам этой страны оборудованный с настоящим комфортом. В прихожей их дожидался дон Паламед Бернардо де Бивар и Карпио, целый и невредимый, излечившийся от своих ран, но еще более бледный и тощий. Он стоял в сдвинутой набекрень шляпе, положив руку на эфес своей знаменитой шпаги.

Путешественники жестом приказали ему войти и беседовали с ним до глубокой ночи, после чего отпустили.

Голубая Лисица

На следующее утро с первой дробью барабанов, отбивавших утреннюю зарю, путешественники покинули дом, в котором провели ночь.

Вид у них был свежий, отдохнувший.

У дверей они увидели капитана сэра Джемса Меке.

Он поспешил им навстречу.

— Уже поднялись? — спросил он, пожимая молодым людям руки, обтянутые перчатками.

— Вы удивлены, капитан? Должно быть, считаете нас изнеженными барышнями?

Столь невозмутимый тон совершенно сбил с толку офицера, и он почувствовал, что не в силах состязаться в дипломатии с такими серьезными противниками.

— Мы хотели увидеть восход солнца. Не опоздали? — спросил младший путешественник.

— Не желаете ли убедиться в том, с каким усердием и быстротой я исполнил ваш приказ?

— Помилуйте, капитан! Разве мы что-нибудь приказывали?

— Нам достаточно было одного вашего слова, чтобы спокойно провести ночь.

— Не знаю, как и благодарить вас за ваше доверие. Но я заслужил его. Следуйте, пожалуйста, за мной, и вы увидите, что я сдержал свое обещание.

— Ни брат, ни я в этом ни минуты не сомневались.

— Вы слишком любезны, господа. Пожалуйста сюда!

И сэр Джемс Меке повел молодых людей к ограде.

— Смотрите! — он указал на видневшийся впереди холм.

Молодые люди взглянули в указанном направлении и увидели на расстоянии пушечного выстрела от крепости у подножия холма несколько тольдосов. Когда накануне путники проезжали по этому месту, тольдосов не было.

— Что это? — с удивлением спросили французы.

— Это индейские тольдосы, палатки, — вежливо отвечал капитан. — В лагере тридцать краснокожих воинов во главе с Голубой Лисицей. Он согласен сопровождать вас, куда вы пожелаете, и повиноваться вам.

— Мы не забудем вашей услуги, капитан, о таком радужном приеме не преминем сказать лорду Денвиди.

Капитан поклонился:

— Индейцы будут ждать вас здесь столько времени, сколько вы пожелаете.

— Им недолго придется ждать. Мы намерены уехать сегодня же.

— А я надеялся, что вы проведете здесь несколько дней.

— К сожалению, обстоятельства вынуждают нас дорожить каждой минутой, и мы хотим двинуться в путь сразу же после завтрака.

— Как вам угодно, господа. В таком случае я велю Голубой Лисице явиться к вам за приказаниями.

— Но как мы будем с ним объясняться? — смеясь, произнес молодой человек.

— Очень просто. Индеец понимает по-английски и при желании довольно сносно говорит на этом языке.

— О! Тогда все в порядке. Признаться, капитан, лучшего проводника для нас вы не могли найти.

Тем временем в крепости все пришло в движение.

Одни отряды выходили на рекогносцировку, другие возвращались на отдых. Некоторые солдаты внутри форта занимались учением. Взад-вперед сновали слуги и маркиз-танты. Но в этом кажущемся хаосе царил строгий порядок. Как в английском городе. Следует заметить, что крепость эта была построена всего два месяца назад, но англичане тем и отличаются от французов, к несчастью для последних, что везде, где бы ни появлялись, устанавливают свои порядки и обычаи, проникнутые английским духом.

А главное, навязывают все исконно английское всем попавшим под их власть туземцам.

Капитан Меке из вежливости отдал себя в полное рас-

поряжение гостей на те несколько часов, которые им предстояло провести в крепости.

Он предложил им осмотреть форт.

Гости с видимым удовольствием согласились, чтобы как-то сократить время. Кроме того, сэр Джемс Меке был так любезен, что французы не могли отказать ему.

Около десяти часов подали завтрак, сервированный в лучших английских традициях, как если бы это было не в далекой крепости, а в самом Лондоне.

Сэр Джемс Меке, прапорщик Уард и два иностранца сели за стол.

Завтрак прошел весело, в светской беседе.

Английские офицеры держали себя как настоящие джентльмены, ни словом не обмолвившись о причинах, которые привели путников в форт.

Неожиданно дверь открылась, и появился сержант Гаррисон в сопровождении индейского вождя.

Голубая Лисица был совсем еще молод, высок, с умным лицом и гордым взглядом. Костюм индейского вождя элегантно сидел на нем.

Сержант Гаррисон выглядел суровее обычного. Лицо его было краснее мундира, глаза сверкали.

— Добро пожаловать, начальник, — сказал сэр Джемс Меке, идя навстречу индейцу. — Сердце мое радуется при виде друга.

— Голубую Лисицу призвал его отец, бледнолицый начальник... и Голубая Лисица не замедлил прийти, — ответил вождь со свойственной индейцам напыщенностью.

— Сядьте рядом со мной, начальник, — продолжал офицер.

И когда индеец сел, налил ему стакан водки. Вождь залпом выпил его.

— Я вижу, вам понравилось? — смеясь, произнес прапорщик Уард, питавший к индейцам некоторое презрение.

— О! — воскликнул Голубая Лисица. — Огненная вода бледнолицых для гуронов все равно что молоко.

— В таком случае, надо повторить, — продолжал прапорщик и налил индейцу еще стакан.

Сержант Гаррисон все это время стоял неподвижно, взяв под козырек и сверля взглядом капитана. Капитан наконец обратил на него внимание и спросил:

— Что вам нужно, сержант? Вы хотите что-то сказать?

— Да, капитан, — ответил сержант все с тем же угрюмым видом.

— Говорите же, я жду. Но сначала промочите горло, — сказал офицер, протягивая сержанту стакан водки.

Сержант выпил, вытер ладонью рот и, поставив стакан на стол, снова вытянулся во фрунт.

— А теперь говорите! — приказал капитан.

— Вот в чем дело, сэр, — начал сержант. — Напрасно по вашему приказу каждый вечер запирают ворота и ставят часовых.

— Почему же, сержант?

— А потому, ваша честь, что под самым носом у часовых можно спокойно выйти из крепости.

— Кто же выходит, сержант, позвольте спросить?

— Один долговязый негодяй по прозвищу Розовый Фламинго...

— Тот, кто два дня назад передал вам письмо от этих джентльменов? — капитан указал на французов.

— Он самый, ваша честь. Он исчез часов около трех утра и так хорошо скрыл свои следы, что мы до сих пор не можем его найти.

Молодые люди с улыбкой переглянулись.

— Кто еще вышел из крепости?

— Негодяй, которого я давно знаю. Проводник этих джентльменов, по имени Змея. Я не доверяю ему.

— Но на сей раз доказали обратное, — с иронией заметил капитан.

— Это верно, но пусть только еще раз попадет ко мне в руки...

— Вряд ли это скоро случится... Вы никому об этом не говорили, сержант?

— Никому, сэр.

— Вот и прекрасно! Можете идти, сержант, и главное — никому ни слова. Кстати, прикажите немедленно седлать лошадей для этих джентльменов. А теперь выпейте на дорожку.

Сержант поклонился, опорожнил поданный ему стакан и ушел, ворча себе под нос:

— Водка хороша... офицер щедрый... А что будет, посмотрим.

Когда сержант вышел, капитан обратился к молодым людям:

— Как вам нравится этот побег? Странно, не правда ли?

— Мне кажется, сержант видит опасность там, где ее и в помине нет, — небрежно ответил старший путешественник. — Мы отправили нашего конюшего с поручением, и он вышел из крепости, но утром, как только открыли ворота. А проводник, вероятно, воспользовался случаем и вышел вместе с ним, поскольку мы с ним рассчитались за услуги. Вам, сэр, лучше чем кому-нибудь известно, что охотник не любит засиживаться на одном месте.

— И все же исчезновение этих людей мне кажется очень странным...

— А мне вполне естественным.

— Однако, господа... — стоял на своем сэр Джемс.

— Извините, капитан, — надменно произнес молодой человек, — не собираетесь ли вы учинить нам допрос, словно преступникам?

— Сохрани меня Бог, господа, — ответил капитан с поклоном. — Но поверьте, положение обязывает меня быть осторожным. Иначе я не стал бы так говорить.

— В таком случае давайте займемся приготовлениями к нашему отъезду. А в случившемся мы отдадим отчет лорду Денвиди, и с вас будет снята всякая ответственность.

Слова эти были произнесены столь категорично, что капитану оставалось лишь промолчать, и, чтобы скрыть свою досаду, он обратился к индейскому вождю.

А вождь тем временем, совершенно безучастный ко всему происходящему, был целиком поглощен стоявшей перед ним бутылкой рома, содержимое которой с поразительной быстротой перекачивалось в его желудок, что свидетельствовало о давней привычке к спиртному.

— Хорошо ли вы помните, начальник, какие поручения вам были даны в начале луны пролетающих орлов? — спросил капитан.

— Слова отца в сердце моем, — ответил вождь. — Я отправил четырех воинов, они обнаружили следы и измерили их. Кто может скрыться в пустыне от зоркого глаза Голубой Лисицы?

— Значит, начальник уверен, что найдет тех, кого ему поручено найти?

Краснокожий презрительно улыбнулся:

— Неужели отец считает сына своего болтливой стару-

хой? У начальника не лживый язык. Отец даст моим воинам огненной воды, и все будет в порядке.

— Вы получите огненную воду по возвращении из экспедиции, поэтому советую вам поторопиться.

— Отец даст нам ружья?

— Воинам дадут десять ружей, порох, пули, как только они покинут крепость.

— О! Мой отец — великий начальник бледнолицых. Голубая Лисица выполнит свои обещания.

— Я надеюсь на вашу честность, — сказал капитан и, указав на французов, добавил: — Вы будете сопровождать в экспедиции этих воинов, как и было условленно.

— Голубая Лисица будет повиноваться этим воинам, как повинуетсЯ своему отцу. Голубая Лисица великий храбрец своего племени. Кто посмеет сказать ему «нет», когда он говорит: «Я хочу!»?!

Капитан встал.

— Пора в путь, — сказал он.

Начальник единым духом опорожнил бутылку, поставил ее на стол и сказал:

— Голубая Лисица готов.

Все вышли.

— Как будет вести себя этот индеец, после того как выпил столько спиртного? — спросил старший путешественник капитана.

— Не беспокойтесь, — тихо ответил капитан. — Этот негодяй и не столько может выпить. Желудок у него луженый.

— Значит, можно ему доверять?

— Разумеется. Он честен по-своему и беззаветно предан англичанам. Словом, это тот человек, который вам нужен. Трудно найти более подходящего...

— Откуда вы знаете? — резко перебил молодой человек капитана.

— Я так думаю, — ответил офицер с многозначительной улыбкой.

Лошадей оседлали, навьючили мулов, два солдата несли каждый по пять ружей на плече, два других — ящик с порохом и мешок с пулями.

Французы сердечно простились с английскими офицерами и вскочили в седла.

Прозвучал приказ открыть ворота.

— Еще раз спасибо за гостеприимство, — сказали французы.

— Счастливого пути и удачной охоты! — произнес капитан. — Будьте осторожнее, бывает, что дичь сама нападает на охотника. Главное, чтобы вас не застали врасплох.

Французы, видимо, поняли намек, покраснели, молча поклонились и ускакали.

Через несколько минут они достигли индейского лагеря, где были приняты с глубочайшим почтением.

Трудно описать словами ликование индейцев, когда они увидели оружие, присланное им комендантом английского форта. Они бесновались от радости, и Голубая Лисица с трудом их утихомирил.

Не теряя времени, вождь приказал убрать палатки и готовиться к отъезду. Не прошло и четверти часа, как воины выстроились в шеренгу и углубились в лес, двигаясь тем самым упругим шагом, которым всегда гордятся индейцы, потому что даже лошади едва поспевают за ними.

Путешественники следовали в арьергарде.

С крепостного вала англичане следили за тем, как снимались с лагеря краснокожие, и спустились вниз, лишь когда индейцы, а за ними и французы исчезли из виду.

— Бедные молодые люди, — сказал прапорщик Уард, — такие богатые и красивые, а подвергают себя опасности неизвестно отчего.

— Ошибаетесь, сэр, — отвечал капитан. — Цель их — месть. И, к сожалению, они ее достигнут.

— Почему «к сожалению», сэр, я вас не понимаю.

— Я хочу сказать, что быть и казаться — вещи совершенно разные.

— Я никогда в этом не сомневался. Итак, молодые люди...

— Не мужчины!

— Кто же в таком случае, обезьяны?

— Не думаю, — ответил капитан, улыбаясь.

— Черти?

— Пожалуй, да, или что-то в этом роде.

— Женщины?

— Угадали, притом коварные и жестокие.

— Зачем же вы их принимали? — процедил прапорщик сквозь зубы.

— Будь на то моя воля, я не пустил бы их в крепость. Но я получил приказ на сей счет. Вот увидите, сэр, визит этих дам принесет нам несчастье.

— Почему это вам пришло в голову?

— У меня такое предчувствие. Помните, как умер граф де Жюмонвилль?

— О! До конца дней своих не забуду.

— Ну так вот, по-моему, это продолжение той печальной истории.

— Тем хуже, капитан. Дай Бог, чтобы вы ошиблись. Достаточно того, что дело это лежит на нашей совести. Хотя мы только исполняли приказания. Но не будем больше об этом говорить.

Капитан ничего не ответил и, опечаленный, ушел к себе.

Смерть французского офицера, невольными соучастниками которой они стали, тяжелым бременем лежала на душах обоих храбрых людей.

Голубая Лисица недаром называл себя великим храбрецом, сэр Джеймс Меке отдавал должное его ловкости, преданности и отваге.

Оба путешественника скоро могли и сами оценить все эти качества. Индеец оказался прекрасным проводником. Он шел по пустыне так уверенно, как если бы люди, по чьим следам он двигался, заранее сообщили ему свой маршрут. Сломанная ветка, сорванный лист, примятая трава или мох, замутненная вода, в общем, любая мелочь не давала ему сбиться с пути.

Через два дня, когда отряд расположился на ночлег, к путешественникам присоединился сеньор Паламед.

Достойный идальго, несмотря на забавную внешность, был старый авантюрист, хитрый и ловкий. Испробовав все ремесла, особенно ремесло браконьера, он обладал удивительной способностью отыскивать едва заметные следы на песке или в кустах, что с первых же дней вызвало к нему уважение краснокожих. К тому же авантюрист был метким стрелком, в ходьбе не знал усталости и отличался отвагой.

На сей раз, кроме желания выполнить данное поручение, им двигала еще жажда мести за удар, нанесенный шпагой и едва не стоивший ему жизни.

И сейчас сеньор Паламед пустил в ход всю свою изобретательность. Он принес свежие новости. Узнал, где на-

ходятся те, кого ищут, видел их собственными глазами. Кроме того, Змея взялся провести их в такое место, где можно захватить врагов врасплох, как в мышеловке.

Змея, однако, не счел нужным сообщить Паламеду, каким образом собирается это сделать. Но Паламед ему верил и не ошибся. Охотник не собирался нарушить своего обещания.

На рассвете все снова тронулись в путь.

Змея, чтобы рассеять все подозрения, вышел навстречу отряду и расположил воинов в засаде с ловкостью, достойной всяческих похвал.

Выше мы уже рассказывали, что из этого получилось.

А сейчас продолжим наш рассказ, прерванный на том месте, когда оба путешественника были взяты в плен теми, кого собирались захватить врасплох.

Пленники

Переправившись на остров, Голубая Лисица взял в окружение французских офицеров, которые вели разговор с Изгнанником на прогалине, затем подошел к путешественникам и сказал:

— Бледнолицые начальники прибыли на место. Голубая Лисица ждет приказаний, как действовать дальше.

Молодые люди переглянулись, и старший ответил:

— Голубая Лисица захватит наших врагов, а мы останемся здесь и будем ждать его возвращения.

— Враги окажут сопротивление.

— Вполне возможно. Начальник возьмет их живыми, так хочет командующий фортом.

Индеец с недовольным видом покачал головой.

— Мои юноши не старые бабы, они ответят ударом на удар.

— Французских офицеров надо взять живыми, таков приказ.

— Хорошо, — ответил вождь после некоторого раздумья, — но в этом случае многие мои воины больше не увидят своего вигвама.

Молодой человек промолчал.

Вождь удалился, не смея послушаться приказа.

Этот приказ спас жизнь офицерам и привел к поражению индейцев.

Итак, молодые люди, оставшись под охраной дона Бернардо, с тревогой ожидали, чем кончится нападение Голубой Лисицы на французов.

Находясь очень близко от берега, путешественники

тем не менее были хорошо скрыты деревьями и высокой травой, но на всякий случай сошли с лошадей.

Не прошло и несколько минут, как послышались шаги и к берегу из глубины острова направился человек.

Это был Изгнанник.

Увидев молодых людей, он остановился, скрестил руки на груди, его тонкие губы скривились в усмешке.

— Вы, господа, стоите здесь, словно на охоте, — сказал он скрипучим голосом, — ждете, когда загонщики выгонят дичь, не так ли?

Молодые люди, пораженные, молча стояли.

— Что это значит? — вскричал дон Бернардо, шагнув вперед.

— Назад, негодяй! — крикнул Изгнанник.

Дон Бернардо невольно попятился, положив руку на эфес шпаги.

— Черт возьми! — продолжал Изгнанник. — Охота — благородное развлечение. Только смотрите, как бы дичь не кинулась на охотников.

— Сударь! — гневно воскликнул один из молодых людей.

— Графиня де Малеваль, — невозмутимо отвечал Изгнанник, — и вы, маркиза де Буа-Траси, послушайте моего совета, бегите пока не поздно.

И, поклонившись с ироническим видом изумленным дамам, Изгнанник скрылся в чаще, не дав им опомниться и прийти в себя от нанесенных оскорблений.

— Что делать? — прошептала графиня.

— Ждать! — решительно ответила маркиза. — Эти двое, какими бы храбрыми они не были, не справятся с тридцатью индейцами, окружившими их.

Каким образом эти француженки получили помощь от английских властей, мы узнаем позже.

Движимая слепой ненавистью и жадой мщения, графиня готова была на любую низость.

Маркиза сопровождала свою подругу.

Тем временем на прогалине шла ожесточенная битва. Шум ее достигал ушей обеих дам, и волнение их достигло крайнего предела.

Несмотря на уверенность в успехе, их обуял страх.

Остров буквально на глазах менял свой вид. Мимо путешественников проносились покинувшие свои логова испуганные звери, с тревожными криками в воздухе кружили птицы.

— Как быть? — с отчаянием произнесла графиня де Малеваль.

— Бежать! Как можно скорее! — вскричал неожиданно появившийся возле них молодой человек.

— Андре! Брат мой! — воскликнула маркиза.

— Да, это я! Я следую за вами от самого форта, куда прибыл час спустя после вашего отъезда. Бегите! Во имя самого Неба! Иначе вы погибли!

— В чем дело?

— Индейцы близко. Еще минута — и они будут на острове.

— Но индейцы наши друзья! — возразила графиня.

— Я говорю о других индейцах, ваших заклятых врагах. Бегите, нельзя терять ни минуты! Впрочем, может быть, уже поздно!

— О! — в ярости вскричала графиня. — Бежать!

— Да, это единственный выход.

— Но как это сделать?

— Следуйте за мной, — проговорил Андре, — у меня есть пирога. Здесь, поблизости, в тростнике.

— А наши лошади?

— Бросайте их и спасайтесь!

— Индейцы! — крикнул в это время дон Бернардо.

Это заставило женщин решиться, и они помчались вслед за Андре. За ними гидальго — со шпагой в одной руке и пистолетом в другой.

Четверо беглецов мчались молча, подгоняемые страхом.

— Вот они! — завопил гидальго.

— Все пропало, — прошептала графиня.

— Бегите к пироге, — решительно произнес Андре. — Она вон за теми деревьями, а мы с доном Бернардо постараемся задержать их.

— Бегите, — промолвил дон Бернардо, взводя курок. — Недаром я испанец и потомок Сиды.

Женщины, однако, не приняли этой жертвы и остановились.

— Нет, — заявила маркиза, — я не стану спасаться от тех, кого презираю.

— И я тоже! — поддержала ее графиня.

— Но... вы погубите себя.

— Ни слова больше, Андре. Лучше попасть в руки дикарей, чем скитаться по чужой стране... Это постыдное бегство.

— А вы, мужчины, бегите!

— Никогда!

— Я вам приказываю! — сказала маркиза.

— Честь мне велит нарушить приказ, сударыня, — холодно заявил Андре, — и я повинуюсь ей.

— Извините, друг, — вмешался гидальго. — Я лучше вас понимаю этих женщин. Еще минута, и мы...

— Неужели вы можете совершить подобную подлость?

— Не надо так говорить. Дамы правы. Дикари обычно снисходительны к женщинам. Наше присутствие их погубит. Так что не будем терять времени, придет и наш час, поверьте.

— Останетесь живы — еще окажетесь нам полезными.

— А мертвые, — добавил авантюрист, — уже не сможем ничего сделать.

Андре печально покачал головой.

— Нет, — сказал он, — бежать с ними... или умереть за них!

— Андре, ваше упрямство нас губит. Вы должны остаться в живых, чтобы спасти нас, — с мольбой произнесла маркиза.

— Вы этого требуете? — прошептал молодой человек. — Что же, я выполняю вашу волю.

— Ступайте! И да поможет вам небо!

Мужчины побежали в сторону реки.

Только они скрылись из виду, как появились индейцы.

Женщины закричали и стали со страхом озиаться по сторонам.

Тут вперед выступил начальник, вежливо поклонился и сказал:

— Пусть дочери мои успокоятся. Чуткое Ухо знаменитый начальник своего племени, его воины знают, с каким уважением надо относиться к пленницам. — И добавил, смеясь: — Пусть дочери следуют за мной, пора им вернуться к своим лошадям, чтобы не убежали.

Женщины, опутив головы, красные от стыда и гнева, последовали за индейцами.

Лошади оказались на месте.

— Дочери мои будут ждать здесь, — сказал начальник.

— Зачем вы так говорите? — спросила маркиза, гордо вскинув голову. — Посмотрите, как мы одеты.

Индеец улыбнулся.

— У вождя зоркие глаза, — произнес он, — все видят

насквозь. Как бы ни старалась голубка, она не станет похожей на коршуна.

Маркиза в смущении отвела глаза.

Сделав вид, будто не замечает неловкость женщин, индеец повторил:

— Мои дочери дождутся начальника.

Индеец вместе с воинами удалился, и женщины остались одни. Но они не были свободны, поскольку знали, что из-за каждого куста за ними следят, и не помышляли о бегстве. В полном отчаянии они опустились на ствол упавшего дуба и так сидели в молчании, ожидая решения своей участи.

Через полчаса кусты раздвинулись, и появился индейский вождь.

— Пусть дочери следуют за мной! — произнес Чуткое Ухо.

— Куда вы нас поведете?

— Скоро дочери это узнают.

— Мы ни шага не сделаем. Убейте нас сразу, вместо того чтобы подвергать жестоким и бесполезным пыткам.

— Чуткое Ухо — великий начальник. Он не станет обгагрять свой военный топор кровью женщины.

Глаза воина гневно сверкнули.

— Простите, — сказала графиня, — я не знаю ваших обычаев.

Индеец поклонился с улыбкой.

— Пусть дочери следуют за мной, — повторил он.

Дальнейшее сопротивление было не только бессмысленно, но и рискованно. Кроме того, слова вождя вселяли некоторую надежду.

Первой поднялась маркиза.

— Пойдемте, — сказали женщины и последовали за индейцем, молчаливые и мрачные.

Идти пришлось всего минут десять. Начальник шел впереди, предупредительно раздвигая ветви. Это окончательно успокоило женщин и вернуло им мужество. Какая-то тайная сила покровительствовала им.

Обойдя густую чащу, они очутились перед довольно большой прогалиной и едва не вскрикнули от гнева и удивления при виде открывшейся им сцены.

— О! — прошептала графиня. — Неужели судьба уговила и нам этот позор?

— Мужайся! — тоже шепотом ответила маркиза. — Мы еще отомстим, клянусь тебе!

— Возможно, — с отчаянием в голосе произнесла графиня.

Они остановились на миг, но тут же двинулись дальше, с высоко поднятой головой и презрительной усмешкой на губах.

Прогалина была запружена индейцами. Немного в стороне, в луже крови, валялись десятка два убитых и изуродованных воинов Голубой Лисицы.

В центре стояли канадцы, среди них четверо, с виду лесные бродяги, в которых нетрудно было признать представителей белой расы. Это были граф де Виллье, барон де Гриньи, Золотая Ветвь и Смельчак.

Прямо к ним индеец и вел обеих женщин.

При их приближении разговор прекратился, и воины отошли в сторону. Остались офицеры и Берже, насмешливо поглядывавший на дам.

Маркиза хотела было заговорить, но граф де Виллье не дал ей и рта раскрыть и повернулся к вождю.

— Кого вы привели? — спросил он.

— Пленников, — ответил краснокожий.

— И что вы собираетесь с ними делать?

— Отдать бледнолицему начальнику.

— Мне? Зачем?

— Нам не нужны эти пленники, — подтвердил барон. — Они нас будут стеснять.

— Они командовали воинами, нападшими на вас.

Офицеры смили женщин презрительными взглядами.

— Я отдаю вам этих негодяев, — продолжал граф. — Делайте с ними, что хотите.

— Бедняжки, — прошептал барон. — Впрочем, поделим им.

Женщины дрожали от стыда и гнева, слушая сыпавшиеся на них оскорбления. Но слова барона переполнили чашу терпения, и ярость их выплеснулась наружу.

— Разве вы не узнали меня, граф? — вскричала графиня.

— Я вас не знаю, — холодно ответил молодой человек, отвернувшись, — никогда вас не видел и не желаю видеть!

— Это уже слишком! — воскликнула графиня, топнув ножкой. — Вы забываетесь, господа! Но какова бы ни бы-

ла ваша ненависть, вы не можете отдать нас во власть этих дикарей!

Краснокожие возмущенно зашумели.

Барон хотел вмешаться в разговор, но граф остановил его, он предпочел сам объясняться с графиней.

— Господа, — обратился он к дамам, — это вы забываетесь. Вы заманили нас в западню, но убийцы, которых вы наняли, потерпели поражение. Теперь вы наши пленники. Но, вместо того чтобы во всем признаться, вы повышаете голос, чуть ли не грозите нам, в то время как мы с презрением отказываемся мстить вам за вероломство. Ведь это безумие!

— Берегитесь, граф! — вскричала графиня. — Если я когда-нибудь...

— А чего, позвольте спросить, я должен беречься, сударыня? Вас надо бы примерно наказать, но я согласен...

— Наказать? — воскликнула графиня. — Слышишь, Леона? — обратилась она к маркизе.

— Разумеется, — продолжал граф. — будучи француженкой, вы предали вашу родину и с неизвестной нам целью перешли на службу к англичанам, нашим смертельным врагам. Вы должны благодарить нас, что мы обращаемся с вами как с обыкновенными пленницами, а не с изменниками, а вы недовольны.

Невозможно описать бешенство обеих дам, ставших предметом беспощадных насмешек. Бледные, с искаженными гримасами лицами, они тщетно пытались защититься от ненавистных врагов, которых некогда надеялись увидеть у своих ног.

Подумать только! Барон и граф даже не желали их признать!

А ведь они поступили подобным образом, движимые страстью и ревностью, забыв себя, отказавшись от прошлой жизни.

Разве могли женщины простить такое своим бывшим возлюбленным? Графиня больше не владела собой. Маркиза молчала, предоставив подруге говорить за обеих, лишь пристально смотрела на барона де Гриньи.

Но тот, казалось, не замечал устремленного на него взгляда, даже ни разу не повернул голову в ее сторону.

Это холодное, спокойное презрение больно отозвалось в сердце женщины. Слезы текли по щекам ее, но с губ не сорвалось ни единого слова.

Так уж устроена женщина. Презрение для нее страшнее ненависти.

— Вы не дворяне! — иступленно крикнула графиня, излив в этом крике все свое бешенство.

— Мы солдаты, — холодно произнес граф.

— И не солдаты... вы подлые трусы!

— Да, — ответил граф с улыбкой, указав на мертвых индейцев, — и главным образом потому, что не позволили себя убить.

— Я приказала краснокожим взять вас живыми! Это вас и спасло.

— Посланные вами убийцы, судя по их действиям, видимо, не поняли вашего приказания. Впрочем, готов поверить вам, сударыня, и избавить от заслуженного наказания.

Женщины задрожали.

Только теперь они осознали всю низость содеянного, поняли, в какую глубокую пропасть бросились очертя голову.

Их увлек вихрь ненависти.

Страсть лишила их разума, ослепила.

— Господа, — сказал граф, — мы не желаем знать ни вашего имени, ни вашего звания. Лишь в этом случае мы вправе вас отпустить на все четыре стороны. Надеюсь, случившееся послужит вам хорошим уроком. Слепая ненависть до добра не доводит, а уж тем более измена королю и отечеству.

— Только честь заставила нас отнестись снисходительно к вашему поступку, — добавил барон.

Маркиза направились было к нему, но он отвернулся.

Граф обратился к индейскому вождю:

— Пусть брат мой соберет воинов, пора трогаться в путь.

— А с пленницами как быть? — спросил вождь, мрачно взглянув на женщин.

Они вздрогнули и невольно прижались друг к другу.

— Они свободны. Французы не мстят пленникам.

Чуткое Ухо не стал возражать и отдал приказ готовиться к отъезду.

— Граф! Во имя неба! — вскричала графиня, молитвенно сложив руки. — Еще слово!

— Я не знаю вас, сударь.

— О, Арман, неужели вы так жестоки, как и ваш друг? — прошептала маркиза.

Барон на мгновение задумался, устремив на женщину испытующий взгляд, потом заявил:

— Я решил забыть прошлое.

— Вы даже не знаете, как я здесь очутилась.

Барон ничего не ответил и удалился вслед за графом.

Женщины бросились на землю и разразились рыданиями.

Вскоре поляна опустела.

Берже шагал рядом с графом, не произнося ни слова.

— Что с тобой, дружище, почему ты молчишь?

— Я недоволен вами, господин Луи!

— Ты не одобряешь моих действий?

— Извините, граф, но я осуждаю их. Как могли вы столь опрометчиво поступить?

— Ты просто безумец! — сказал молодой человек.

— Ошибаетесь. Милосердие хорошо в Европе, а здесь от него один вред. Эти женщины никогда не простят вам презрения и насмешек.

— Что же я должен был сделать, по-твоему?

— Недаром говорят: убей змею — она не ужалит.

— Несчастный! Убивать женщин?

— Врагов, а не женщин! Молите Бога, господин Луи, чтобы вам не пришлось убедиться в справедливости моих слов, причем в самое ближайшее время.

— На все воля Божья, — проговорил граф.

На этом разговор был окончен.

Пильма

Обратный путь был невеселым.

Сердца молодых людей сжимались при мысли о тяготевшей над ними ненависти. Против нее было единственное оружие — полное равнодушие.

Разве женщины не защищены от возмездия своей слабостью?

Порядочный человек никогда не позволит себе мстить женщине, в крайнем случае, он может только защищаться.

Особенно усложняется дело, если женщина была некогда его возлюбленной.

Покинутая женщина способна на все. И в какой-то мере ее можно понять. Граф де Виллье и его друг, стыдясь своей победы, решили ответить на удары врагов презрением и насмешками. Только это ужасное оружие могло поразить тех, кого молодые люди в сердце своем простили, вспоминая былое счастье.

К тому же подобная ненависть льстила тщеславию мужчин, видевших в ней неопровержимое доказательство любви.

Достигнув атепетля, офицеры сердечно поблагодарили за помощь индейского вождя и канадцев и направились к своим хижинам, чтобы отдохнуть и наедине предаться размышлениям. Когда перешли через площадь, граф хотел проститься с Берже, но тот сказал, что хочет с ним поговорить, и, не дожидаясь приглашения, вошел вслед за молодым человеком в хижину.

— Извините, господин Луи, — сказал он, сразу при-

ступив к делу, — за то, что я потревожил вас, но у меня к вам важное дело.

— Говори, мой друг, как можно короче. Не скрою, после случившегося мне хотелось бы привести свои мысли в порядок.

— Скажу вам всего несколько слов. Приготовьтесь на восходе солнца двинуться в путь.

— Но у нас нет лошадей!

— Для вас и вашего друга есть, если только вы не желаете идти вместе с нами пешком.

— С кем это с вами?

— Жителями деревни.

— Предвидится переселение?

— Нет. Подробности сообщу завтра. Сегодня уже поздно, и вам надо отдохнуть.

— Хорошо. Скажи только о лошадях.

— Верхом поедете вы с другом. Остальные пойдут пешком.

— В таком случае, мы тоже пешком.

— Тем лучше! Это произведет хорошее впечатление.

— Куда же мы направимся?

— Завтра узнаете. Одно могу сказать: настало время действовать.

— В самом деле?

— Клянусь вам, господин Луи.

— Слава Богу! Спасибо, друг, за хорошие вести. Не беспокойся! К восходу солнца мы будем готовы.

— Отлично! Итак, до завтра... Я за вами приду. Постарайтесь хорошенько отдохнуть, — сказал с улыбкой канадец. — Кто знает, сколько ночей придется бодрствовать.

Берже ушел, оставив французов одних.

Солдаты еще не вернулись, видимо, где-то бражничали вместе с охотниками, и офицеры могли поговорить по душам.

Едва занялась заря, как Берже вошел в хижину, надеясь застать молодых людей спящими, но те уже были на ногах и заканчивали последние приготовления.

— Прекрасно! — воскликнул канадец. — В добрый час! Вы, господа, не уступаете охотникам!

— А ты надеялся застать нас врасплох? — насмешливо произнес граф. — Бедняжка Берже! Ты часто забываешь, что мы солдаты!

— Возможно. Во всяком случае, я рад видеть вас ве-

селыми и бодрыми. Главное, господа, не забудьте прихватить в дорогу оружие и провиант. Чем больше, тем лучше.

— Черт возьми! Что это значит, Берже?

— То, что я сказал, и ничего больше. Безоружный в пустыне все равно что мертвый.

— Куда же все-таки ты поведешь нас? — спросил граф.

— Недалеко, за три мили отсюда.

— Так ведь это просто прогулка! — вскричал барон. — Зачем же нам брать столько с собой?

— Мало ли что может случиться? — с таинственным видом ответил Берже. — Поверьте мне, эта прогулка может затянуться на целых полгода. Выходят в определенное время, а возвращаются неизвестно когда.

— Ты интригуешь нас, Берже, объяснись, пожалуйста!

— С удовольствием, господин Луи, насколько это возможно.

— Я не люблю загадок, говори, куда мы идем.

— Я все уже сказал, за три мили отсюда.

— Жители деревни пойдут с нами?

— Да, по крайней мере, те, кто в силах ходить.

— Будем драться?

— Напротив.

— Ну, не плясать же!

— Почти что! — смеясь, ответил Берже.

— Брось свои шутки. Не тот ты человек, чтобы беспокоить нас по пустякам.

— Это уж точно.

— Что же все-таки значат твои слова?

— Племя гуронов вызвало на состязание в игру пильма, то есть в мяч, другое племя. Состязание начнется через несколько часов. На нем будут присутствовать в качестве судей несколько дружественных племен.

— Только за этим ты и ведешь меня туда? Не очень-то ты церемонишься с нами. Что до меня, то я охотно остался бы здесь.

— Это было бы очень нехорошо с вашей стороны, — ответил охотник. — Доверьтесь мне, господин Луи. Я вас не стану обманывать. Раз я зову вас с собой, значит, имею на то серьезные причины. Какие, вы в свое время узнаете. После игры в мяч вам, возможно, придется быть свидетелем более важной игры.

— Хорошо, хорошо! — смеясь, сказал барон. — Вы,

приятель, ходячая загадка, и разгадать вас невозможно, поэтому отдаю себя в полное ваше распоряжение.

— А вы, господин Луи?

— Как друг, так и я. Но если ты просто решил посмеяться над нами, я никогда тебе этого не прощу. Сейчас не время развлекаться.

— Не пугайте меня, я ничего не боюсь, скоро сами в этом убедитесь. Вы готовы?

— Уже давно.

— Так с Богом, в путь!

Они вышли.

Деревенская площадь была запружена индейцами и канадскими охотниками. Французов приветствовали громкими криками. Чуткое Ухо пошел им навстречу, поздоровался, сделал знак воинам, и они выстроились в шеренгу и двинулись к выходу из деревни. Они шли тем быстрым и упругим шагом, который давал им возможность за короткое время преодолевать без особой усталости большие пространства по труднопроходимым дорогам, где даже лошадь не всегда может пройти.

Чуткое Ухо с несколькими вождями других племен, французскими офицерами и канадцами, в том числе и Берже, ехали в арьергарде.

Особых предосторожностей воины не предпринимали, как, например, на тропе войны и тропе охоты, не старались скрыть следы. Они смеялись, болтали, не заботясь о том, что производят шум.

Граф де Виллье то и дело спрашивал у Берже, почему индейцы ведут себя не как обычно. Берже, улыбаясь, советовал французу не удивляться, сказав, что скоро он сам все поймет.

Граф поборол свое любопытство, ни о чем больше не спрашивал и ждал, что будет.

Часов около восьми утра индейцы наконец вышли из леса и очутились в прерии, простиравшейся до самого горизонта. Широкий поток делил ее на две почти равные части.

Посреди довольно большой площадки, очищенной от травы, стояла ротонда из толстых бревен.

Когда в прерии появились воины-гуроны, их встретили веселыми возгласами. Самые знаменитые вожди пошли их приветствовать, каждый от своего племени.

Пока начальники обменивались приветствиями, Берже шепотом сказал французам:

— Все эти индейцы собрались здесь для того, чтобы состязаться в игре в мяч. Среди них восемьдесят канадцев. Они пришли сюда, конечно, не ради состязания, а ради вас. Когда наступит срок, они последуют за вами. Нас окружили английские шпионы... Смотрите, не выдайте себя ни словом, ни делом. Индейцы и охотники очень любят игру в мяч, поэтому присутствие их здесь не может вызывать никаких подозрений. Положитесь на меня. Я доведу дело до конца.

— Друг, — сказал граф, пожимая руку Берже, — я буду во всем тебе повиноваться. Поступай как знаешь.

— Ни слова больше! Начинается церемония. Старайтесь держаться позади толпы, не бросаться в глаза и следовать по возможности за мной.

Берже с невозмутимым видом отошел в сторону и смешался с толпой индейцев.

Итак, церемония началась. Чуткое Ухо пригласил стариков и самых прославленных воинов в ротонду. Когда все уселись и музыканты заняли свои места, Чуткое Ухо поднялся с высокого сиденья и жестом призвал к тишине.

Тотчас воцарилось молчание.

Тогда вождь стал говорить. Он произнес длинную речь, воздал должное игре в мяч, похвалил победителей на прошлых состязаниях, не преминув упомянуть о собственных победах и победах других вождей.

Мы не будем подробно приводить здесь речь вождя. Скажем лишь, что произнесена она была с жаром, будила в молодых людях страстную жажду к победе.

Закончив свою речь, начальник снова сел на место. Наступила очередь музыкантов. Каждый играл, что хотел, не слушая остальных, это была настоящая какофония.

Появилась целая толпа девушек во всем белом, украшенных бусами, браслетами и лентами.

Держась за руки, они тихими низкими голосами стали петь, затем, образовав полукруг, спина к спине, стали медленно двигаться.

Так продолжалось около четверти часа.

Вдруг снаружи донесся пронзительный крик, и в ротонду один за другим вошли юноши с палками в руках, разрисованные, с серебряными браслетами и ожерельями из красных зерен, с пучками перьев в волосах.

Они тоже образовали полукруг, повернувшись лицом к девушкам, девушки же, выстроившись в ряд параллельно мужчинам, пели вместе с ними.

Первый с краю мужчина поднимался на носки и быстро опускался на пятки, в то время как второй опускался на пятки и поднимался на носки, и так по всему ряду.

Кроме танца пильма, у индейцев существует множество других, причем все они так же малоинтересны, как этот. Прежде чем заслужить звание великого храбреца, надо раньше прослыть искусным танцором.

Есть у краснокожих и охотничьи танцы. В них запечатлены храбрость, сила и ловкость. Танцы тесно связаны с музыкой и пением.

По окончании танцев юноши, вооруженные палками, разделились на два отряда, и по знаку одного из начальников началось состязание пильма, поглотившее все внимание зрителей.

Французы со времени своего прибытия в Америку впервые видели это своеобразное состязание и так увлеклись, что забыли, зачем находятся в индейской деревне. Но тут мимо прошел Берже и слегка коснулся руки де Вилье.

Граф обернулся.

— За вами сейчас не следят, постарайтесь выбраться сквозь толпу и следуйте за мной на некотором расстоянии.

Он прислонил к губам указательный палец и медленно пошел дальше.

Молодые люди протиснулись сквозь толпу, покинули ротонду и, добравшись до опушки, вслед за Берже углубились в лес.

— Идите за мной, — сказал охотник.

— А наши солдаты?

— Они вас ждут.

Примерно через час все трое вышли на небольшую прогалину, где собралось около сотни человек.

Это были канадские охотники и среди них Золотая Ветвь и Смелычак.

Берже жестом приветствовал всех и спросил:

— А где Жан-Поль?

— Я здесь! — раздался грубый голос. И от группы людей отделился Изгнанник.

— Этот человек здесь? — с удивлением воскликнул граф.

— Молчите! — тихо произнес Берже, сжав руку графу.

— Я ничего не понимаю, — продолжал граф.

— Молчите. Я за него ручаюсь. Вы совершенно не знаете этого человека.

Граф умолк, озадаченный, и опустил голову.

Между тем Берже и Изгнанник пошептались о чем-то, обменялись рукопожатиями, и Изгнанник, даже не взглянув на французов, удалился.

— Черт возьми! Что все это значит? — спросил граф. — Объясните же наконец.

— Это значит, господин Луи, — холодно ответил Берже, — что при желании вы не позднее чем через два дня получите возможность захватить английский транспорт.

Берлога Серого медведя

Ответ Берже явился для графа полной неожиданностью, однако он не подал виду и спокойно сказал:

— Говори, я тебя слушаю.

— Не здесь, господин Луи. Нас могут подслушать наши друзья индейцы.

— Хороши друзья, если надо их опасаться.

— Вот именно. Итак, вперед, через час нас могут хватить. Употребим это время с пользой, а заодно ноги потренируем.

— Но если мы...

— Если мы не хотим, чтобы наши следы обнаружили недруги и разрушили наши планы.

— Пожалуй, ты прав. Но этот человек, этот лазутчик, в общем, Жан-Поль, как ты его называешь... Ты не боишься, что он нас предаст?

— Он?! — негодуяще воскликнул Берже. — Нет, успокойтесь, господин Луи. Это невозможно!

Молодой человек с сомнением покачал головой.

— Поверьте, господин Луи, — продолжал охотник, — вы заблуждаетесь насчет этого человека. Позднее вы все узнаете и тогда...

— Что тогда? — спросил граф.

— Ничего. Я знаю, что говорю. Но оставим в покое этого несчастного и вернемся к нашим делам. — И охотник обратился к окружавшим его канадцам. — Друзья! — сказал он. — Вот те самые французские офицеры, о которых я вам говорил. Вы обещали во всем им повиноваться. Могут они на вас положиться?

— Могут, — ответили в один голос охотники.

— Вы, кажется, в курсе дела?

— Да, ты говорил нам.

— Обещаете исполнить свой долг?

— Мы поклялись и не нарушим клятвы.

После этого Берже обернулся к офицерам:

— Я сдержал свое слово, господа, эти храбрые люди пойдут за вами в огонь и в воду.

— Я благодарю их от имени короля за проявленный патриотизм, — ответил граф.

Охотники поклонились.

Этот договор был надежнее, чем скрепленный королевской печатью.

Офицеры не могли скрыть своей радости. Они больше не сомневались в успехе возложенного на них поручения.

— Спасибо, Берже, — сказал граф охотнику. — Я доволен тобой.

— Тогда все в порядке, — рассмеялся канадец. — Но хватит разговоров. Пора отправляться в путь. Вечером, на бивуаке побеседуем о том, что делать дальше. С Богом, друзья, постарайтесь к закату быть в условленном месте. Согласны?

— Согласны!

В тот же момент охотники разом исчезли, будто сквозь землю провалились. На прогалине остались офицеры, солдаты и Берже.

Молодые люди удивленно переглянулись.

Берже не дал никому рта раскрыть и заговорил первый.

— Сто человек, несмотря на любые предосторожности, не могут пройти по пустыне, не оставив следов. Мы окружены вражескими лазутчиками, и их необходимо сбить с толку. Поэтому пойдём поодиночке. А к вечеру мы уже будем достаточно далеко, чтобы ничего не опасаться. Итак, в путь.

— Куда же мы пойдём?

— Немного пройдем по дороге в деревню, а потом сядем в лодку. На воде не остается следов.

Они покинули прогалину и через несколько минут слегка отклонились влево, очутившись среди нагромождения утесов, на которые молодые люди стали смело взбираться следом за проводником.

Взобравшись на одну группу утесов, канадец остано-

вился, к великому удовольствию французов, изрядно уставших от столь непривычного путешествия.

— Отдохнем немного, — сказал охотник.

— Ничего лучшего и желать не приходится, — отзывался барон, растянувшись на земле.

Остальные последовали его примеру.

— Что за дьявольскую дорогу ты выбрал, Берже? — сказал граф.

— Отличная дорога, господин Луи, хоть и трудная, — ответил Берже. — Вряд ли найдется хитрец, который отыщет на ней следы.

— Вы правы, но все равно нам придется спуститься вниз. Нельзя же все время идти по этой дороге. Мы ведь не козы, — потягиваясь, произнес барон.

Канадец лишь улыбнулся:

— Не бойтесь, сударь, спускаться нетрудно, самое страшное позади.

— Тем лучше! — облегченно вздохнул барон.

— Надеюсь, вы отдохнули, господа?

— Почти.

— Тогда пойдете! Но сначала помогите мне, пожалуйста.

Они поднялись и вместе с охотником налегли на глыбу, возле которой отдыхали.

К их великому удивлению, глыба тихонько закачалась и появился вход в подземелье.

— Вот наша дорога, — сказал охотник, — пойдете!

— Но там темно, как в холодной печи, — заметил барон.

— Не бойтесь, идите, я поведу вас с закрытыми глазами.

Они вошли в подземелье, слегка толкнули глыбу, и она вернулась на прежнее место.

Берже высек огонь, и сразу стало светло.

— Теперь мы в безопасности, — весело заявил охотник. — Здесь нас никто не найдет: ни индейцы, ни вся британская королевская армия. Еще несколько минут назад об этой пещере знал только я. Теперь знаете вы, господа, и ваши солдаты.

— Пещера, видимо, тянется далеко, — сказал граф.

— Скоро вы сами увидите, господин Луи, потому что нам придется пройти всю главную галерею.

— Куда же нас выведет эта пещера?

— На берег реки. Спешить нам некуда, время близится к полудню, не мешало бы перекусить.

С каждым шагом пещера становилась все шире, а своды все выше. Наконец они достигли просторной залы, от которой отходило несколько галерей.

В этой зале, видимо, совсем недавно кто-то был.

В углу валялись звериные шкуры, на стене висел большой кусок оленины и початый медвежий окорок. Там и сям валялись всякие мелкие предметы, нашлось даже топливо.

Подбросив дров в очаг, вырытый в центре залы, охотник поджег их и погасил факел. Свет теперь проникал через невидимые щели для циркуляции воздуха.

— Уверен ли ты, Берже, что никто больше не знает об этой пещере?

— Конечно, уверен, — спокойно ответил канадец, занятый приготовлением еды.

— А шкуры в углу, окорок на стене, дрова? Откуда они?

— Все это притащил я, прежде чем вас сюда привести.

— Это несколько успокаивает, и все же...

— И все же вы беспокоитесь?

— Несмотря на все мое уважение к тебе, я...

— Господа, к этим утесам индейцы близко не подойдут, они верят в то, что здесь водятся злые духи.

— Индейцы верят в нечистую силу?

— Да, они очень суеверны.

— А выход к реке?

— Снаружи его не видно.

— Ладно, в таком случае давайте завтракать.

— Это самое лучшее, тем более что все готово.

— Как вам удалось обнаружить эту пещеру? — спросил барон, с завидным аппетитом поглощая еду.

— Очень просто, сейчас расскажу, хотя вряд ли вам это будет интересно. Пять лет назад я охотился вместе с другом, и мы в погоне за ланью очутились в этих местах. Подраненная лань искала спасения между утесами. Мы уже почти настигли ее, когда вдруг раздался ужасный рев и я увидел шагах в десяти огромного медведя, самого свирепого зверя пустыни. Я закричал, чтобы предупредить друга об опасности, но было поздно, медведь бросился на него. Мой друг выстрелил в упор. Я поспешил на помощь. Охотник и зверь катались по земле, борясь не на жизнь,

а на смерть. Я выстрелил, рискуя попасть в друга, но, к счастью, угодил медведю в глаз и бросился вперед. Мой бедный товарищ, страшно изуродованный, бился в предсмертных судорогах рядом с мертвым зверем. Он только успелжать мне руку и испустил дух.

Бродя вокруг этого злополучного места, я случайно наткнулся на пещеру, она, видимо, служила берлогой медведя, потому что в этой самой зале везде валялись груды костей. Я решил похоронить друга у входа в пещеру и, когда рыл могилу, вдруг обнаружил, что гранитная глыба вертится и одному человеку под силу сдвинуть ее с места.

Потом из разговоров с вождями племен, которые обычно располагаются лагерем в этих местах, я понял, что им неизвестно о существовании этой пещеры. Кроме того, места эти они считают нечистыми. Теперь я вам все рассказал.

— Печальная история! Как ужасно погиб ваш друг! Вам, наверное, тяжело об этом вспоминать?

— В пустыне почти все так умирают, — с грустью говорил Берже. — Если не скальпируют и не убьют индейцы, сожрут звери. Такая смерть ничуть не хуже любой другой.

— Не будем об этом думать, — сказал граф. — Поговорим лучше о наших делах.

— Как вам угодно, господин Луи.

— Мы с бароном до сих пор предоставляли тебе вести дело по собственному усмотрению, ни во что не вмешиваясь. Главное заключается в том, чтобы не привлекать к нам внимания и не возбуждать подозрений, и с этим ты прекрасно справлялся. Если не случится ничего непредвиденного, успех нашей экспедиции, я считаю, обеспечен. Но не думаешь ли ты, что пора мне принять на себя командование и завершить то, что ты так хорошо начал?

— Как вам угодно, господин Луи.

— Тем более что мне хочется поскорее покончить с этой экспедицией... Я дал клятву... Мой брат еще не отмщен. Ты это знаешь, Берже!

— Да, знаю. И вы должны выполнить свою клятву. Я действовал по вашему приказанию и не желаю ничего лучшего, как вернуться к своим обязанностям проводника и помогать вам также во всем остальном по мере своих сил и возможностей. Ведь я предан вам душой и телом.

— Я это знаю, мой друг. И никогда не сомневался в твоей преданности.

— Я знаю вашу семью. От отца к сыну переходят справедливость и доброта. Поэтому поступайте, как считаете нужным.

— А теперь сообщи мне все, что знаешь, о тех, на кого мы собираемся напасть.

— Прежде всего это здоровенные парни. Английские охотники, как и мы, привыкли к жизни в пустыне, знают все индейские хитрости, свою храбрость доказали на деле, для них нет ничего невозможного.

— Судя по твоим словам, это вполне достойные враги. Биться с ними — одно удовольствие.

— Я говорю чистую правду. Ненависть не должна делать нас несправедливыми к противникам. С ними будет немало хлопот, уверен. Только хорошо зная врага, можно рассчитывать на победу.

— Все это верно. А теперь я хотел бы узнать, как велик вражеский отряд. Не сообщишь ли некоторые сведения на сей счет?

— Конечно, господин Луи. Их всего восемьдесят человек.

— Нас намного больше.

— Это не так важно. Обороняться лучше, чем наступать.

— Мы постараемся лишить их этого преимущества.

— Не так это просто. Английским отрядом командует метис по имени Парящий Орел, всю жизнь он прожил в пустыне. Мало кто из нас может сравниться с ним в хитрости.

— Не скромничай, мой друг. Я убежден в обратном. Не сомневаюсь, что ты мог бы его перехитрить.

— Вряд ли. Одно могу сказать, я сделаю все, что в моих силах.

— Знаю. И ни о чем больше не прошу. А много товаров они везут?

— Много. Поэтому им придется защищать не только себя, но и свой обоз.

— Прекрасно. Когда они приблизятся к нам?

— Дня через два, не позднее.

— Этого более чем достаточно, чтобы приготовить им достойную встречу. Найти подходящее место для засады. Если хочешь, вместе поищем.

— Я жду приказа.

— Может быть, лучше всего захватить их ночью, на бивуаке?

— Отлично. И как это мне самому не пришло в голову? Непременно обсудим ваш план.

— В таком случае давайте отправимся прямо сейчас.

— Когда хотите, господин Луи, — ответил охотник, поднимаясь. — По крайней мере, у нас будет много времени, чтобы осмотреть местность, где, возможно, придется действовать.

— Ты настоящий солдат, — сказал капитан. — Ну, шагом марш! Беру тебя на службу и обещаю быстрое продвижение.

Берже пошел вперед по боковой галерее, остальные следом за ним. Дорога все время петляла и шла на спуск, образуя лабиринт, из которого путники без проводника ни за что не выбрались бы.

Так шли они почти час и вдруг увидели свет.

— Мы прибыли! — сказал канадец.

Он углубился в соседнюю пещеру и вскоре снова появился с веслами в руках, которые передал солдатам, затем принес легкую пирогу из березовой коры — такими пользуются индейцы.

— Теперь все! — сказал он. — Идите очень осторожно, шагах в десяти от меня.

Спуск становился все круче, мокрая земля была скользкой.

Наконец канадец остановился, опустил лодку на воду и сказал:

— Садитесь!

— А где же выход из пещеры?

— Я отыщу его, не беспокойтесь.

Все четверо сели в лодку.

— Ложитесь на дно и не поднимайте головы. Легли?

— Да, — ответил барон, — только очень неудобно.

— Придется потерпеть минут десять.

— Что ты делаешь? — спросил граф, видя, что канадец раздевается.

— Как видите — раздеваюсь.

— Зачем?

— Не беспокойтесь, все идет отлично. Да поможет нам Бог! А теперь держитесь!

Раздался всплеск, и пирога двинулась, словно подталкиваемая невидимой рукой, все время набирая скорость.

К ужасу молодых людей, свод становился все ниже и вскоре был уже всего в нескольких дюймах от пироги, готовый придавить ее. Путники при всей своей храбрости затрепетали от страха и даже закрыли глаза.

— Ну, как вам нравится такая прогулка? Да вы, кажется, уснули?

Веселый голос вывел молодых людей из оцепенения.

Они открыли глаза и не могли сдержать возгласа радости, увидев над головой голубое небо.

Пирога стояла на реке неподалеку от островка, где Берже, красный как рак, одевался.

— Возьмите меня, пожалуйста, в лодку, — сказал он, смеясь.

Вскоре пирога причалила к острову, Берже сел в нее и, отряхиваясь, проворчал:

— До чего холодная вода!

— Я что-то не пойму, как мы прошли, — сказал барон. — Нигде не видно прохода.

— Он хорошо скрыт кустами и поднимается над водой всего на два с половиной фута.

— Я думал, конец нам, — с улыбкой произнес граф.

— Я тоже, — подхватил барон.

— Когда я впервые здесь проходил, у меня было такое же ощущение, а потом привык. Это все равно что принять холодную ванну.

Солдаты молчали, но все еще были бледны.

Берже сел на корме, у гребня, и пирога быстро заскользила по воде.

Бивуак англичан

Ночь была безлунная, темная.

По ущельям гулял ветер, пригибая к земле деревья, вырывая их с корнем.

О таких зловещих, исполненных ужаса ночах в Старом Свете не имеют понятия.

В минуты затишья вдруг слышался не то хохот, не то вой волков.

У подножия высокого, лишенного растительности холма расположился лагерем многочисленный отряд путешественников. Они жались друг к другу, сидя вокруг костра, в красноватых отблесках пламени, и готовили ужин.

Их было человек восемьдесят. Путники соорудили из тюков заграждение и вместе с лошадьми укрылись от пронизывающего ветра.

Кроме двух часовых, все были заняты обычными на стоянке делами: чисткой лошадей, рубкой хвороста.

Немного в стороне за отдельным костром тихо беседовали четверо путников, неистово дымя трубками.

Одетые в коленкоровые блузы, панталоны ниже колен, индейские мокасины и меховые шапки, они выглядели охотниками или откупщиками-метисами.

Грубые лица, свирепый взгляд, сиплый голос, отрывистая речь. Особенно был похож на лесного бродягу самый высокий и самый старший. Он как раз и говорил в то время, о котором пойдет речь. Остальные слушали его очень внимательно и с почтением, видимо, он был у них главным.

— Ну вот! — сказал он, выбивая пепел из трубки. —

Дело идет на лад. Мы уже близко. Через десять дней будем на месте.

— Не очень-то быстро мы едем, — ответил другой. — Проклятое путешествие. Надоело.

— Вечно ты куда-то спешишь, Опоссум, — произнес первый насмешливо. — Послушать тебя, так можно подумать, что мы едем целую вечность.

— Вечность не вечность, а семьдесят семь дней в пути. Пробирайтесь по звериным тропам и бездорожью, быть все время настороже, опасаться засады! Приятное путешествие, нечего сказать! Ты просто невзыскателен, старина!

— Ах! — презрительно произнес первый спутник. — Храброму охотнику нить и жаловаться! Рисковать, постоянно подвергаться опасности, разве это не удовольствие? А борьба со стихией? Врагами, дикими хищниками, ураганами, да мало ли с чем? Какое счастье победить все препятствия и вернуться к себе в хижину.

— А главное — отдохнуть, — добавил тот, кого звали Опоссум. — Ты прав, Парящий Орел, но, увы, не всем удастся вернуться домой. Вспомни, какие груды человеческих костей мы видели на дороге, под копытами наших лошадей. Сколько отважных охотников погибло в пустыне! Вспомнил ли о них кто-нибудь? Об их славных делах? Нет, никто.

— Все люди смертны, — заявил Парящий Орел. — Лучше пасть в бою, чем умереть старым, никому не нужным, так что не болтай вздор.

— Что об этом толковать, — продолжал Опоссум, которому нечего было возразить. — Дай Бог, чтобы наше путешествие окончилось благополучно.

— Разве ты сомневаешься в успехе нашей экспедиции? — быстро спросил Парящий Орел.

— Кто знает, что случится за оставшиеся десять дней.

— Это верно, но главные трудности позади. Зачем же предрекать беду?

Опоссум покачал головой и сказал:

— У меня дурное предчувствие, и с этим ничего не поделаешь.

— Я никогда не видел тебя таким.

— Это сильнее меня, брат. Мы отправились в путь в пятницу, да еще тринадцатого. Как раз в момент выступления над нами пролетели три вороны. Это плохие предзнаменования.

Парящий Орел задумался, но через минуту вскинул голову и сказал:

— К дьяволу всякие предсказания! Выбросим их из головы! Поужинаем и спать ляжем, чтобы собраться с силами на завтра!

— Согласен. Только я сказал чистую правду... Вспомнишь мои слова...

— Опять ты за свое! — крикнул Парящий Орел. — За-молчи!

— Хорошо, ничего больше не скажу, если тебе не нравится, даже думать об этом не буду.

— И правильно сделаешь. А то от твоих разговоров и спятить недолго. Горе зверя может убить. Веселье — залог победы.

И он передал тыкву-горлянку Опоссуму. Тот стал медленно пить без удовольствия. Два других охотника, завернувшись в плащи, спали, как убитые. Тогда Опоссум наклонился к другу и, понизив голос, сказал:

— Послушай, старина, меня не обманешь, веселье твое напускное. На самом деле и у тебя на душе кошки скребут. Ведь правда? Признайся!

Парящий Орел изо всех сил пнул ногой скатившуюся из костра головешку.

— С чего ты взял, черт тебя побери?! — буркнул он.

— Догадался. Когда два человека десять лет живут бок о бок в пустыне, они ничего не могут скрыть друг от друга. Но, может быть, ты мне не доверяешь? Говори же, что с тобой?

Наступило молчание. Парящий Орел наконец справился с волнением и с невозмутимым видом, присущим охотникам и индейцам, сказал:

— Да, кое-что тревожит меня. Это правда. Что дальше?

— Ничего... — ответил Опоссум. — Приятно слышать, что я угадал. Ты вправе хранить свои тайны, как я — по-верять свои тебе.

— Нет, ты умеешь проникать в самую глубину моего сердца, и в этом все дело.

— Одному тяжело хранить тайну, вдвоем куда легче.

— Ты знаешь, в чем дело, точнее, догадываешься. Позволь же мне сказать.

— Я слушаю, говори.

— Как ты уже сказал, мы отправились в путь при самых неблагоприятных обстоятельствах. Предзнаменова-

ния, к сожалению, сбылись. Мы потеряли десять наших товарищей, пять лошадей утонуло, мы испытали голод, жажду, на нас обрушился ураган. Казалось, сама природа встала против нас. Ты знаешь, с каким трудом мы добрались сюда.

— И то благодаря твоей энергии и знанию пустыни.

— Допустим. Но то, что мы пережили, пустяки в сравнении с будущими бедами.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Что самого страшного врага мы еще не видели.

— Кого ты имеешь в виду?

— Ты знаешь его не хуже меня, потому что не раз схватывался с ним.

— Бесследный?

— Я мог и не называть его. Да, Бесследный. Этот проклятый канадец! Уверен, что он напал на наш след.

— Неужели он посмеет напасть на нас в самом центре английских владений, неподалеку от населенных местностей?

— Для Бесследного нет преград. Им движет ненависть к нашему народу, особенно ко мне. Впрочем, я плачу ему той же монетой.

— Это я знаю. Но если он на нас нападет...

— Мы погибли! — перебил его Парящий Орел. — О сопротивлении и думать нечего.

— Ты, видно, рехнулся?

— Нет, я в здравом уме. Потому и говорю так. Мы потеряли пять лошадей, верно?

— Увы, да. Но при чем тут лошади?

— А вот при чем. Вместе с лошадьми утонули боевые припасы, пуль осталось по десять на каждого, много пороха израсходовано во время охоты. Это страшнее всяких предзнаменований.

— Да, это очень серьезно. Но ведь неизвестно, обнаружил ли проклятый канадец наши следы и замышляет ли он нападение, — возразил Опоссум.

— Он словно волк бродит вокруг стоянки.

— Откуда ты знаешь? Ведь Бесследный не оставляет следов.

— Я видел следы его спутников.

— Положение критическое. Что же делать?

— Сам не знаю. А ты как поступил бы на моем месте?

— Сражался бы до последней капли крови!

— Я не о том... Неужели ты считаешь меня трусом, способным сдаться без борьбы? Тем более что мы с таким трудом довели сюда наш груз. Но тяжело погибать без надежды на отмщение, быть убойной скотиной.

— Ты прав, но, может быть, не все еще потеряно?

— Что ты имеешь в виду, говори!

— Надо рискнуть. Хотя из ста шансов у нас один.

— Пусть так.

— В двадцати милях к западу на границе индейских земель стоит первый английский пост.

— Дальше!

— Для хорошей лошади это пустяковое расстояние. Разбуди людей, пусть хорошенько укрепят лагерь и в случае нападения защищаются до последнего.

— Так я и хотел сделать.

— А ты тем временем отправь в форт надежного человека за подкреплением. Через два, максимум через три дня помощь подоспеет. Такое время ты, надеюсь, выдержишь.

— Если даже останусь один. Разумеется.

— Нравится тебе такой план?

— Очень. Но кто согласится скакать в форт?

— Я, если хочешь.

— Ты? Но ведь это огромный риск!

— Ради товарищей я на все готов. Заодно проучу этого дьявола Бесследного.

— Э! — произнес вдруг кто-то. — Здесь, кажется, говорят обо мне? — Этот насмешливый голос прозвучал в ушах друзей похоронным звоном. Они обернулись и, к ужасу своему, увидели Берже, небрежно опиравшегося на ружье.

Очень довольный произведенным эффектом Берже произнес:

— Добрый вечер! Благополучно ли добрались? Вы, кажется, не очень рады моему появлению? Где же ваше гостеприимство?

Застигнутые врасплох Парящий Орел и Опоссум оправились от испуга, и Парящий Орел как ни в чем не бывало обратился к канадцу:

— Если вы пришли с добрыми намерениями, милости просим, садитесь!

— Благодарю, — отвечал канадец, но садиться не стал. — Я пришел почти как друг, клянусь честью!

— Что значит «почти»? — спросил Оппоссум.

— В качестве парламентаря.

— Как это понимать?

— Как сказал, так и понимайте. Согласны вы выкурить со мной трубку совета?

— Объяснитесь, пожалуйста!

— Отвечайте прямо, без уверток. Хотите вы мира или войны?

— Ладно, давайте выкурим трубку совета. Жизнь ваша вне опасности. Вы можете, когда пожелаете, свободно уйти.

— Об этом не беспокойтесь. Я не стану спрашивать у вас разрешения.

Берже сел на камень, поставил ружье между ног, достал из-за пояса трубку, набил табаком и закурил с тем пренебрежительным видом, которого не менял со времени своего появления здесь.

Английские охотники хорошо знали индейские хитрости и были уверены, что Берже не вел бы себя так дерзко, если бы не рассчитывал на поддержку. И хотя ничто не свидетельствовало о близости неприятеля, охотники согласились с деланным равнодушием вступить в переговоры с противником.

— Мы готовы вас выслушать, — сказал Парящий Орел, — но прежде позвольте поздравить вас с тем, как ловко вы к нам проникли. Недаром вас прозвали Бесследным.

— Боже мой, — добродушно ответил канадец, — вы преувеличиваете, потому что не знаете, как все произошло.

— Это верно, однако...

— Я считаю своим долгом сообщить вам подробности. Взгляните на часовых.

— Ну и что?

— Их давным-давно сменили французы, отличные парни, с которыми, надеюсь, вы скоро познакомитесь.

— Как! — вскричал Парящий Орел, порываясь встать. Но Берже положил ему руку на плечо, заставив остаться на месте.

— Не беспокойтесь, вашим часовым не причинили никакого вреда, только потеснили немного.

— Вы сущий дьявол! — прошептал охотник в отчаянии.

— Ну, ну! Успокойтесь, я продолжаю! Вы сказали своему другу, что ваш лагерь почти неприступен. Согласен.

— Прекрасно!

— И все же вы ошибаетесь.

— Почему?

— Черт побери, это же ясно. Вы расположились у холма, который считаете неприступным. Но на нем есть тропинка, пусть узкая, крутая, но все же преодолимая. И вот вам доказательство, взгляните в ту сторону...

Берже жестом указал на холм.

— Костер! — пораженные, вскричали охотники.

— И притом яркий. Нетрудно разглядеть сидящих вокруг него людей.

— Да, вы настоящий дьявол, — в бешенстве повторил охотник, подскочив на месте.

— Я не дьявол, — возразил канадец. — Я лесной бродяга и хорошо знаю пустыню.

— К чему вы клоните?

— Сейчас объясню. Слушайте меня внимательно. За каждым из часовых, теперь уже моих, а не ваших, стоят двадцать хорошо вооруженных воинов, по моему сигналу они готовы напасть на ваш лагерь. На холме находится шестьдесят воинов, им ничего не стоит перестрелять вас, как голубей, причем без всякого риска. Командуют войсками два французских офицера, прибывшие из форта Дюкен.

— Французские офицеры?

— Ну конечно! Взгляните, некоторые ваши охотники просыпаются. Прикажите им не вмешиваться в наши дела и хранить спокойствие, так будет лучше и для вас, и для них.

Парящий Орел сделал знак Опоссуму, и тот пошел к охотникам, уже собравшимся взяться за оружие.

— Давайте кончим наш разговор! — сказал Парящий Орел, понизив голос.

— Охотно. Вы же знаете, что всякая попытка к сопротивлению с вашей стороны была бы безумием. У вас не хватает боеприпасов, вы сами сказали. Итак, мне поручено предложить вам сложить оружие и передать нам весь груз.

— А затем? — спросил охотник.

— Вы будете признаны военнопленными, пройдете с нами до Красной реки, и мы вас отпустим.

— Это все, что вы хотели предложить?

— Да.

— А если мы откажемся?

— Тогда пусть прольется кровь, она падет на вашу голову!

— Твоя кровь, дьявол, будет пролита первой, — крикнул Парящий Орел, словно тигр бросаясь на канадца.

Но Берже, зная ненависть и храбрость врага, был все время начеку.

Он быстро отскочил назад и вскинул ружье на плечо.

— Предатель! — крикнул он. — Сюда! Ко мне!

Раздался выстрел, и Парящий Орел с пробитым черепом рухнул на землю.

Лагерь был окружен. Сидевшие в засаде воины ринулись на англичан. Охотники побросали оружие и сдались без боя.

Опоссум не захотел пережить друга и, сраженный пулей, упал рядом с ним.

Все произошло с удивительной быстротой, всего за каких-нибудь десять минут.

На рассвете граф де Виллье приказал похоронить убитых, после чего караван двинулся к форту Дюкен.

Восемнадцать дней спустя граф де Виллье вступил в форт Дюкен. В награду за успешное завершение экспедиции он попросил де Контркера сдержать данное обещание и не оставить без отмщения смерть графа де Жюмонвилля, его брата.

Похищение возлюбленного

Однажды утром, на заре, граф де Виллье вышел из форта Дюкен вместе с Золотой Ветвью. На нем была охотничья одежда, в руке — небольшое охотничье ружье.

Он направился к Красной реке.

Ружье граф взял с собой только для вида. Об охоте он и не помышлял. Появись перед ним самая великолепная лань, он не стал бы ее убивать.

Прошло целых четыре дня с момента возвращения экспедиции в форт. И все это время у графа не было ни одной свободной минуты.

Вот почему, освободившись, он взял ружье, будто собрался на охоту, и решил заняться наконец своими личными делами.

Пройдя около часа вдоль берега реки, капитан свернул вправо и углубился в лес.

Он направился к хижине Изгнанника.

Ему хотелось повидаться с Анхелой, прелестной дочерью Жана-Поля, ведь они так долго были в разлуке. Граф любил ее страстно, безумно, разлука не усилила его любовь, нет, это было просто невозможно, но окружила ореолом, постоянно вызывая воспоминания о трогательной наивности девушки, чистой как дитя. Кроме того, граф не мог не тревожиться о судьбе своей возлюбленной. Отец, единственный ее защитник, часто отлучался из дома, надолго оставляя дочь одну. Хотелось также графу встретиться с самим Изгнанником, чтобы выяснить, почему Жан-Поль так странно вел себя во время их последней

встречи на острове. Ведь они были друзьями. Объяснение Берже не удовлетворило графа.

Молодой человек невольно ускорил шаг и вскоре, к своему удивлению, очутился у хижины, хотя, по его расчетам, должен был за это время пройти всего половину пути.

Он огляделся: все было спокойно.

— Мы, кажется, у цели, — произнес Золотая Ветвь, переводя дух. — Слава Богу! Ведь не шли, а бежали!

— Подожди меня здесь, отдохни, — сказал граф, не слыша ни одного слова из того, что говорил солдат. — Я скоро вернусь.

— Да вы не спешите, капитан, я пока трубочку выкурю.

И солдат с удовольствием бросился на траву.

— Все дело тут в женщине, — прошептал он. — Так бегать может только влюбленный. Но, в конце концов, это личное дело капитана. А малютка прехорошенькая.

И очень довольный тем, что догадался о причине несколько странного поведения капитана, солдат расхохотался и закурил трубку.

Граф тем временем отворил калитку и направился к хижине. К его удивлению, дверь оказалась заперта.

На стук никто не ответил.

Оглядевшись, граф заметил, что окна не только закрыты, но еще и заколочены изнутри. Вошел в конюшню — кормушка затянута паутиной. Ни сена, ни соломы для подстилки — ничего нет. Даже куры исчезли. Вокруг мертвая тишина.

Все говорило о том, что обитатели давно покинули свой дом.

На берегу маленькой речки граф не увидел пироги, не плескались утки в зеленоватой воде.

Молодой человек в отчаянии бросился на скамью, стоящую у дверей, тоска сжала сердце.

Что случилось с Анхелой? Может быть, отец взял ее с собой в далекое путешествие? Или же бросил все и уехал, спасаясь от преследования?

На все эти вопросы граф не находил ответа.

Он вспомнил, как на последнем свидании сообщил девушке о своем отъезде, а она сказала, что, возможно, встретится с ним в пути. Допустим, Анхела уехала на неделю-другую, но зачем ей было совсем покидать хижину? Что могло грозить ей, затерянной в этом огромном мире девочке? И потом, она никогда не оставила бы свой дом в та-

ком запустении. Наверняка с ней случилось несчастье. Но какое?

— Боже мой! — по некотором размышлении вскричал капитан. — А что, если она умерла?

Он никак не мог отделаться от этой ужасной мысли, уронил голову на грудь и сидел неподвижно, подавленный горем.

Это продолжалось недолго. Несчастье либо сразу убивает, либо придает мужества и удесатеряет энергию. Граф встал, устремил к небу сверкающий взор и решительно проговорил:

— Это невозможно. Бог не допустит, чтобы одно из его самых прекрасных творений погибло! Анхела жива! Я уверен...

Граф медленно обошел сад, где не раз гулял с девушкой, вспоминая каждую мелочь; там он сорвал цветок, здесь отвел ветку от Анхелы, немного дальше девушка бросила корм птицам. Их гнездо находилось в чаще неподалеку. С прошлого сезона оно пустовало, а сейчас граф там нащупал цветы, от которых почти ничего не осталось. Но граф узнал их. Это были те же самые цветы, которые молодой человек, уезжая, оставил своей возлюбленной на память. Как они сюда попали? Граф поднес цветы к губам и увидел выпавший листок. Он подхватил листок на лету и быстро пробежал глазами:

«Вы уехали, теперь я, увы, уезжаю. Не знаю, когда вернусь. Вы непременно приедете, потому что любите меня. Но я не смогу вас поздравить с благополучным возвращением. Побывайте в тех местах, где мы с вами бродили, говорили о нашей любви. В гнездо бедных птенцов, которых мы с вами кормили, я кладу свое сердце. Я вас люблю и, что бы ни случилось, надеюсь на встречу с вами. До свидания!

Анхела».

Без конца прижимая листок к губам, граф с пылкостью влюбленного подобрал выскользнувшие из рук цветы, завернул их в листок и спрятал на груди.

Сказав последнее «прости» хижине, граф с чувством сожаления вышел из-за ограды и вернулся к Золотой Ветви.

Солдат так и уснул с трубкой в зубах.

— Вставай, ленивец! — сказал граф. — Вставай же! Ты, видно, забыл, что мы собрались на охоту!

— А разве охота еще не закончена? — насмешливо

спросил солдат, зевая так, что едва челюсть себе не вывихнул. — Я даже слышал выстрелы.

— Что это значит, негодяй?

— Ничего, господин капитан, — ответил, вставая, солдат. — Просто я еще глаза не протер.

— Надеюсь, ты хорошо отдохнул? Пойдем же!

— Пойдемте, господин капитан. Только позвольте спросить, куда?

— К форту, а по дороге будем охотиться.

— Берегись, дичь! Спасайся! — шутя произнес солдат. — Я пока без добычи. А вы, господин капитан?

Они отправились в путь, но капитану сейчас было не до охоты. Он погрузился в мечты. Напрасно старался Золотая Ветвь его разговорить, молодой человек лишь молча кивал головой, а ружье так и висело у него на плече.

— Забавная, однако, охота, — ворчал старый солдат. — Так и вернемся назад с пустыми руками. Сюда бежали, обратно тоже несемся.

Они уже достигли опушки леса и собирались выйти на берег Красивой реки, как вдруг из-за деревьев выскочили человек двадцать и окружили их плотным кольцом.

С виду нападавших можно было принять за индейцев.

— Оказывается, хорошая будет охота, — проговорил Золотая Ветвь.

Он взвел курок. Граф прислонился к дереву, готовый защищаться.

Прошла целая минута. Наконец вперед вышел один из краснокожих, точнее, выдававших себя за краснокожих, и, почтительно поклонившись графу, на чистейшем французском сказал:

— Сдавайтесь, капитан! Вам никто не причинит вреда. Надеюсь, вы понимаете, что всякое сопротивление бесполезно.

— Человек с сердцем, господин своей жизни! Я не сдамся презренным бандитам! — ответил граф.

— Нам приказано взять вас живым.

— Попробуйте, — ответил граф и крикнул Золотой Ветви. — Беги!

— Мы вместе умрем, господин капитан, лучше смерть, чем позорное бегство. Я...

— Беги, приказываю тебе. Иначе некому будет отомстить за меня, если я умру, или освободить из плена.

— Не смею нарушить вашего приказа, капитан. Бегу.

— Взять его!

— Взять? Меня? Золотую Ветвь, парижанина? — посмеиваясь, произнес солдат. — Нет, господа, это вам не удастся. До скорого свидания, господин капитан!

С этими словами храбрый солдат ринулся на врагов, в упор выстрелил, раскручивая ружье над головой, пробил-ся через неприятельские ряды и с торжествующим криком исчез.

Враги хотели броситься вслед за ним, но командир остановил их.

— Вы не сумели схватить этого человека, когда он был в ваших руках, а теперь оставьте его в покое. Он не опасен для нас.

Граф продолжал неподвижно стоять, держа палец на взведенном курке.

— Капитан, — промолвил вражеский начальник. — В последний раз говорю вам, сдавайтесь!

— Нет! — коротко ответил граф и прицелился врагу прямо в сердце.

— Берегитесь! — крикнул начальник вражеских воинов.

— Лучше вы сами поберегитесь. Я держу вас на мушке. Кто осмелится напасть на меня?

— Это ваше последнее слово?

— Да.

— Что же, будь по-вашему. — И начальник махнул рукой.

Тотчас же сильным ударом было выбито ружье из рук графа, а сам он повален на землю. Это с дерева прямо на него прыгнуло два человека. Не успел граф опомниться, как был крепко связан.

— Подлые трусы! — кричал граф. — Предатели!

— Вы сами, капитан, вынудили нас действовать таким образом. Впрочем, в нашей хитрости нет ничего неблагоприятного. Мы не пролили крови, только выполнили возложенное на нас поручение. Теперь вы наш пленник.

Граф не удостоил ответом эти произнесенные с насмешкой слова.

— Обещайте мне не совершать попыток к бегству, не нападать на нас, не сопротивляться, когда вам будут завязывать глаза, и я велю освободить от веревок ваши руки.

— Кто вы такие? Индейцы так не разговаривают с пленными.

— Не все ли равно, кто я. Ответьте лучше: принимаете вы мои условия?

— Ни в коем случае! Я вас узнал. Вы — француз, изменивший родине и королю! С таким негодяем у меня не может быть ничего общего! Делайте со мной, что хотите!

Начальник нахмурился, но сдержал гнев и очень спокойно сказал:

— Напрасно вы оскорбляете меня в ответ на проявленное к вам уважение, вместо того чтобы принять мои условия. Путь предстоит долгий, нам придется класть вас, как мешок, поперек лошади. Ведь это мучение.

— Лучше мучение, чем сделка с вами. Вы можете пытаться меня, даже убить, но все равно ничего не добьетесь.

— Вы сами вынуждаете меня на бессмысленную жестокость.

— Я не произнесу больше ни слова, делайте что хотите!

Начальник что-то шепнул одному из воинов. Тот надел графу на голову блузу, чтобы он ничего не видел. Затем графа подхватили за голову и за ноги, положили на некое подобие носилок и понесли. В каком направлении, этого граф не мог определить.

Переход длился несколько часов. Когда он закончился, раздался пронзительный свист и почти тотчас же графу развязали глаза и руки.

Первым делом граф огляделся, но местность была ему незнакома: узкое ущелье между двумя горами, сплошь покрытыми лесом.

Солнце садилось.

Похитившие капитана люди, одетые индейцами, разбились на группы, развели костры и принялись готовить ужин.

Со всех сторон были расставлены часовые.

Капитан лишь вздохнул, убедившись в полной своей беспомощности.

К нему подошел начальник, поклонился и с затаенной иронией сказал:

— Вы, должно быть, проголодались, сударь, не хотите ли подкрепиться?

Граф ничего не ответил и отвернулся.

Тогда по знаку начальника графу принесли кусок оленины и фляжку с пивом и поставили на носилки, где он лежал.

Молодой человек с самого утра ничего не ел и буквально умирал с голоду, однако, верный себе, к еде не прикоснулся, отшвырнув ее далеко в сторону.

Начальник, озадаченный, с удивлением посмотрел на пленника.

Следы

В тот же день, часов около двух, на берегу Красивой реки, на скале, у костра сидели двое и вели беседу.

Скала эта находилась в четверти мили от форта Дюкен.

С нее хорошо были видны стены крепости, над которой развевался флаг с изображением белой лилии, и открывался великолепный пейзаж.

Эти двое были канадец Берже и Чуткое Ухо. Они заканчивали свою скромную трапезу, состоявшую из ими же наловленной рыбы, водки и пива.

Видимо, разговор они вели о вещах весьма интересных и притом веселых, потому что то и дело покатывались со смеху. Говорил в основном Чуткое Ухо, которого Берже слушал с видимым удовольствием.

— Мне просто повезло, начальник, что я встретил вас как раз в ту минуту, когда вы уже собирались переправиться через реку. Признаться, я не рассчитывал на такую удачу.

— А ведь я вас искал, — ответил индеец, кланяясь.

— Значит, дело здесь вовсе не в провидении, как я предполагал, вы хотели меня о чем-то спросить?

— Нет. Просто соскучился.

— Благодарю, начальник. Итак, англичане взбешены случившимся?

— Они ревут, как старые бабы.

— Да и с чего бы им веселиться, начальник. Мы отняли у них столько богатых товаров и как раз в ту минуту, когда они уже считали себя в безопасности.

— Они поклялись отомстить.

— Тем лучше. Мы дали такую же клятву. Заговорят ружья, а там видно будет, чья возьмет.

— Они набирают воинов.

— Пусть набирают. Это им не помешает. Бедняга Парящий Орел. Он думал, его невозможно перехитрить. Но я дал ему хороший урок. Хотя теперь это не имеет никакого значения.

— Вы убили и Парящего Орла, и Опоссума, я это знаю.

— Да, — смеясь, ответил канадец. — Но как вы узнали?

— Несколько англичан попросили приюта в моей деревне. Я был на охоте со своими молодыми друзьями. Дома оставались одни старики, и они побоялись отказать англичанам.

— Так это они все рассказали?

— Да. Ну, а что вы сделали с пленниками?

— Заперли в форте на случай, если придется обменять их на наших.

— Лучше сняли бы с них скальпы.

— Согласен, но это не в обычае у французов.

— Французы ошибаются. Только мертвый враг не опасен.

— Я это хорошо понимаю. Но французов не переубедишь. Зачем все-таки вы пришли в эти места?

— На охотничьих угодьях племени почти перевелась дичь. Я ищу другие места для охоты.

— Это я беру на себя, начальник, здесь поблизости водится много дичи.

— Недаром я рассчитывал на вас, брат.

— Взгляните, начальник, в ту сторону. В этих горах какой только нет дичи, — сказал канадец и вдруг издал возглас удивления.

— Что с вами? — спросил краснокожий.

— Посмотрите вон туда, видите что-нибудь?

— Вижу. Кто-то бежит быстрее лани, преследуемой охотниками. Это воин из форта.

— Я узнал его. Пойдемте скорее, начальник, надо узнать, что случилось.

— Зачем?

— Это необходимо. Солдат находится в услужении у человека весьма уважаемого. Уж не случилось ли несчастье с его сподвижником?

— Тогда пойдем, — сказал индеец, взяв в руки ружье и следуя за Берже, уже спускавшимся по склону.

Берже не ошибся. Это и в самом деле был Золотая Ветвь. Он не бежал, а летел, не касаясь земли. Нестрах гналого, отважный солдат не боялся ничего на свете, он спешил в форт, чтобы организовать своему капитану, захваченному в плен, помощь.

Вдруг дорогу ему загородил Берже.

— Куда вы так мчитесь? — спросил он. — Хотите выиграть пари? В таком случае передохните, вы давно обогнали соперников. Ну и ноги у вас, черт побери!

— Ах, это вы, господин Берже? — задыхаясь, ответил солдат. — Рад вас видеть.

— Я тоже, но ответьте на мой вопрос, милейший.

— Дайте отдышаться сначала, все вертится у меня перед глазами.

Друзья усадили солдата, Берже протянул ему фляжку.

Золотая Ветвь стал с жадностью пить, потом вздохнул с облегчением:

— Вот теперь хорошо. Отпустите меня!

— Не спешите, милейший, сначала скажите, что случилось?

Солдат с минуту подумал, а потом ответил:

— И в самом деле, зачем спешить. Сам Бог послал мне вас. Вы спасете моего капитана!

— Господина Луи? Спасти? Что же с ним случилось? — вскричал канадец, вскакивая. — Говорите скорее!

— Сейчас расскажу в двух словах. Нельзя терять ни минуты.

Канадец и краснокожий внимательно выслушали солдата, и Берже горячо пожал ему руку.

— Вы славный малый, — сказал он. — Поступок ваш выше всякой похвалы, но успокойтесь, опасность не так уж велика. Вы знаете, как я люблю капитана, поверьте, мы освободим его из плена.

— Обещаете?

— Клянусь!

— То-то будет радость! — вскричал солдат, подбросив в воздух шляпу.

— А теперь выслушайте меня, — сказал Берже. — В настоящий момент солдаты ничем не могут помочь капитану. Нужна не храбрость, а хитрость. Потому что мы имеем дело либо с индейцами, либо с пограничными бродягами.

— По-моему, я видел индейцев.

— Знаете пословицу? «Тот, кто в рясе, не обязательно монах». Прежде всего надо отправиться к месту нападения, чтобы изучить следы. Потом пойти в форт, рассказать все, что узнали, господину де Контркеру и собраться на совет.

— Как много времени пройдет зря, — прошептал солдат.

— Вы полагаете? Но мы его навестим, не беспокойтесь. Надеюсь, вы отдохнули и теперь можно отправиться в путь?

— Еще бы! Идти нам недолго.

Несмотря на усталость, Золотая Ветвь так мчался, что Берже с индейцем, привычные к быстрой ходьбе, едва за ним поспевали.

Часа через полтора они достигли опушки леса, и солдат остановился.

— Пришли? — спросил Берже.

— Почти, — ответил Золотая Ветвь. — Осталось немного.

— Погодите, — сказал Берже, — теперь мы с начальником пойдем впереди.

— Зачем? — удивился солдат.

— Видите ли, мой друг, вы солдат и совсем не знаете пустыни, поэтому можете, сами того не желая, все так запутать, что потом нам не разобраться. Поэтому оставайтесь здесь, пока вас не позовут. Согласны?

— Как вам угодно, только, признаться, я вас не понимаю.

— Скоро поймете. Пойдемте, начальник.

Охотники, вместо того чтобы углубиться в лес, разошлись в разные стороны.

— Надеюсь, мне потом объяснят, что все это значит, — сказал солдат сам себе. Он успокоился, давала себя знать усталость, сел под деревом и закурил.

Между тем охотники, внимательно осмотрев все попадавшиеся на глаза следы и мысленно очертив круг, встретились нос к носу в месте нападения.

Следы были так отчетливы и глубоки, что сомнений на сей счет не оставалось.

Друзья обменялись мнениями, сопоставили факты и, придя к единому заключению, развели костер, набили трубки, и Берже позвал солдата.

— Ну, что скажете? — спросил Золотая Ветвь.

— Все ясно, — ответил канадец. — Сейчас выкурим трубку совета и решим, что делать. Хотите знать, что здесь произошло? Тогда сядьте и слушайте.

— Я и так знаю, — ответил Золотая Ветвь, садясь.

— Знаете, но не все. Сейчас вы в этом убедитесь. На вас напали и пешие, и конные.

— Я видел только пеших.

— Всадники, человек двадцать, находились в чаще, совсем близко отсюда. Следы до того отчетливы, что я смог сосчитать. Ваши враги долго ждали и послали вперед лазутчиков, чтобы они предупредили о вашем появлении. Пятеро из нападавших — индейцы, что тоже легко определить. Здесь были еще две женщины, они наблюдали за нападением,

сами оставаясь невидимыми. Их ножки оставили отчетливые следы вон за тем деревом... Когда капитана схватили, женщина привели лошадей, и весь отряд отправился на запад.

— Ничего этого я не видел, — сказал солдат.

— Зато мы видели. Подстерегавшие вас люди укрылись за деревьями. Среди них было семеро индейцев, восемнадцать белых. Краснокожие ходят носками внутрь, большой палец отделен от остальных четырех, ступают они с носка на пятку в отличие от белых, которые к тому же носят тяжелую обувь. Поэтому следы индейцев легко узнать. У белых были ружья, у пятерых индейцев тоже. У двух — пики, луки и стрелы. Во время нападения вы стояли вон у того дерева, шагах в пятнадцати от капитана.

— Совершенно верно! Можно подумать, да простит меня Бог, что вы все это видели собственными глазами.

Охотник с улыбкой продолжал:

— Вы бросились было на помощь капитану, но он приказал вам бежать. На какой-то момент вы остановились, потом ринулись на врагов, пробивая себе дорогу, четверых убили.

— Вы уверены?

— Один получил пулю в сердце, троих вы убили прикладом. Тела их спрятаны в кустах.

— Черт с ними! Они получили по заслугам. Но продолжайте... Я будто слушаю интересную сказку.

— От одного из врагов вы с трудом отбились, даже упали на колено.

— И это верно, — откликнулся солдат, вне себя от удивления.

— Бог помог вам спастись.

— Ну, а мой бедный капитан?

— Сейчас и о нем расскажем, не беспокойтесь. Господин Луи стоял вон у того дерева. Один из белых, переодетый индейцем, подошел к нему и предложил сдаться.

— Да, а он отказался. Именно в эту минуту капитан и приказал мне бежать, а я не захотел...

— Именно так оно и было. Переговоры с капитаном велись довольно долго. Белый уже стал терять терпение, тогда с дерева прямо на капитана прыгнули двое и повалили его.

— Откуда вы все это знаете?

— Взгляните на дерево, и вы все поймете. Капитана, обезоруженного, завернули в одеяло и крепко связали.

— О! — вскричал гневно солдат, сжав кулаки. — Пусть только попадутся мне эти негодяи, я уж рассчитаюсь с ними. Клянусь честью! А теперь продолжайте!

— Похитители соорудили носилки, положили на них пленника и вместе с всадниками отправились на запад. Вот, в общих чертах, что здесь произошло. Не исключено также, что капитану завязали глаза.

— Почему вы так думаете?

— Для похитителей было важно, чтобы пленник не видел, куда его везут. К тому же на одном из убитых вами врагов нет блузы, а в пустыне не принято мертвых обирать, особенно друзей.

— Пожалуй, вы правы. Бедный капитан! Такой храбрый! И командир прекрасный.

— А теперь надо все обсудить хорошенько и действовать. Что вы предлагаете?

— Освободить капитана и перебить всех этих негодяев.

— Мы разделяем ваше мнение. Но как лучше и легче это осуществить?

— Об этом не спрашивайте. Ради своего капитана я готов на все. Они еще узнают меня, ручаюсь!

— Тут не может быть сомнений. Но этого мало. Теперь ваша очередь, начальник, говорите!

— Чуткое Ухо, — сказал индеец, — великий начальник. Никто не скроет от него своих следов. Даже орел, парящий в небе. Чуткое Ухо поедет следам и найдет капитана. Потом вернется к другу и все ему расскажет. Тем временем Бесследный отправится в большую хижину бледнолицых и сообщит начальнику о случившемся, попросит дать ему в помощь братьев канадцев, чтобы вместе с ними пойти выручить капитана. Брать с собой бледнолицых не надо. Они храбры, но болтливы, как женщины, к тому же не умеют ходить по тропам войны в пустыне. Что скажет на это мой брат?

— Вы, начальник, человек умный, и слова ваши справедливы. Ничего лучше и не придумаешь. Итак, мы с солдатом идем в форт, а мой брат отправится по следам врага.

Чуткое Ухо поднялся и потуже стянул пояс.

— До скорого свидания, начальник, желаю успеха!

Мужчины пожали друг другу руки, индеец углубился в лес, а Берже и Золотая Ветвь поспешили к форту, куда прибыли незадолго до заката.

Их тотчас же провели к господину де Контркеру, который уже беспокоился из-за долгого отсутствия графа де Виллье и с нетерпением ждал каких-нибудь вестей о нем.

У коменданта в кабинете был барон де Гриньи, он тоже тревожился о судьбе друга.

ОХОТНИКИ

Рассказ Берже и удивил, и возмутил коменданта крепости.

Какое дерзкое нападение на одного из его офицеров, почти под самыми пушками крепости, среди бела дня!

Комендант не мог понять, что побудило этих неизвестных похитить графа.

Капитан не занимал высокого поста и никак не мог влиять на ход начавшихся событий. Может быть, бродяги ошиблись, с кем-нибудь его спутали?

Последнее предположение было наиболее вероятно и логично... Но факт остается фактом. Коменданту форта Дюкен было публично нанесено оскорбление.

В порыве гнева господин де Контркер поклялся жестоко отомстить негодяям.

Взятые графом де Виллье в плен англичане все еще находились в крепости. Вот они-то и ответят головой за его похищение. В форт «Необходимость» надо отправить парламентаря с требованием вернуть капитану свободу, в противном случае все пленники будут немедленно расстреляны.

Еще множество столь же безумных планов предложил комендант, который был вне себя от ярости.

Охотник и барон дали ему излить свой гнев, после чего Берже, переглянувшись с де Гриньи, обратился к де Контркеру.

— Извините, господин комендант, — сказал он, — но мне кажется, мы идем по ложному пути, наугад.

— Что вы хотите этим сказать? Ведь вы человек умный

и опытный, хорошо знаете эту страну. Разве вы не согласны со мной?

— Не совсем, господин комендант. Выслушайте меня, и надеюсь, мы сойдемся во мнении.

— По-вашему, дерзкое похищение капитана де Виллье не является надругательством над королевским знаменем?

— Я этого не сказал, сударь, безусловно, является. Только англичане тут ни при чем.

— Быть может, мистер Берже, вы их друг?

— Сохрани Боже! Да и вы и сами так не думаете.

— Разумеется, это у меня с языка сорвалось. Извините!

— И не только вас извиню, но и готов вам служить.

— Я очень взволнован и огорчен. Ведь недавно брат капитана, бедняга де Жюмонвилль, стал жертвой гнусного злодейства. Ясно, что наши враги ведут с нами войну, пренебрегая правами людей и элементарным человеческим уважением.

— Вы правы, сударь, я до сих пор оплакиваю брата нашего капитана и не успокоюсь, пока не отомщу за него. Но похищение капитана никак не связано с убийством его брата. Уверен, что англичане даже не знают об этом.

— Вы говорите странные вещи, Берже!

— Возможно. Но спросите барона де Гриньи, и он скажет вам то же самое.

— Совершенно верно, — с жаром проговорил молодой человек. — Мой друг попал в руки своих личных врагов.

— Личных врагов? Я вас не понимаю. У графа не может быть личных врагов, все его любят.

— Да, любят, притом слишком сильно, — продолжал барон, — отсюда все зло. Послушайте, господин де Контркер, вы меня знаете, верно? Так вот, клянусь честью, что западня была приготовлена не только для графа, но и для меня.

— Вы говорите загадками, друг мой.

— К несчастью, яснее сказать не могу. Мой долг хранить одному мне известную тайну. Уверен, что капитана похитили жалкие авантюристы, нанятые врагами моего друга. Англичане тут и в самом деле ни при чем.

— Вот видите, — произнес охотник.

— Мрак вокруг меня сгущается, друг мой.

— Я постараюсь его скоро рассеять и открыть вам всю правду.

— Я не настаиваю, дорогой де Гриньи, ваши тайны принадлежат вам. Допустим, вы правы. Но графу де Виллье от этого не легче. Даже не представляю себе, как мы можем оказать ему помощь.

— Пусть скажет Берже, если вы позволите. Он один знает, как это сделать.

— Говорите, мой друг, — обратился комендант к охотнику.

— Прошу вас, комендант, поручить это дело мне, за успех ручаюсь.

— Прекрасно сказано, Берже. Но каким образом вы собираетесь добиться успеха? Возможности наши весьма ограничены.

— Не беспокойтесь, господин комендант, дайте мне несколько канадцев, моих старых товарищей по охоте, других помощников мне не нужно, от них один вред.

— Согласен.

— Сегодня же вечером, с вашего позволения, мы и отправимся.

— Отлично! Боеприпасов и провианта берите сколько понадобится. Еще что-нибудь нужно?

— Нет, господин комендант, благодарю вас.

— Вы уверены, что освободите де Виллье?

— Головой ручаюсь.

— В таком случае все в порядке. А вы, де Гриньи, чего желаете?

— Есть у меня одна просьба, и надеюсь, вы не откажете мне.

— А! Понимаю, в чем дело. Вы хотите принять участие в экспедиции?

— Я и этот храбрый солдат.

— Золотая Ветвь, если не ошибаюсь?

— Так точно, господин комендант, — ответил солдат. — Клянусь Богом! Не моя в том вина, что я не отдал свою жизнь за капитана. Он приказал мне бежать.

— И был прав. Редко встретишь такого смельчака, как ты. Итак, дорогой де Гриньи, отправляйтесь вместе с Золотой Ветвью в экспедицию. А я здесь не буду терять времени. Как только встретитесь с де Виллье, передайте, что к его возвращению мое обещание будет выполнено. Он обрадуется.

— Благодарю вас от имени друга, господин комендант.

— А теперь, господа, прощайте... От души желаю, чтобы эта экспедиция удалась так же, как предыдущая.

— Да поможет нам Бог, господин комендант, — промолвил охотник.

— Счастливого пути и до скорого свидания!

Барон де Гриньи, Берже и Золотая Ветвь пошли готовиться к путешествию.

Охотник предпочитал покинуть форт ночью, чтобы отряд вышел незамеченным, а слух об экспедиции не успел распространиться и не дошел до английских лазутчиков.

В полночь охотники спустились в первый двор форта, беспрепятственно прошли мимо заранее предупрежденных часовых и выскользнули через потайной выход, где из предосторожности стоял сам де Контркер.

Ночь выдалась темная, моросил дождь. В форте все спали. Об экспедиции никто не узнал.

Берже, барон со своим вестовым и Золотая Ветвь шли рядом. На этом настоял охотник, опасаясь, как бы французы, предоставленные сами себе и непривычные к ночным переходам, не сбились с пути.

Они шли осторожно, в полном молчании, пока не достигли места, где произошло нападение. Было два часа ночи. Дождь лил непрерывно и все усиливался.

Французы в своих мундирах, не приспособленных для непогоды, вымокли до нитки и озябли. Но они не жаловались, не желая уронить себя в глазах охотников. А те словно не замечали ледяного дождя, лишь время от времени отряхивали с одежды воду. Войдя в лес, канадец пронзительно свистнул, что являлось сигналом к остановке, подозвал охотников и пошептался с ними.

Барон хоть и молчал, но не переставал думать о том, как проведет ночь в лесу, где с каждого листа, словно из желоба, льет вода. Однако вскоре успокоился. Охотники с удивительной быстротой и ловкостью нарезали ветвей и меньше чем за час соорудили шалаш. Другие собрали хворост и развели костер, который весело потрескивал. От мокрой одежды шел пар, окутав путешественников густым облаком.

Усталость будто рукой сняло. Усевшись вокруг костра, путешественники завели оживленный разговор.

Барон де Гриньи восхищался беспечностью охотников и в то же время их организованностью, они мгновенно выполняли любое приказание Берже. Тот в свою очередь обращался с ними в высшей степени вежливо, не позволяя себе приказного тона.

Через некоторое время несколько охотников вышли из шалаша.

Берже разостлал в углу звериные шкуры и, когда французы согрелись и просушились, заставил их лечь на эту импровизированную постель.

Проснулись они, когда уже ярко светило солнце и весело пели птицы. День обещал быть погожим.

Канадец сидел в шалаше и с задумчивым видом курил свою трубку. Заметив, что французы проснулись, он приветствовал их поклоном.

— Ну, — сказал охотник, когда французы подсели к огню, — все идет прекрасно. Вы опять выглядите свежими и бодрыми, как и подобает мужчинам.

— Наука далась нелегко, зато результаты отменные, — смеясь, произнес барон.

— Пока вы спали, я раздобыл для вас кое-какую одежду, она попроще вашей, зато в ней удобнее путешествовать по пустыне. Прошу вас, переоденьтесь!

— Вы обо всем позаботились, друг мой, — промолвил барон, пожав охотнику руку.

— Это мой долг. Что сказал бы господин Луи, не прояви я о вас заботы? К тому же вы мои гости.

Французы быстро переоделись, и Золотая Ветвь сказал:

— До чего же тепло и удобно в этом костюме, пожалуй, не захочется из него вылезать.

— Держу пари, что теперь нас никто не узнает, — добавил Смельчак.

— Для нас это очень важно, — сказал Берже, — поэтому, собственно, я и попросил вас переодеться.

— Все равно они узнают меня, когда я стану их колотить.

— А что мы будем делать сейчас?

— Завтракать. Наши товарищи поохотились ночью и принесли дичи. После завтрака и решим, что делать.

— Прекрасно. Не знаю только, куда девать эти мундиры, не нести же с собой.

— Разумеется, лишняя ноша. Я спрячу их в укромном местечке, возьмете, когда понадобятся.

Канадец аккуратно сложил мундиры, завернул в несколько оленьих шкур и перевязал.

— Теперь все в порядке, — сказал он. — Выроем яму и положим туда мундиры. Они будут в полной сохранности. Такие тайники служат охотникам кладовыми.

Пришли канадцы, поздоровались, сели у огня. После скромного завтрака все закурили трубки, и по знаку Берже начался совет.

Из уважения к барону первое слово было предоставлено ему, однако барон отказался.

— Дорогой Берже, — сказал он, — я не знаю ни страны, ни людей, которых мы преследуем. Шла бы речь о европейской войне и регулярных войсках, мое мнение могло бы что-нибудь значить. Но в данной ситуации оно бесполезно. Ваши товарищи лучше меня знают, что делать. Они пусть и говорят. Меня же считайте вашим солдатом, ничего другого я не желаю. Я готов выполнить любое ваше приказание.

Охотникам пришлось по душе слова барона, тем более что в душе они опасались, как бы молодой офицер не взялся ими командовать, что могло привести к весьма плачевным результатам.

Берже выслушал охотников и заговорил сам. Он был немногословен, и когда умолк, все наклонили головы в знак согласия.

Итак, решено было разделить на три отряда. Первый, в который войдут Берже и трое французов, отправится водой. Второй — пойдет по следам похитителей, а третий — через горы.

Двигаться все три отряда будут в западном направлении.

Местом встречи избрали каменный столб, высившийся среди голой равнины, подобно гигантскому обелиску, у группы утесов, носивших название «Белые Замки».

Вся равнина была завалена огромными камнями, которые путешественник мог принять за дольмены и менгиры.

Несколько минут спустя охотники покинули шалаш, у костра остались барон, Берже и оба солдата.

Канадец поднялся.

— Пора и нам в путь, — сказал он.

Товарищи молча последовали за ним.

Неожиданная встреча

Не будь экспедиция вызвана столь печальными обстоятельствами, барон был бы в восторге от путешествия. На каждом шагу его ждали восхитительные сюрпризы.

Берже, замечательный спутник, увлеченный и доброжелательный, охотно показывал молодому человеку этот чудесный край, один из самых богатых и красивых в Канаде.

Четверо мужчин путешествовали, словно туристы: то в пироге, то пешком по высокой траве, взбирались на горы, шли по лесам, старым, как мир, из-под ног у них выскакивала вспугнутая дичь, на которую они обычно не обращали внимания.

Места здесь казались необитаемыми. Никогда еще французы и англичане не проникали так далеко в глубь Канады.

В этой пустыне царили индейцы и их лютые враги — трапперы, соперничая с дикими зверями.

На второй день, когда они остановились на ночь, Берже стал показывать признаки беспокойства, так несвойственного этому человеку. Он то и дело пригибался к земле, уходил то в одну, то в другую сторону, принюхивался, качал головой, хмурия бровь и ударяя прикладом о землю. Барон, заинтригованный поведением охотника, с удивлением и тревогой следил за ним, но спросить ни о чем не решался. Между тем беспокойство Берже все возрастало, барон наконец решился заговорить с канадцем, но Берже его опередил.

— Господин барон, — обратился он к де Гриньи, — что-то неладно в лесу.

— Что случилось, мой друг? Признаться, я ничего не замечаю.

— Оно и неудивительно, — ответил Берже. — Ведь вы не знаете пустыни.

— Но разве деревья не похожи одно на другое, а лес не обычный лес?

— В том-то и дело, что нет, господин барон. Для того, кто знает пустыню, деревья все разные.

— Объясните же мне, в чем дело, умоляю вас! Ведь вы чем-то встревожены!

— Вы заметили?

— Надо быть слепым, чтобы не заметить.

Подошли остальные, и охотник, понизив голос, сказал:

— В этом лесу еще не был ни один европеец. Заходят сюда только индейцы да еще кое-кто из отчаянных канадцев.

— Значит, тут очень опасно?

— Вы правы. Лес буквально кишит дикими зверями. Даже туземцы его хорошенько не знают. В сезон великой зимней охоты они собираются племенами и месяца два охотятся. А так здесь никто не бывает.

— Но мы-то пришли?

— Мы — дело другое. Я выбрал эту дорогу как самую глухую и заброшенную, а потому безопасную. Здесь можно не бояться лазутчиков. Кроме того, нынче же вечером мы выйдем из леса.

— Что же вас все-таки беспокоит? Не такой вы человек, чтобы волноваться по пустякам.

— Благодарю вас, барон, вы не ошиблись. Все очень серьезно. Дело в том, что часа два назад я обнаружил следы.

— Следы? — вскричал барон.

— Да, правда, тщательно скрытые, на той же дороге, по которой идем мы.

— Это в самом деле серьезно, мой храбрый Берже. А чьи они, по-вашему?

— Впереди идут трое: двое мужчин и женщина.

— Женщина?

— Да, совсем еще юная, ее легкие шаги едва видны. Мужчины постарше. Видимо, индейцы, потому что при ходьбе делают упор на пятку. На ногах у них мокасины, вроде тех, что носят лесные бродяги. Кто они: просто путешественники или враги, — этого я пока сказать не могу.

— Ума не приложу, как быть, мой друг, — прошептал барон.

— У меня есть два предложения, — сказал Берже, — надо решить, какое лучше.

— Послушаем, что вы предлагаете.

— Можно вернуться назад той же дорогой и присоединиться к одному из наших отрядов, но это займет уйму времени.

— Я ни за что на это не соглашусь...

— Так я и думал.

— А второе ваше предложение?

— Вы втроем остаетесь здесь, а я иду на разведку. Догоню таинственных путешественников, когда они остановятся на ночь, посмотрю, что за люди, вернусь, и тогда посоветуемся, что делать. Нас четверо, и мы сумеем себя защитить. Что вы об этом думаете?

— Думаю, что план ваш выше всяких похвал, — сказал барон, — и надо немедленно привести его в исполнение.

— Прекрасно! Пока меня не будет, оставайтесь на месте, чтобы не заблудиться, не то мне придется потратить на поиски бог знает сколько времени.

— Не беспокойтесь, ваше приказание будет исполнено.

— И вот еще что. Говорите шепотом, чтобы вас никто не подслушал, и не разводите костра. А теперь до свидания! Постараюсь через час, а то и раньше, вернуться.

— Удачи вам!

Мужчины пожали друг другу руки, и охотник исчез в кустах. Барон был очень встревожен, но виду не подавал.

Когда ждешь, время тянется бесконечно долго, особенно если ты не в салоне, а в девственном лесу, к тому же впервые в жизни, если вокруг сгущается мрак и предметы приобретают причудливые очертания, со всех сторон доносятся таинственные шорохи, жалобно воет ветер, а на рассвете дикие звери дают знать о своем пробуждении зловещим ревом.

Даже храбрец чувствует, как пробегает по телу дрожь, на лбу проступает пот и волосы встают дыбом. Он стоит, подавшись вперед, всматриваясь во мрак, ловя каждый звук, держа палец на курке ружья, готовый схватиться с воображаемым врагом.

Сначала французы беседовали, шутили насчет того, как выберутся из леса, если Берже раздумает возвра-

щаться, но через два часа приуныли и умолкли. Они все теснее жались друг к другу, потом застыли, держа наготове ружья, затаив дыхание.

Вдруг между деревьями блеснул огонек, раздался веселый смех, и появился Берже.

Трое мужчин радостно вскрикнули, тихонько отодвинулись друг от друга, словно напугавшие школьники, и растянулись на земле в самых непринужденных позах.

Берже, сделав вид, что ничего не заметил, быстро подошел к французам.

— Где вы пропадали? — спросил барон, тщетно пытаясь придать своему тону беспечность.

— Разве меня долго не было? — с искренним удивлением спросил канадец. — По-моему, часа два, не больше.

Барон промолчал. По его расчетам, Берже отсутствовал по крайней мере часов шесть.

— Впрочем, не в этом дело, — продолжал Берже. — Я здесь, а это главное. Не так ли?

— Разумеется. Ну как, удалось вам что-нибудь узнать?

— Прежде всего то, что я не ошибся. Впереди действительно идут двое мужчин и женщина.

— Враги или друзья?

— Трудно сказать. Во всяком случае, бояться их нечего. Кстати, они предложили присоединиться к ним, и в данный момент мы пренебречь этим не можем.

— Вы с ними, значит, разговаривали?

— Да это, черт возьми, старые знакомые. Я сразу подошел к ним, чтобы не вызывать подозрений, тем более что они еще издали меня почуяли и все равно пошли бы мне навстречу. Люди они смелые.

— А далеко они отсюда?

— Не более чем в полумиле.

— И вас так долго не было?

— Сразу видно, что вы не представляете себе, как ходят по следам.

— Что верно, то верно, простите меня.

— Бывает, не стоит извиняться.

— Что будем делать?

— Пойдем к нашим новым друзьям прямо сейчас. Не надо заставлять их ждать.

— Согласен.

— Вот еще что. Вы их знаете, уже видели. Не выказывайте ни любопытства, ни удивления. Не знаю, что при-

вело их в этот лес. Но неспроста они сюда пришли. Смейтесь, шутите, болтайте, только о деле ни слова. Они тоже не стали со мной откровенничать... Вы поняли меня?

— Не беспокойтесь, мы будем осторожны! — И барон обернулся к солдатам: — Главное, вы держите язык за зубами.

— Да, да, — продолжал канадец, — давно известно, меньше скажешь, меньше пожалеешь. Ну, а теперь в путь!

Не прошли они и часа, как увидели свет от костра на вершине небольшого холма, лишенного всякой растительности.

Это прибавило французам бодрости, и они ускорили шаг.

У подножия холма Берже остановился и закричал ка-нюком. Ему ответили таким же криком.

— Теперь, — сказал охотник, — можно идти, не рискуя получить пулю в лоб. Нас ждет радушный прием.

Путешественников весело приветствовали двое мужчин, при них даже не было оружия.

Барон едва сдержал готовый вырваться крик удивления, когда увидел Жана-Поля, или Изгнанника, и его верного спутника Змею. В женщине, хлопотавшей у костра, он сразу узнал дочь Изгнанника, Анхелу.

После обмена приветствиями все сели к костру — холод пронизывал до костей.

Закончив ужин, путешественники закурили, продолжая вести разговор, а дочь Жана-Поля пожелала им спокойной ночи и ушла в хижину.

Разговор, однако, не клеился, потому что каждый боялся сказать лишнее. Наконец Изгнаннику это надоело, и, ко всеобщему удивлению, он обратился к Берже.

— Милейший, — сказал он, передавая охотнику фляжку с водкой, — признайтесь, вы не рассчитывали встретить меня сегодня?

— Да и вы меня тоже, — ответил Берже.

— Ошибаетесь. Я вас ждал.

— Ждали?

— Конечно. Вот уже два дня мы идем с вами рядом, а нынче я решил вас опередить. Иначе мы шли бы таким образом до... до...

— Договаривайте, Жан-Поль, до какого именно места?

— До того самого, куда вы идете и куда теперь мы вместе пойдем.

— Но вы не знаете, куда именно мы направляемся.

— С чего вы взяли, что я не знаю?

— Вы могли лишь догадываться.

— Возможно. Но не стану играть с вами в прятки и скажу прямо, что нам по пути. Так давайте обсудим все хорошенько. Это пойдет лишь на пользу.

— Я вас не понимаю, — произнес барон, — говорите яснее.

— Подобная осторожность при вашей молодости делает вам честь, — ответил Жан-Поль с едва уловимой иронией, — но позволю себе заметить, что нетрудно догадаться, куда вы идете, поскольку мы идем туда же. Не сердитесь на меня, но судьба капитана де Виллье интересует меня не меньше, чем вас. Он спас мне жизнь, и я в долгу перед ним.

— Неужели это правда?

— А вы разве не знали?

— Мой друг не имеет обыкновения рассказывать о своих добрых делах.

— Я знаю. И благодарен ему за это. И не только ему, но и его друзьям.

— Значит, мы можем рассчитывать на вас в предстоящем деле? — спросил Берже.

— Как на самих себя. Но будьте откровенны, мы давно знаем друг друга, я ведь все знаю. Вы ждете Чуткое Ухо? Ну так вот, прежде чем прийти к вам, он должен повидаться со мной.

— Уж это вряд ли, милейший Жан-Поль.

— Вы мне не верите? — улыбнулся Изгнанник.

— Поверю, если увижу собственными глазами.

— Тогда смотрите!

Берже посмотрел в указанном направлении и едва не подпрыгнул от удивления. К лагерю медленно приближался Чуткое Ухо.

Изгнанник сказал правду.

Мученик

Граф де Виллье смотрел, как поглощают еду его похитители, однако сам не желал принимать участие в трапезе.

И никто его не заставлял.

Бандиты, надо сказать, относились к графу с уважением. Не докучали, оставив его предаваться мрачным мыслям.

Через два часа, вопреки обыкновению индейцев совершать ночные походы, уже на закате дня был дан сигнал к выступлению.

К графу подошел тот самый человек, который уже говорил с ним, поклонился и сказал:

— Господин, мы продолжим путешествие не пешком, а верхом. Обещайте, как я уже вас просил, не оказывать сопротивления, тогда вы поедете на лошади, наравне с нами.

Молодой человек отвернулся, сделав вид, будто не слышит.

— Это в ваших же интересах, — продолжал незнакомец. — Ведь вы обрекаете себя на ужасные страдания. Не упорствуйте, прошу вас.

Граф ничего не ответил, лишь презрительно усмехнулся.

Незнакомец удалился, шепча:

— Он поистине железный, с ним не сговоришься. — И, обернувшись к вставшим рядом с ним людям, произнес: — Принимайтесь за дело!

Графа опять связали, завязали ему глаза, подняли и вскоре он понял, что лежит поперек лошади, придерживаемый всадником.

Ехать в таком положении было более чем утомительно.

— Согласитесь на наше условие, и вас немедленно развяжут, — произнес чей-то голос над самым ухом графа.

Сделав над собой усилие, де Виллье выпрямился и несколько минут оставался неподвижен, выразив таким образом решительный отказ.

Раздался свисток, отряд тронулся и вскоре помчался галопом.

Как ни мучился граф, он не издал ни единого стога, не запросил пощады.

Кровь прилила к голове, в ушах звенело, по телу пробегали судороги, рассудок мутился.

Лошади между тем мчались все быстрее. У графа начались галлюцинации, он уже ничего не чувствовал, последней мыслью была мысль о смерти, он вздохнул с облегчением и потерял сознание.

Придя в себя, де Виллье открыл глаза, шевельнул рукой и прошептал:

— Почему я не умер?

Память постепенно возвращалась к нему, а вместе с ней страдание.

Граф попытался встать, но был так слаб, что с трудом повернул голову:

— Где я? — прошептал он. — Как очутился здесь?

И в самом деле, было чему удивиться.

Он лежал на кровати в комнате, где на стенах висели звериные шкуры, такими же шкурами устлан был пол. В большом камине, занимавшем чуть не полкомнаты, ярко пылал огонь. Дубовый поставец с посудой, стенные часы в стиле Людовика XIII, несколько стульев, маленький столик с горевшим на нем ночником, вот и все убранство комнаты.

Две двери, занавешенные звериными шкурами, видимо, вели во внутренние апартаменты.

Куда же его привезли? В индейский вигвам или европейский дом? Кто эти люди?

Неужели он в пустыне? Или на его похитителей напали, они вынуждены были выпустить свою добычу, и он находится на ферме?

У кого? У французов или англичан?

Свободен он или по-прежнему пленник?

Сколько времени он здесь находится?

Часы пробили двенадцать.

Полдень сейчас или полночь?

Судя по зажженному ночнику, полночь. Впрочем, трудно сказать. Окна плотно занавешены. Может быть, нарочно? Чтобы он не видел света?

Вопросы, вопросы...

И ни на один нет ответа. После перенесенных страданий даже думать трудно.

Граф откинулся на подушку, вздохнул и уснул спокойным глубоким сном.

Его разбудил бой часов. Де Виллье сел на постели и огляделся.

Через открытое окно потоком лились ослепительные лучи солнца. Эта комната, печальная и мрачная еще несколько часов назад, преобразилась. Снаружи доносилось громкое пение птиц. Свежий ветерок, приносивший запах леса, приятно охлаждал бледный лоб молодого человека, играл его длинными волнистыми волосами.

Он чувствовал, что возвращается к жизни, ощущал прилив сил. Солнечный свет вернул ему мужество. Случившееся представлялось ему теперь кошмарным сном, сердце наполнилось радостью.

В комнату вошел совсем еще молодой человек приятной наружности, в черном костюме слуги из богатого дома.

Он принес на подносе всевозможные яства в серебряных блюдах, поставил поднос на стол, поклонился графу и остался стоять в ожидании.

Граф с любопытством следил за каждым его движением.

— Кажется, я понял, где нахожусь, — прошептал он и жестом позвал слугу.

— Что будет угодно господину графу? — спросил, приблизившись, слуга.

— Разве вы меня знаете? — удивился де Виллье.

— Да, мне известно, что я имею честь разговаривать с господином графом Луи Кулоном де Виллье, капитаном королевского морского полка.

— Прекрасно! Это значит, что оказавшие мне столь радушный прием люди мои друзья?

— Да, разумеется.

— Кто же они, эти люди?

— Мой господин желает лично представиться господину графу.

— А!.. — с некоторой досадой проговорил граф. — Где же я сейчас?

— Этого я не могу вам сказать.

— Вам запрещено?

— Я, господин граф, нахожусь в этой стране всего месяц и совсем ее не знаю.

Граф понял, что дальнейшие расспросы бесполезны.

— Скажите мне хотя бы, — продолжал он через несколько минут, — как давно я нахожусь в этом доме?

— Сегодня ровно двенадцать дней, как вы прибыли сюда. Выдолбоболели, были присмерти, но, к счастью, выздоровели.

— Да, я совсем здоров. Потрудитесь, пожалуйста, подать мне платье.

— Вот оно, на стуле.

— Ах да, я и не заметил. Благодарю.

— Может быть, вам угодно одеться и причесаться? Я помогу.

— Зачем? В этой стране, полагаю, этикет не так строг, как при французском дворе.

— Завтрак на этом столике. Если я вам понадобится, свистните в свисток, и я прибегу.

Слуга вышел с поклоном.

Не успел он притворить за собой дверь, как граф сбросил одеяло и соскочил с постели. Однако тут же рухнул на пол, не в силах подняться. Граф не учел, что еще не совсем оправился после перенесенного потрясения.

Преодолевая слабость, молодой человек с огромным трудом добрался ползком до стола и, уцепившись за край, встал на ноги. Он откупорил бутылку, наполнил стакан вином, от которого исходил удивительный аромат, и залпом выпил.

Вино оказало, можно сказать, волшебное действие. Кровь забурилась, на щеках выступил легкий румянец, глаза заблестели. Вернулись силы, ясность ума и способность действовать, по крайней мере, в настоящий момент.

Он быстро оделся, бросил взгляд в зеркало и остался доволен. Внешность его ничуть не пострадала, только лицо немного осунулось, что придавало ему вдохновенность.

Покончив с туалетом, граф, как это ни прозаично, сразу принялся за еду. Ведь неизвестно, в чей дом забросила его судьба. Здесь все окружено тайной, и надо ее раскрыть. Значит, предстоит борьба, а для борьбы необходимы силы. Не только физические, но и нравственные. А он пока слишком слаб.

Съев и выпив все, что ему принесли, граф вышел из-за стола.

Теперь наконец он почувствовал себя совершенно здоровым, способным вступить в борьбу, если понадобится.

Граф медленно обошел комнату, причем не один раз, обшарил все углы, все осмотрел, но так и не определил, где находится.

Желая сохранить тайну, хозяева предусмотрели каждую мелочь.

Граф задумался. Он понял, что имеет дело с сильным врагом и тоже должен соблюдать осторожность, если не хочет быть посрамленным.

Де Виллье выглянул в окно, но, к величайшей своей досаде, ничего не увидел, кроме целого леса исполинских деревьев.

Он невольно залюбовался цепкими лианами, обвившимися вокруг деревьев, грациозными векшами, прыгавшими с ветки на ветку.

Граф погрузился в мечты, полной грудью вдыхая насыщенный ароматами воздух, подставив лицо легкому ветру, шумевшему в ветвях деревьев, с восторгом прислушиваясь к разноголосому птичьему хору. Шло время, а граф, замороженный дивным пейзажем, продолжал стоять у окна. Он думал. О чем? Этого он не мог бы сказать.

Вдруг лес разом смолк. Ни единого звука не было слышно. Граф отошел от окна, невольно испытыв страх. Между ветвями одного дерева ему почудилась голова. Рассмотреть ее из-за дальности расстояния граф не мог. Человек махнул графу рукой, граф будто не заметил, человек снова махнул, граф невольно отошел на два шага от окна. В тот же момент к ногам его упал камень. Незнакомец приложил палец к губам и тотчас исчез.

Граф поднял камень и увидел, что к нему привязан довольно большой лист.

С сильно бьющимся сердцем граф огляделся, опасаясь быть застигнутым врасплох. Затем, дрожа от волнения, развернул лист, на котором было намарано следующее:

«Семь дней я укрываюсь среди деревьев под вашим окном в надежде, что вы появитесь... Вот и вы, слава Богу. Верные друзья стараются вас спасти. Берегитесь тех, в чьей власти очутились, не задавайте никаких вопросов, отказывайтесь от свиданий. Попросите разрешения погулять, вас наверняка отпустят. Когобы вы ни встретили во время прогулки, не удивляйтесь и не признавайте. Когда услышите крик мавкависа, приготовьтесь к побегу, откройте окно... Спасение близко!

Друг.

Этот лист уничтожьте. Надеемся».

— А! — радостно вскричал граф. — Друзья не покинули меня!

Придавив лист каблуком, граф свистнул в свисток.

Почти в ту же минуту дверь отворилась и появился слуга. Он почтительно поклонился и стал ждать приказаний.

Лицом к лицу

Помолчав с минуту, граф заговорил, стараясь казаться спокойным и равнодушным:

— Два слова, мой друг.

— Что прикажете, господин граф?

— Надеюсь... я здесь не пленник?

— Любое ваше желание будет исполнено.

— А если бы я захотел погулять?

— Господин может гулять, где и когда ему заблагорассудится.

— Даже сейчас?

— Разумеется. Но господин еще очень слаб, лучше отложить прогулку на завтра.

— Благодарю за участие, мой друг. Кстати, как вас зовут?

— Андре, господин граф.

— Отлично! Итак, милый Андре, рад сообщить вам, что чувствую себя лучше, кроме того, мне очень хочется выйти на воздух. А вы потрудитесь сопровождать меня, чтобы в случае необходимости прийти на помощь. Согласны?

— К вашим услугам, господин граф.

— Тогда пошли! Я задыхаюсь в этих стенах.

Слуга пропустил графа вперед.

— Идите вы первым, — произнес граф. — Я не знаю дороги.

Андре молча повиновался. Отворенная дверь вела в гостиную, обставленную прилично, но без роскоши.

К гостиной примыкала маленькая прихожая, выходившая в коридор, а оттуда на узкий двор, окруженный живой изгородью, высотой примерно в шесть футов. Решет-

чатая дверь была небрежно задвинута деревянной щеколдой. Ничто не напоминало тюрьму.

Граф внимательно осмотрел дом.

Довольно большой, сложенный из бревен, скрепленных железными скобами. Пазы законопачены мхом пополам с землей. Стены, толстые и прочные, внутри оштукатурены. Такой способ постройки граф видел не впервые. Все торговые агенты строят так свои блокгаузы, или, как они их называют, конторы, на зимних индейский стоянках.

Дом имел форму прямоугольника, с шестью окнами по фасаду и двумя с боков. Множество амбразур, расположенных в беспорядке и кое-как замаскированных, указывали на первоначальное назначение постройки.

Дом был одноэтажный, с выдававшейся вперед крышей по нормандскому образцу.

С первого взгляда эту постройку можно было принять за жилище богатого селянина, но капитан сразу понял, что это крепость, способная выдержать нападение, если бы у индейцев появилось такое намерение.

Выйдя со двора, граф обнаружил, что находится в довольно большой индейской деревне — зимовке.

Прогуливаясь с равнодушным видом, граф в то же время замечал все, достойное внимания.

У индейцев, особенно североамериканцев, обычно две деревни: летняя и зимняя.

Летняя представляет собой просто лагерную стоянку, построенную наспех. В землю вбивают колья, натягивают на них звериные шкуры, которые внизу придерживаются камнями, засыпанными землей. Такую стоянку можно соорудить за несколько часов.

Зимние деревни строятся на длительный срок. Они расположены в лесу, неподалеку от реки, и тщательно замаскированы. Окружает деревню палисад высотой около десяти футов. В миле от деревни стоят подмости для покойников. Краснокожие редко хоронят мертвецов.

Хижины, продолговатые или круглые, в зависимости от вкуса хозяев, разделены на несколько частей плетеными перегородками или шкурами, натянутыми на веревки. Справа от хижины — сарай для съестных припасов.

Хижины стоят в ряд на грязных, узких улочках, которые ведут к большой площади посреди деревни. На площади возвышается хижина совета.

Перед входом в хижину в землю вбит тотем племени —

длинный шест, украшенный перьями, на его верхушке развевается, словно знамя, полудубленая шкура, на которой краской намалевано какое-нибудь животное: медведь, волк, ящерица. Во время сражения это знамя несет кто-нибудь из знаменитых начальников. Слева, на двух вилообразных кольях, лежит священная трубка, которую нельзя осквернять прикосновением к земле.

Между тотемом и трубкой стоит бочка без дна, наполовину врытая в землю, заросшая ползучими растениями, за которыми тщательно ухаживают.

Это ковчег первого человека, весьма почитаемый индейцами. Здесь обычно казнят осужденных на смерть, поэтому рядом находится столб пыток.

Деревья служат жертвенниками, они увешаны разноцветными лоскутами, ожерельями, скальпами и всевозможными шкурами, все это дары индейцев Господину жизни.

Граф впервые видел так близко деревню краснокожих, которых европейцы считают дикарями и чуть ли не идиотами.

Поэтому любопытство взяло верх над печальными мыслями, и де Виллье отдался созерцанию незнакомых ему доселе картин.

На улицах было шумно и многолюдно. Проходили мимо воины с высоко поднятой головой и гордой осанкой, бросая на него взгляды, полные ненависти, пожилые начальники, до подбородка закутанные в плащи из шкур бизонов, шепотом обменивались замечаниями в адрес французского капитана.

Сновали взад-вперед дети и женщины, провожая сани со съестными припасами, запряженные рыжими собаками, тощими и лишайными, с острыми, как у волков и шакалов, мордами. Другие женщины несли на плечах камышовые корзины, до того искусно сплетенные, что из них не проливалась ни одна капля воды. Здесь же в пыли играли голые детишки, то и дело подбегая к матерям, сидевшим у хижин, чтобы пососать грудь.

Матери иногда кормят детей до восьми-девяти лет, поэтому они вырастают сильными, крепкими, выносливыми, не то что в цивилизованных странах.

Граф гулял часа два и, утомленный, но очень довольный всем виденным, направился, поддерживаемый Андре, к дому.

Вдруг он вздрогнул, заметив шедших ему навстречу мужчину и женщину. Пройдя мимо них, граф обернулся

и встретился взглядом с женщиной. Та приложила к губам свой изящный пальчик и пошла дальше.

Это была Анхела. А рядом с ней — ее отец, Изгнанник.

Почему они здесь, в этой деревне? Что привело их сюда? Быть может, желание встретиться с ним? Возможно ли это? Разве в письме, оставленном девушкой, не сказано, что она отправляется в длительное путешествие? Вероятно, встреча произошла по чистой случайности.

Поглощенный своими мыслями, капитан возвратился к себе в комнату и в полном изнеможении опустился на стул.

Дверь отворилась. Уверенный, что это Андре, граф даже не поднял головы.

Вдруг кто-то тихонько коснулся его плеча, и знакомый голос спросил:

— О чем вы задумались, граф? Ничего не видите и не слышите!

Словно пораженный током, молодой человек вскочил.

Перед ним стояла графиня де Малеваль, улыбающаяся и еще более прекрасная, чем обычно.

Граф задрожал под ее страстным, полным огня взглядом, побледнел и схватился за край стола, чтобы не упасть.

— Вы так взволнованы, — с легкой иронией произнесла женщина. — Что это? Радость, страх, а может быть, ненависть?

— Сударыня, — с трудом проговорил де Виллье, — простите меня. Я предполагал, что увижу вас здесь, и все же растерялся, когда вы вошли.

— Это оскорбление или любезность? — графиня села.

Граф машинально последовал ее примеру.

Наступило длительное молчание.

— Вы, значит, догадывались, что ваше похищение обошлось без моего участия? — заговорила графиня. — Странно, не правда ли? Красивого королевского офицера похищает покинутая им женщина? Признайтесь, даже для версальского двора это сенсация. Но мы с вами в пустыне, и об этом происшествии, к несчастью, никто не узнает. Обидно.

— Графиня!..

— Что делать, граф, — перебила капитана графиня, — так уж я устроена, люблю тех, кто пренебрегает мною. Останься вы в Квебеке, мы разошлись бы и, конечно же, по обоюдному согласию. Но вы от меня бежали, а этого я не могла стерпеть и последовала за вами.

— Какую же цель вы преследовали, позвольте спросить?

— Сама не знаю. Я не была бы женщиной, если бы

рассуждала. Страсть не раздумывает, она действует! Я хотела отомстить вам за вероломство...

— А сейчас?

— А сейчас изменила свое намерение... Я вас увидела...

— В самом деле?

— Да. Вас это удивляет?

— Нисколько, графиня. Я просто спрашиваю, почему вы изменили свое намерение теперь, когда я стал вашим пленником?

— У меня другие планы.

— Могу я узнать, какие именно?

— Затем я и пришла, чтобы сообщить их вам.

— Я вас слушаю.

Все это говорилось с изысканной любезностью, с улыбками на устах. Никому и в голову не могло прийти, какая ненависть кипела в сердцах молодых людей, сколько угроз таили очаровательные улыбки.

К графу вернулось все его хладнокровие, он готов был к предстоящей борьбе и ждал, когда женщина заговорит.

Долго ждать не пришлось.

— Я тоже была в вашей власти, граф, — сказала графиня, — но вы мне не отомстили. Почему?

— За что же мне вам мстить? За то, что я вас любил и имел счастье быть вами любимым? Вы шутите, графиня.

— Не играйте словами, граф, пастушеские идиллии теперь не для нас. Отвечайте, как подобает дворянину.

— Извольте. Благородный человек никогда не станет мстить женщине, если даже она того заслужила.

— Он просто выгонит ее с презрением, не так ли? — резко произнесла графиня.

— Нет, он пожалеет ее и будет в ней уважать ту, которую прежде любил.

Графиня как-то странно взглянула на молодого человека из-под опущенных ресниц.

— Допустим, вы правы, — сказала она, помолчав.

— Я сказал то, что думаю, и впредь буду поступать так же.

— Возможно. Но в настоящее время вы мой пленник.

— Я знаю, графиня.

— Вы можете получить свободу, но при одном условии.

— Соболаговолите объяснить, что за условие.

— Вы знаете, где находитесь?

— Вероятно, в вашем доме.

— Я имела в виду страну, а не дом.

— Судя по тому, что я видел во время прогулки, это индейская деревня.

— Да, вы находитесь на британской территории, не больше чем в десяти милях от форта Необходимость, в дружественном англичанам индейском племени, которое люто ненавидит французов.

— К чему вы клоните, графиня? Все эти подробности, разумеется, очень важны, но меня совершенно не интересуют. Я был с вами откровенен, ответьте мне тем же. Скажите, чего вы хотите. В наших жилах течет благородная кровь наших предков. И одно это не позволяет лгать ни вам, ни мне.

— Хорошо, буду с вами откровенна, граф. Губернатор Виргинии был настолько любезен, что помог мне похитить вас, чего наверняка не сделали бы французские власти. И теперь, когда никто не в силах мне помешать, я готова отказаться от мести, если... это будет зависеть только от вас. Одно ваше слово способно погасить всю мою ненависть к вам.

— Я был бы счастлив исполнить ваше желание, графиня, но, боюсь, это невозможно. Я не смогу произнести слова, которые вы от меня требуете.

— Сначала выслушайте, граф, а потом решайте, как вам поступить.

— Согласен, — отвечал граф с поклоном.

— Вы — дворянин, господин де Виллье, представитель очень древнего рода, но вы бедны, и в Версале у вас нет покровителей. А без связей там сейчас ничего не добьешься. Так вы и останетесь капитаном, несмотря на все ваши достоинства.

— Признаться, я давно смирился с этим, — холодно произнес граф.

— Но стоит вам согласиться на мои условия, и я тотчас вручу вам патент на чин полковника и триста тысяч ливров на формирование полка.

— Странная месть, согласитесь, графиня, — ответил граф, иронически улыбаясь.

— А почему бы мне не быть такой же великодушной, как вы?

— Извините, графиня, но если я не увижу на патенте подписи его величества короля Людовика XV, да хранит его Господь, то не поверю вашим словам, несмотря на глубокое к вам уважение.

— Разве я сказала, что там будет стоять подпись Людовика XV?

— А чья же еще там может стоять подпись? Только король вправе производить в чины офицеров.

— Но Людовик не единственный король, обладающий этим правом.

— Другого я не знаю, графиня.

— А я знаю. Это Георг Второй.

— Английский король! — вскричал граф, вскочив со стула так стремительно, что графиня невольно отпрянула назад. — Теперь я все понял. Хорошую месть вы придумали. Поставили на карту мою честь! Хотите меня опозорить! Да как вы посмели предложить это мне, Луи Кулону де Виллье, брату несчастного де Жюмонвилля, убитого англичанином! О, графиня! Каким же вы меня считаете негодяем!

— Берегитесь, граф! Еще слово, и я вас выдам индейцам.

— Это лучше, чем слушать вас. Я готов вынести любую пытку, как и подобает храброму дворянину. Сколько же подлости в вас, графиня!

— Граф!

— Ни слова больше. Лучше тысячу раз умереть, чем видеть вас. А ведь я любил эту женщину!

— Ну, это уже слишком! — вскричала графиня, пылая яростью. — Эй, сюда!

Появился Андре.

— Позовите индейцев!

По знаку Андре в комнату вошли десять индейских начальников, готовых выполнить любое приказание графини.

Графиня между тем ходила большими шагами по комнате, как разъяренная львица по клетке. Граф де Виллье, скрестив руки на груди, смотрел на нее с грустью и жалостью. Вдруг она подскочила к графу и толкнула его к индейцам.

— Берите его! — крикнула она хриплым голосом и упала на стул, задыхаясь от ярости.

— Прощайте, графиня, — произнес граф, — мне жаль вас, вы очень страдаете. Но вы не достойны даже презрения, только жалости. — И он сделал индейцам знак, что готов следовать за ними.

— Негодай, — прошептала графиня, — убирайся! Тебя ждет верная смерть. Еще немного, и мы расквитаемся.

Граф ушел вместе с индейцами.

Графиня осталась одна.

Нападение

В тот же день, на заходе солнца, в двух милях от деревни, в каменистом овраге сидели у костра пятеро. Они весело болтали, с аппетитом поглощая жареную ко-
сулю.

Это были Жан-Поль, его верный друг Змея, Золотая Ветвь, Смелчак и еще сеньор дон Паламед де Бивар и Карпио, бывший флибустьер, принятый на службу графиней де Малеваль за несколько дней до ее отъезда из загородного дома.

Друзья были в прекрасном расположении духа и, как мы уже сказали, с аппетитом ужинали, запивая еду французской водкой из фляги, ходившей по кругу.

— Итак, — сказал Золотая Ветвь, — сегодня ночью.

— Да, — откликнулся Жан-Поль, — на утро назначена казнь.

— Бедный капитан! Вы думаете, у этих негодяев хватит смелости мучить его, как это они проделывают с другими пленниками?

— Конечно! — пожав плечами, сказал Золотая Ветвь. — Неужели с ним станут церемониться? Он француз, а французов краснокожие ненавидят. С радостью изрежут капитана на куски.

— Я думал, они убивают только миссионеров.

— Миссионеры им давно надоели. Они столько их изжарили, что теперь это уже не доставляет им никакого удовольствия.

— За последние годы они переловили немало офицеров и солдат, — заметил Змея.

— Солдат? — вскричал Золотая Ветвь. — Хорошее дело! Для этих бездельников нет ничего святого.

— Боишься, как бы тебя не съели? — спросил с улыбкой Смелчак. — Успокойся, старина. Кто захочет ломать себе зубы?

Все так и покатались со смеху.

— Хорошо тебе говорить, — возразил Золотая Ветвь. — Одно дело быть убитым в схватке, а совсем другое — погибнуть от пыток.

— Ты прав. Смерть в бою — славная смерть, а тут... брр!.. Изжарят, как поросенка. Я предпочел бы что-нибудь другое, какой-нибудь пустяк, ну, скажем, прибавку к жалованью в десять су в день.

— А у тебя губа не дура!

— Значит, я могу рассчитывать на вашу помощь, дон Паламед? — спросил Изгнанник.

Флибустьер, занятый едой и не принимавший никакого участия в разговоре, поднял голову, растянул губы в некое подобие улыбки и, стараясь не выдать своего дурного настроения, ответил:

— Разве я не обещал?

— Обещали. Но вам, кажется, очень не нравится мой план. Позвольте спросить, почему?

— Я этого не говорил. Напротив, план прекрасный и легко осуществимый.

— Почему же вы хмуритесь?

— Потому что должен обмануть людей, от которых видел только добро. А мне как дворянину дорога моя честь, — с важным видом ответил идальго.

— Вот как вы заговорили, — смеясь, перебил его Изгнанник. — Видимо, считаете нас полными идиотами?

— Сохрани меня Бог, я хорошо помню, что обязан вам жизнью, и готов выполнить любую вашу просьбу.

— Мы давние знакомые. И мне хотелось бы узнать про вас всю подноготную.

— Это нетрудно, Жан-Поль, я весь наружу. Но что бы вы ни говорили, теперь я чувствую себя предателем.

— Пока вы не предатель, но скоро им станете.

— Достаточно того, что я здесь. Меня мучает совесть, — проговорил дон Паламед со вздохом, похожим на рычание.

— Бедный непорочный агнец, — прошептал Золотая Ветвь.

— Забудьте про совесть, старина, — сказал Жан-Поль, — и она не станет вам докучать.

— Вот именно, — поддакнул Смельчак, — об отсутствующих не говорят, это приносит им несчастье.

Дон Паламед метнул гневный взгляд на охотника и снова принялся за еду.

— Знаете, что вас больше всего тревожит? Не измена графине, которая вас мучит...

— Что же тогда? — надменно спросил дон Паламед.

— То, что из этой измены вы не можете извлечь никакой выгоды.

— Это, пожалуй, верно, — произнес Смельчак.

— Неужели, — спросил Изгнанник, — все сводится к корысти, кто даст больше серебряников?

— Он предпочел бы золото, — расхохотался Золотая Ветвь. — Его легче унести.

— Так бы сразу и сказали, — произнес Изгнанник. — Неужели вы думаете, что я не оплатил бы ваш труд?

— Нет, я так не думаю, — флибустьер сразу перестал хмуриться.

— Всякая работа должна быть оплачена. Я намеревался по завершении дела вручить вам тысячу франков в знак благодарности. Если хотите, могу это сделать сейчас.

— Не думайте, что я согласился ради денег...

— Ну, конечно же, нет, ваше бескорыстие мне известно.

— Благодарю вас.

— Вот вам, мой друг! — Изгнанник бросил гидальго кошелек, тот поймал его на лету и опустил в карман. — Возьмите пока это, — продолжал Жан-Поль, — а если успешно выполните мое поручение, получите еще столько же. Теперь вы довольны?

— Я просто в восторге! Вы щедры, как настоящий вельможа.

— Или настоящий бандит... говорите, не стесняйтесь, — продолжал Изгнанник, смеясь. — Впрочем, это одно и то же. — И уже резко добавил: — Я заплатил вам, не торгуясь, теперь вы принадлежите мне и телом и душой. И чтобы никаких отговорок! Советую со мной не хитрить, вы же знаете, что у меня скверный характер!

— Все решено!

— Вот и прекрасно. А теперь давайте закурим и обсудим план действий. Выслушайте меня, господа!

Все подсели ближе к Изгнаннику и приготовились слушать.

— Итак, Золотая Ветвь и Смелчак последуют за домом Паламедом, — начал Жан-Поль, — это мы уже решили. Он проведет вас в дом, где находится в настоящее время один мужчина. Остальные в хижине, в конце деревни. Так что особых трудностей вам преодолевать не придется. Старайтесь не пролить кровь, не попадайтесь, в случае необходимости защищайтесь. Понятно?

— Вполне, — ответил Золотая Ветвь, — ну, а капитана кто освободит?

— Это сделают другие.

— Поклянитесь!

— Клянусь честью! И поверьте мне, друг мой, хоть меня и называют Изгнанником, моя честь ничем не запятнана, и я ни разу не нарушил данного слова.

— Верю вам. Ну, а вы сами что будете делать?

— У меня работа потруднее вашей. Итак, в путь... — Изгнанник взглянул на небо: — Через два часа взойдет луна, до этого надо, если не закончить дело, то хотя бы успеть сделать главное. Пошли!

Все разом поднялись и пошли в сторону деревни, следуя за Изгнанником, который старался держаться в тени деревьев.

Риск, в сущности, был невелик. Индейцы рано ложатся спать, в восемь вечера на улицах ни души. Часовых в мирное время не выставляют. Деревню сторожат собаки. Как известно, они лают всю ночь без всякой причины, и никто не обращает на них внимания.

В общем, наши герои надеялись, если не случится ничего непредвиденного, благополучно добраться до деревни.

Жан-Поль отдал флибустьеру последние приказания и, пожелав ему удачи, быстро удалился в сопровождении Змеи.

Трое мужчин с минуту постояли, чтобы немного отдохнуть после быстрой ходьбы, а также убедиться, что вокруг все спокойно, затем по знаку флибустьера двинулись дальше и вскоре достигли палисада. Он был высотой в десять футов, без единого выступа. Золотая Ветвь и Смелчак размышляли, как через него перебраться. Флибустьер потрогал несколько бревен подряд, схватил одно и стал тянуть на себя. К удивлению солдат, бревно легко пода-

лось и образовалось отверстие, в которое свободно мог пролезть человек.

Накануне ночью дон Паламед предусмотрительно подпилит это бревно и теперь вытащил его, отнес в сторону и положил на землю.

— А теперь пошли, — сказал он.

Когда все трое очутились в деревне, флибустьер предупредил:

— Идите осторожно, старайтесь не шуметь и как можно меньше оставлять следов.

Вокруг царила глубокая тишина. Даже собаки не лаяли, вероятно, спали.

Все трое двигались неслышно, держа наготове ружья, всматриваясь в темноту, останавливаясь при малейшем шуме.

Поэтому до дома, находившегося неподалеку от палисада, искатели добирались больше четверти часа.

Двор был обнесен оградой. Тут флибустьер прибег к уже испытанному способу. Досточтимому гидальго, видимо, не нравилось проходить через ворота, он предпочитал через стены.

Накануне дон Паламед и здесь подпилит доску в ограде, и через две минуты все трое были во дворе.

— Теперь остается войти в дом, — с восхищением прошептал Золотая Ветвь, — наверняка у нашего друга лежит ключ в кармане.

Солдат угадал: у флибустьера действительно было несколько ключей, но он не воспользовался ими, а подойдя к одной из дверей, просто поднял щеколду, и они вошли в дом. Была крошечная тьма, но солдаты по запаху сразу догадались, что попали на кухню.

Флибустьер велел им оставаться на месте, а сам пошел на разведку. Вскоре он вернулся и сообщил, что в доме все спят.

Он зажег факел и поставил его в камин, чтобы свет не был очень ярким, занавесил окно шкурой бизона и стал совещаться с солдатами.

В доме было две двери и по крайней мере дюжина окон всего в пяти футах от земли, так что в случае необходимости можно было выскочить.

Поэтому двери и окна следовало охранять. И тут перед доном Паламедом встала проблема: как втроем охранять все входы и выходы?

Золотая Ветвь, достойный сын Парижа, умел найти

выход из любого положения, и сейчас ему понадобилось на это не более пяти минут.

— Я скажу вам, что надо делать, — заявил он. — Один из нас станет посреди коридора и будет охранять двери, а двое других засядут во дворе, по обеим сторонам дома, и смогут наблюдать за окнами... Таким образом никто не сможет выйти из дома незамеченным. Если вам не нравится мое предложение, придумайте что-нибудь лучшее.

Друзья были в полном восторге.

Дону Паламеду поручили караулить внутри дома. Если кто-нибудь ночью выйдет в коридор, гидальго не составит труда придумать правдоподобное объяснение, обитатели дома ему доверяли.

Солдаты спрятались у ограды, один справа, другой слева, здесь вряд ли их могли обнаружить.

Неожиданно небо окрасилось в красные тона, и началась перестрелка.

— Вот будет потеха! — вскричал Золотая Ветвь. — Там, по крайней мере, светло от пожара и можно стрелять без промаха. Смотри в оба, Смельчак!

— Не бойся, старина! Не промахнусь!

Между тем деревня пришла в движение.

С криками бежали женщины и дети. Выстрелы слышались по всей деревне. Первые минуты паники прошли, застигнутые врасплох индейцы ободрились и теперь храбро сражались, спасая свои жилища от огня, который распространялся с невероятной быстротой, — амбары были полны сена и соломы.

Охраняемый солдатами дом, по-прежнему спокойный и безмолвный, оказался в центре огненного кольца.

Но солдаты не покидали своего поста, хотя огонь, с ревом подступая все ближе и ближе, грозил отрезать им отступление.

Теперь уже невозможно было ни потушить, ни локализовать пожар. Одно за другим загорались деревья в лесу, с грохотом падая на землю. Звери, перескакивая через языки пламени, с ревом бежали, сами не зная куда, и, очутившись в деревне, все крушили на своем пути, обезумев от страха и бешенства.

— Ко мне! Сюда! — донесся из дома голос флибустьера, и следом прогремели два выстрела.

— Сбегай посмотри, что там делается, — сказал Золотая Ветвь приятелю.

Смельчак помчался к дому и увидел, как при неверном свете факела двое сражаются с дьявольским остервенением.

В следующий момент они покатались по полу, продолжая душить друг друга. Солдат бросился их разнимать, но не мог помочь тому, кто звал его на помощь. Смерть положила конец этой ужасной борьбе.

— Черт возьми! — прошептал солдат. — Хорошо поработали руками эти парни!

И посвятив факелом, Смельчак склонился над бездыханными телами. В одном из них Смельчак узнал гидальго, второй, Андре, брат маркизы, был неизвестен солдату.

— Бедняга! — произнес Смельчак. — Вот и конец твоей карьере. И деньги тебе не нужны. Но ты честно их заработал. — Солдат вытащил из кармана флибустьера кошелек и переложил в свой карман. — Пригодятся!

Снаружи прогремели два выстрела, и Смельчак выбежал во двор посмотреть, что случилось.

А случилось там следующее. Как только Смельчак проник в дом, наверху с шумом распахнулось окно и появилась полуодетая женщина.

Золотая Ветвь вышел из своего укрытия и посоветовал женщине закрыть окно, тогда никто не причинит ей вреда.

Женщина расхохоталась и собралась выпрыгнуть наружу.

— Сударыня, — очень вежливо произнес Золотая Ветвь, — оставайтесь в комнате, не то пожалеете... Мне строго-настрого приказано...

— Берегись, негодяй! — крикнула женщина и выстрелила сразу из двух пистолетов. Пули просвистели мимо ушей солдата, и одна слегка задела голову.

— Так вот ты как! — в ярости вскричал солдат.

Он поднял ружье и выстрелил.

Женщина с криком исчезла.

— Ладно, — спокойно произнес солдат, — сама виновата. — И он снова зарядил ружье. — Попробуй после этого вежливо обращаться с женщинами.

В ту же минуту во дворе появилась толпа вооруженных людей во главе с бароном де Гринье и Берже.

— Ну, — спросил канадец, — что нового?

— Ничего особенного, — как ни в чем не бывало ответил солдат.

— А выстрелы?

— Так, легкая потасовка от нечего делать, — проговорил, подходя, Смельчак.

Бегство

Графиня де Малеваль все рассчитала заранее.

Либо ее прежний возлюбленный испытает на себе всю ее злобу и ненависть, либо погибнет.

Она позвала главных индейских начальников, чтобы отдать в их руки несчастного молодого человека, если он не смирится и не примет ее гнусного предложения.

Индейские вожди ненавидели французов и охотно увели с собой графа, видного французского офицера, чтобы предать его мучительной смерти.

При этом краснокожие не могли не восхищаться капитаном, он добровольно, с гордым видом последовал за ними скорее не как пленник, а как почетный гость.

Граф прошел через всю деревню с гордо поднятой головой, улыбаясь. Уготованная ему страшная смерть, казалось, нисколько его не печалила. Напротив, он втайне радовался, думая о том, в каком бешенстве сейчас графиня, вынужденная довольствоваться банальной местью вместо той, ради которой пожертвовала всем, даже собственной честью.

Что значит смерть для солдата, привыкшего встречаться с ней лицом к лицу, готового убивать и быть самому убитым во время боя?

Индейцы отвели капитана в большую хижину совета и оставили там, на всякий случай отобрав сапоги.

Индейцы хорошо знают, что цивилизованный европеец не может ходить босиком, особенно по дорогам этой страны.

Молодой человек сел и погрузился в размышления, как

ни странно, совершенно не интересуясь происходящим вокруг.

Тем временем глашатай созвал всех вождей на совет, они сели у огня и стали передавать друг другу священную трубку: когда она обошла всех присутствующих, совет начался.

Прошло больше часа, вожди говорили один за другим, но никак не могли прийти к соглашению, как вдруг снаружи послышался шум, и воины ввели в хижину обезоруженного индейца, видимо, пленника. Невольно привлекала внимание его величественная осанка и гордый вид.

В этом краснокожем граф узнал Чуткое Ухо, великого вождя волков-гуронов, и сердце его сжалось.

Чуткое Ухо, видимо, не заметил графа. Пока воины докладывали, как удалось им захватить вождя племени гурунов, сам вождь стоял, скрестив на груди руки, с гордо поднятой головой и с презрением осматривал собравшихся.

К сожалению, граф не понимал ни слова и не мог ничего понять.

После долгого и горячего спора Чуткое Ухо повернулся к собравшимся спиной, медленно подошел к графу и сел рядом.

Тут с места поднялся воин и тонким ремнем связал обоим руки и ноги.

— Бледнолицый, — обратился воин к капитану на плохом французском, — ты умрешь завтра с восходом солнца, приготовь свою предсмертную песнь, тебя ждет великолепная казнь!

— Благодарю, — с улыбкой ответил капитан, — вы меня очень обрадовали, смерть — единственное, чего я желаю.

— Бледнолицые болтают, как дрозды-пересмешники, — с презрением продолжал воин. — Посмотрим, что скажет завтра француз.

Через несколько минут вожди покинули хижину, и Чуткое Ухо с капитаном остались вдвоем.

Первым нарушил молчание капитан. Он тихонько позвал краснокожего по имени, надеясь что-нибудь узнать от него. Чуткое Ухо наклонился к графу и, приложив палец к губам, произнес:

— Молчите, у краснокожего везде глаза и уши. Ждите, надейтесь!

Он отвернулся, закрыл глаза и сделал вид, будто спит. Капитан, разочарованный, последовал его примеру.

Несколько часов пленники провели в молчании. Стало темнеть, и вскоре наступила ночь.

Примерно через час снаружи блеснул свет, и в хижину вошло несколько воинов с зажженными факелами. Они принесли еду: жареную говядину, яблоки, маис и овощи, печеные в золе, после чего удалились.

Только один воин остался стеречь пленников. Вскоре к нему подошел еще один, с ружьем.

На аппетит пленники не могли пожаловаться. Капитан подумал, что обстоятельства могут измениться и не мешает подкрепить силы.

Люди, привыкшие к жизни в пустыне, в любом положении не забывают о естественных потребностях.

То же можно сказать и о капитане. Но его аппетит не шел ни в какое сравнение с аппетитом индейца. Тот буквально пожирал кушанья, словно забыл, что, возможно, это последний ужин в его жизни.

Когда все было съедено, один из воинов взял факел и ушел. Второй остался на своем посту.

Постепенно деревню объяла тишина.

Глаза часового сверкали в темноте, словно у кошки.

Вдруг Чуткое Ухо обратился к часовому.

— Моя трубка набита священным табаком, — сказал он вкрадчиво. — Неужели брат не подаст мне уголек, чтобы закурить?

— Пусть начальник немного подождет, скоро он будет охотиться в благодатных равнинах Ваконды, там и покурит, — грубо ответил часовой.

— Значит, брат не хочет?

— Не хочу!..

— Мой брат нехорошо поступает. За уголек я дал бы ему ожерелье из вампунов и стеклянных бус, подаренное мне бледнолицыми.

— Где оно? — часовой быстро подошел к Чуткому Уху.

— Вот, — сказал начальник, словно ящер бросился на часового, схватил за горло и задушил, тот охнуть не успел и рухнул на землю.

— Что вы натворили? — спросил капитан с упреком.

— Убил собаку. Пусть бледнолицый подождет.

Чуткое Ухо передал капитану оружие часового, а само-

го часового положил у его ног, на свое место, после чего стал у дверей.

Офицер с любопытством следил за каждым движением индейца, у него появилась надежда на спасение.

— Почему Чуткое Ухо не уходит? — спросил граф, видя, что индеец неподвижно застыл у двери.

— Чуткое Ухо один не уйдет, он позволил взять себя в плен, чтобы помочь бледнолицему...

Не успел капитан слово произнести, как снаружи до-
несся свист.

Начальник приоткрыл дверь.

Вошли мужчина и женщина. Мужчина о чем-то быстро поговорил с индейцем, а женщина подбежала к капитану и перерезала связывавшие его ремни.

— Анхела, вы?! — вскричал изумленный граф. — Бедное дитя! Вы рискуете жизнью! Ради меня...

— Пойдемте, вы свободны, — дрожащим голосом ответила девушка.

— Объясните мне, ради Бога...

— Ни слова больше, пока вы не будете в безопасности! Возьмите оружие!

Анхела подала капитану пистолеты и ружье.

— Благодарю вас, Анхела! Теперь, по крайней мере, мне будет чем защищаться. При вас силы мои удесятерились.

— Пойдемте, Луи, мы и так потеряли много времени.

Капитан встал, но ноги не слушались его, и он снова упал.

— Боже мой! — вскрикнула девушка. — Неужели я не смогу его спасти? Отец! Отец!

Изгнанник, а это он пришел вместе с дочерью, подбежал к капитану:

— Мужайтесь! Ваше спасение в ваших руках!

Молодой человек собрал все свои силы и сделал несколько шагов.

— Обопритесь на меня, — сказала Анхела, — я сильная, поверьте! Пойдемте же, дорогой Луи.

Пришлось капитану скрепя сердце повиноваться и взять Анхелу под руку.

Чуткое Ухо в это время разводил огонь, причем таким удивительным образом, что не успели беглецы отойти от хижины, как она вся вспыхнула, осветив деревню зловещим пламенем.

По дороге к маленькому отряду все время присоединялись охотники, вооруженные с головы до ног. Они словно вырастали из-под земли.

Гремели со всех сторон выстрелы. Начался бой.

Индейцы выбегали из хижин, стараясь организовать защиту деревни.

— Вперед! — вскричал капитан. — За мной!

— Вперед! — отозвались охотники.

Они размахивали факелами, бросая их в хижины и стреляя в тех, кто сопротивлялся.

Как ни упрашивал капитан донью Анхелу уйти, она прямо следовала за ним.

Пробежав небольшое расстояние, граф снова упал.

Тщетно пытался он подняться. В пылу сражения молодой человек забыл, что на нем нет сапог. Ноги его, израненные колючками, камнями и шипами, нестерпимо болели.

Анхела заметила, как страдает капитан, подозвала отца, и, несмотря на отчаянное сопротивление, графа уложили на носилки и вынесли из зоны огня.

Бой становился все ожесточеннее. Индейцы сомкнулись в ряды и грозили перейти в наступление.

Вокруг носилок летали пули. Анхела, движимая любовью, делала все, чтобы спасти графа, но он хотел умереть, лишенный возможности драться. Девушка бросила умоляющий взгляд на отца. Он бросился к дочери:

— Господин граф! Мы бросились очертя голову в это пекло исключительно ради вашего спасения. Неужели вы хотите, чтобы наши усилия пропали даром? Жизнь ваша драгоценна, к тому же кто отомстит за вашего брата, если вас убьют?

Капитан вздрогнул, лицо его вспыхнуло.

— Хорошо, я повинуюсь вам, не стану больше спорить. Но, прежде чем расстаться, хочу кое о чем попросить... Бегите в дом к графине и спасите ее, если это возможно... Вы должны это сделать.

— Господин граф, эта женщина...

— Не возражайте, или я сам пойду. Графиня мой лютый враг, но она должна быть спасена!

— Раз вы этого требуете, — сказал Изгнанник, — я исполню ваше желание, если только это в моих силах.

— Благодарю вас!

— А теперь Анхела вас проводит. Лошади ждут. Хватит у вас сил ехать верхом?

— Надеюсь.

— Завтра к вечеру вы уже будете в Дюкене. Прощайте, господин де Виллье.

— Помните, вы дали мне слово!

— Я никогда не нарушал своего слова.

Изгнанник нежно поцеловал дочь, шепнул ей что-то на ухо, проводил взглядом капитана и, когда носилки исчезли из виду, собрал канадцев и ринулся в бой. За ним последовал Чуткое Ухо. Им удалось пробиться сквозь толпу индейцев.

Почти в тот же момент отряды Берже и барона де Гриньи напали на дом графини.

Обезумевшие от страха индейцы покинули пылавшую деревню и бежали, оставив позади множество убитых.

Успех канадцев превзошел все ожидания. Они остались полными хозяевами поля битвы. Однако нельзя было терять ни минуты, чтобы не стать жертвами огня.

Охотники оцепили дом графини и ворвались внутрь.

В салоне находились три женщины. Одна из них, видимо, тяжело раненная, лежала на циновке.

— Маркиза де Буа-Траси! — вскричал барон, вне себя от удивления.

Маркиза узнала его по голосу и приподнялась.

— Да, это я, барон, — сказала женщина. — Для вас это неожиданность?

— Извините, маркиза, но я знал, что вы и графиня де Малеваль находитесь в этой деревне.

— Что привело вас сюда, сударь? — с иронией спросила графиня. — Вы пришли объявить, что мы ваши пленницы?

— Упаси Бог, графиня. Я пришел с единственной целью — спасти вас.

— Поздно, барон, — возразила маркиза, — по крайней мере, для меня. Моя рана смертельна.

— Вы ошибаетесь, маркиза.

— Нет, барон, я чувствую приближение смерти, жить мне осталось всего несколько минут.

Она сделала знак графине, та наклонилась, они пошептались о чем-то, и маркиза сказала:

— Докажите мне, что пришли с добрыми намерениями, барон.

— Говорите, маркиза. Ваше желание для меня закон.

— Отпустите графиню де Малеваль, пусть идет куда пожелает.

— Кто же станет ее преследовать? Она совершенно свободна, клянусь честью.

— Благодарю вас, барон, но одной ей отсюда не выбраться.

— Я провожу ее, — сказал Изгнанник. — Пусть скажет, куда ей угодно отправиться.

— Я согласна, — сказала графиня и добавила с угрозой в голосе: — Только помните, господин де Гриньи, мои счеты с вашим другом еще не закончены. До свидания!

Она в последний раз поцеловала маркизу и вышла вместе с Изгнанником и охотниками, высокомерная и невозмутимая, словно все, что происходило в деревне, ее не касалось.

Маркиза проводила ее взглядом, тяжело вздохнула и повернулась к барону.

— Подойдите ко мне, — произнесла она едва слышно, — мне надо сказать вам несколько слов.

Молодой человек подошел:

— Я к вашим услугам, маркиза.

— Пожалуйста, ближе, еще ближе.

Барон опустил на колени и по просьбе маркизы обнял ее, чтобы поддержать.

— Теперь хорошо. Надеюсь, Бог даст мне силы сказать вам все.

Голос маркизы был таким слабым и взволнованным, что барон вздрогнул.

— Перед лицом смерти хочу вам сказать, что меня убила любовь к вам.

— Не говорите так, маркиза.

— Я полюбила вас с первого взгляда. Но вы не верили и осуждали меня.

— Но...

— Да, я знаю, вы оскорбляли меня, но несправедливо. Вы должны были меня выслушать. Я всем сердцем вас любила, Арман. Вы разбили и мое, и свое счастье.

— Леона! Леона!

— Как приятно слышать из ваших уст мое имя! Мы могли быть счастливы с вами. Как жестоко вы со мной обошлись в последний раз, когда судьба свела нас!

— Маркиза! Вспомните! Ведь именно тогда вы хотели убить меня и де Виллье!

— Неблагодарный! — прошептала маркиза. — Ведь я последовала за графиней лишь затем, чтобы обере-

гать вас, — движимая ненавистью, она намеревалась убить обоих.

— Неужели это правда?!

— Клянусь Богом, перед которым скоро предстану!

— Прости меня, Леона, прости!

— Я простила, потому что люблю вас, Арман! Поцелуйте же меня в первый и последний раз!

Молодой человек нежно поцеловал маркизу. И в этот момент она умерла.

Барон продолжал стоять на коленях возле умершей. Он плакал, словно дитя.

Вдруг на плечо ему легла чья-то тяжелая рука. Барон поднял голову. Это был Берже.

— Вы потом поплачете, господин барон. А сейчас надо думать о живых. Уходите! Здесь нам больше нечего делать.

С этими словами Берже бросился вон из дома, остальные охотники последовали за ним. Огонь подобрался уже совсем близко.

Вскоре дом рухнул. Берже огляделся, но нигде не увидел барона и спросил о нем у своих спутников.

Один из них с криком ужаса жестом указал на полыхающее пламя.

Берже взглянул в ту сторону и остановился как вкопанный.

Барон продолжал стоять возле той, в чью любовь так долго не верил.

Он решил умереть вместе с ней.

О спасении барона не могло быть и речи. Впрочем, Берже понимал, что де Гриньи все равно отказался бы от помощи.

Итак, маркиза де Буа-Траси и барон де Гриньи были погребены под развалинами горевшего дома.

Расплата

Гарнизон из пятисот отборных солдат заканчивал работы по укреплению форта.

Одни втаскивали на батарею пушки, другие готовили артиллерийские снаряды, третьи носили порох, пули.

Англичане ждали массированного нападения французов. Об этом сообщила графиня де Малеваль, два дня назад прибывшая в форт. Она долго беседовала с майором Вашингтоном, показывала ему какие-то письма, словом, доводы ее были настолько вескими, что майор немедленно созвал военный совет. На совете было решено немедленно начать работы по укреплению форта, тем более что, по словам графини, французскими отрядами командует де Виллье, брат капитана де Жюмонвилля, подло убитого в запад-не, устроенной самим майором Джорджем Вашингтоном.

Солдаты трудились с раннего утра до поздней ночи под наблюдением офицеров. Надо было продержаться, пока не прибудет подкрепление из Виргинии, которое, можно не сомневаться, заставит французов отступить.

Графине де Малеваль по ее просьбе было разрешено остаться в форте.

Неизвестно, из какого источника графиня черпала сведения, но она была прекрасно осведомлена. Доказательством тому служат события, происшедшие несколькими днями ранее в форте Дюкен.

Однажды утром, в конце июня, де Контркер попросил капитана де Виллье зайти к нему.

Граф, уже успевший оправиться от ран, не замедлил явиться.

В кабинете у коменданта он застал Берже и Чуткое Ухо.

Капитан сразу понял, что его вызвали по военному делу.

— Дорогой капитан, — сказал де Контркер после обмена приветствиями, — наконец-то у меня появилась возможность исполнить данное вам обещание.

— Неужели? — вскричал капитан, и лицо его озарилось радостью.

Последние события, роковая смерть друга, барона де Гриньи, оставили неизгладимый след в душе графа и придали лицу его выражение глубокой печали.

— Да, — продолжал де Контркер, — все готово для нападения на форт «Необходимость». Вы, разумеется, понимаете, что я имею в виду внезапное нападение. Солдаты, которых вы поведете в бой, прославились в подобного рода экспедициях.

— Не знаю, удастся ли нам захватить их врасплох, но за успех ручаюсь головой. Либо я возьму форт, либо погибну.

— Я буду в отчаянии, если с вами случится несчастье, дорогой капитан, хочу надеяться, что вы еще долгие годы будете служить его величеству. Нечасто встречаются такие офицеры, как вы. Берегите себя, мой друг, прошу вас, приказываю, наконец.

Капитан молча поклонился.

— В ваш отряд войдут шестьсот канадских охотников под командой Берже и краснокожие из племени волвогуронов, вы уже успели узнать, чего они стоят, — продолжал комендант. — Их поведет в бой Чуткое Ухо, знаменитый вождь своего племени. Искренне сожалею, что не могу дать в ваше распоряжение отряды регулярных войск, но вы лучше, чем кто-либо, знаете, как мало у меня солдат.

— Я видел в деле и канадцев, и индейцев. Это люди необычайной храбрости, настоящие львы. С ними можно выиграть любую битву, тем более что их поведут такие командиры, как Берже и Чуткое Ухо. К тому же с нами Бог. Когда прикажете выступать?

— Когда сочтете возможным. Вы свободны в своих действиях.

— Благодарю вас. Постараюсь выступить как можно скорее.

— Вот предписание, дорогой капитан, прочтите, пожалуйста!

Граф взял бумагу, быстро пробежал глазами и остался доволен.

Предписание давало графу широкие полномочия, и он горячо поблагодарил де Контркера.

Особенно тронул его пункт, который гласил:

«Приказываем капитану атаковать их, если это будет возможно, и истребить их (англичан) полностью, дабы наказать за убийство, совершив которое они нарушили священные права просвещенных народов».

Намек на западню, где погиб де Жюмонвилль, напомнил капитану его клятву отомстить за брата, и он возликовал.

— Наконец-то, — сказал граф, — мой несчастный брат будет отомщен! Когда появятся ваши люди, Берже?

— Через два часа, господин Луи.

— А ваши, начальник?

— Немного раньше.

— Отлично, друзья мои! Они успеют отдохнуть и подготовиться к выступлению. Мы двинемся в путь на закате, нам будет светить луна. Согласны?

— Согласны, — в один голос ответили Берже и индейский вождь.

— Главное, проследите за тем, чтобы все взяли достаточное количество провианта и боевых припасов. У ваших воинов есть ружья, начальник?

— У всех до единого, — гордо ответил сахем, — мой брат увидит, как хорошо мои воины владеют этим оружием.

— Перед выступлением я сделаю смотр всему отряду.

В эту минуту появился сержант и шепнул несколько слов на ухо коменданту.

— Впустите его, — распорядился комендант и сказал капитану: — Вот и еще новость.

Вошел Изгнанник.

— Я, кажется, пришел очень кстати, господин комендант, — произнес он.

— Совершенно верно, — улыбнулся комендант.

— Вы сейчас из форта Необходимость? — спросил капитан.

— Да.

— Есть новости?

— Самые свежие.

— Хорошие?

— И хорошие, и плохие, как это обычно бывает.

— Потрудитесь нам рассказать. Но прежде сядьте, вы, должно быть, сильно устали.

— Признаться, устал... Я шел очень быстро по ужасным дорогам.

Изгнанник опустился на стул, любезно пододвинутый ему комендантом.

— Дороги так плохи? — спросил капитан.

— Успокойтесь, — ответил Изгнанник, — мои дороги — не ваши, я двигаюсь по прямой, как птицы.

— Это хорошо... а теперь мы вас слушаем.

— Англичанам сообщили о готовящемся нападении, и вам не удастся захватить их врасплох!

— Это скверная новость! — произнес комендант.

— Мне все равно! — вскричал капитан. — Тем радостней будет победа.

— Продолжайте, пожалуйста, — сказал комендант Изгнаннику.

— И знаете, кто их предупредил? Графиня де Малеваль.

— Вы уверены?

— Да. Возможно, вы ее увидите, она пожелала остаться в форте.

— Вы, разумеется, знаете, — обратился комендант к графу де Виллье, — что графиня де Малеваль, ставшая английской шпионкой, декретом губернатора Новой Франции объявлена вне закона за измену родине. Не знаю, да и не хочу знать, что побудило ее так поступить, но ее ненависть ко всему французскому беспримерна... Лучше бы ей не попадаться мне в руки, иначе я вынужден буду ее повесить, а мне этого не хотелось бы.

— Повесить женщину! — робко запротестовал граф, чувствуя, что краснеет.

— Женщина порой опаснее мужчины, друг мой. К тому же у меня есть на сей счет приказ господина Менневилля, и я не собираюсь его нарушать.

Граф де Виллье в замешательстве отвернулся.

— Какие еще новости вы принесли? — снова спросил де Контркер.

— Узнав о нападении, англичане разослали по четырем дорогам гонцов к губернатору Виргинии с просьбой немедленно прислать подкрепление.

— Это очень печально, — промолвил де Контркер.

— Разумеется, — продолжал Изгнанник с иронией, — только по странному стечению обстоятельств гонцы оказались в руках индейских лесных бродяг и не смогли выполнить данного им поручения.

— Это приятная новость.

— Мало того. В форте ощущается недостаток провианта и боевых припасов, порох испорчен, оружие в весьма плачевном состоянии. А главное: эти герои боятся нас.

— Значит... — сказал капитан.

— Значит, атака должна быть стремительной и мощной, тогда англичане не устоят.

— Bravo! — воскликнул капитан. — Я и сам так думаю. Итак, нынче же вечером выступаем! Когда освободитесь, Жан-Поль, зайдите ко мне, я хочу с вами поговорить.

— Я к вашим услугам, если, конечно, комендант во мне не нуждается.

— Вы свободны, — сказал комендант. — До вечера, господа!

Жан-Поль вышел вместе с капитаном.

У дверей своей комнаты капитан увидел Золотую Ветвь и приказал ему никого не впускать. Усадив своего гостя, граф заговорил с ним о деле, давно его беспокоившем.

— Милостивый государь, — сказал капитан. — Я не знаю и не хочу знать, кто вы такой, но с тех пор, как судьба нас с вами свела, вы постоянно оказываете мне помощь и проявляете редкую преданность, которой я у вас не заслужил и не знаю, чем ее объяснить.

— Простите, капитан, вспомните, как все было. Во время нашей первой встречи вы спасли мне жизнь.

— Верно, — улыбнулся капитан. — Но позднее вы оказали мне такую же услугу, значит, мы квиты.

— Возможно... Продолжайте.

— Хочу обратиться к вам с просьбой, от которой зависит счастье всей моей жизни. Я люблю вашу дочь.

— Знаю. Анхела мне говорила. Да я и сам замечал.

— Мы не скрывали нашу любовь. Она искренна и чиста. Я родом из старинной, знатной семьи.

— И это я знаю, — со вздохом ответил Жан-Поль.

— Знаете? — удивленно вскричал граф.

— Это все знают, — быстро проговорил Изгнанник с деланным равнодушием.

— Я прошу у вас руки вашей дочери.

— А вы знаете мое прозвище?

— Мне до него нет дела. Вы человек добрый, прямой и честный. Вас очень уважает де Контркер. А ваше прошлое касается только вас... Если с вами случилась беда, можно вам посочувствовать... Мы не в Европе... Здесь судят о людях по их делам. Ваша дочь ангел. Я люблю ее и прошу ее руки.

— Вы твердо решили, граф де Виллье?

— Да.

— Никогда меня ни о чем не спросите?

— Никогда!

— И разрешите жить, как я хочу?

— Разумеется.

— В таком случае, граф, я отдаю вам Анхелу, только помните, что она дочь Жана-Поля, Изгнанника.

Этот договор был скреплен сердечным рукопожатием.

— Я отправляюсь в экспедицию, — сказал напоследок граф, — от которой зависит вся моя дальнейшая жизнь. Мне хотелось бы отпраздновать свадьбу в форте Необходимость, как только я им овладею. На то есть особые причины.

— Догадываюсь. Вы можете говорить со мной откровенно, приготовления к свадьбе беру на себя. В день взятия форта я приду с дочерью и миссионером для совершения брачной церемонии.

— До скорого свидания, отец! — сказал капитан на прощанье.

— Не называйте меня так, — вздрогнув, проговорил Жан-Поль.

— Почему? — удивился граф.

— Вы обещали не задавать вопросов.

— Да, верно. Тогда давайте хоть поцелуемся.

Изгнанник хотел заключить молодого человека в объятия, но отошел назад, смахнул слезу и удалился.

Вечером отряд покинул форт Дюкен.

3 июля 1754 года на рассвете англичане на крепостных стенах форта Необходимость сообщили о появлении французских разведчиков, за которыми, сомкнувшись в колонну, следовал весь отряд под прикрытием индейских разведчиков.

Несмотря на проливной дождь, канадцы шли быстро,

болтали, смеялись, словно забыли о видневшемся впереди на расстоянии пушечного выстрела форте.

В крепости между тем забили тревогу, и каждый занял положенное ему место.

Подойдя совсем близко, французы рассыпались в разные стороны и через четверть часа окружили форт.

Затем, словно по волшебству, исчезли. Канадцы, меткие стрелки, засели за деревья и утесы.

Прежде чем дать сигнал к атаке, граф де Виллье отправил в качестве парламентаря Берже предложить англичанам сдаться.

Ответа не последовало.

Начался бой.

Мы не будем его описывать. Скажем лишь, что бой был ожесточенным и длился десять часов, после чего английская артиллерия прекратила огонь.

Все было готово к штурму крепости. Но в тот момент, когда французы ринулись в атаку, англичане выбросили белый флаг.

Девяносто человек было убито и тяжело ранено, множество солдат, легко раненных, выбыло из строя. Дальнейшее сопротивление потеряло всякий смысл.

Майор Вашингтон собственной персоной отправился к капитану.

— Мы могли бы отомстить за совершенное вами убийство, но не станем уподобляться вам, — сказал граф де Виллье майору, который стоял перед ним бледный, но совершенно спокойный.

В восемь вечера был подписан акт о капитуляции.

«В наши намерения никогда не входило нарушать добрые отношения между обоими государствами, мы хотели лишь отомстить за убийство нашего парламентаря и его людей» — говорилось в акте.

Статья 4-я гласила:

«У англичан находятся люди, взятые в плен во время убийства господина де Жюмонвилля, англичане обязуются их освободить».

Под актом о капитуляции стояли подписи Джемса Меке, Джорджа Вашингтона и Кулона де Виллье.

Отмщение было полное: виновный подтвердил факт совершенного им преступления собственноручной подписью и сдался на милость победителя, чьего брата так подло убил.

Во время сражения французы потеряли двух человек, семьдесят было ранено.

Англичане бежали с такой поспешностью, что даже бросили знамя, которое и досталось победителям.

На рассвете следующего дня французы заняли форт и расположились там.

Графиня де Малеваль бесследно исчезла. Поиски оказались тщетными.

Быть может, переодевшись, она бежала вместе с английским гарнизоном? Пока этого никто не узнал.

Граф, быть может, умышленно предупрежденный де Контркером о грозящей графине опасности, вместе с Берже придумал, как помочь ей бежать из форта. Он хотел лишь, чтобы она присутствовала при его венчании с Анхелой, стала свидетельницей его счастья. Это было бы прекрасной мстью, однако такая возможность исчезла.

Около полудня Изгнанник, как и обещал, явился вместе с дочерью и привел с собой миссионера.

В одном из салонов все уже было готово для предстоящей церемонии.

Анхела, совсем еще девочка, скромная и наивная, стыдливо прятала свое прелестное личико на груди у отца, глубоко тронутого ее счастьем.

Капитан в благодарность за оказанные услуги пригласил на церемонию вождя гурунов. Но того нигде не было.

Дело в том, что индейцы, совершенно не знакомые с правилами ведения европейской войны, пустились в погоню за англичанами. Удержать их было невозможно.

Встревоженный этим непредвиденным обстоятельством, которое могло иметь самые серьезные последствия, капитан послал на поиски краснокожих несколько отрядов, и около трех часов пополудни они появились, предводительствуемые своим начальником.

Чуткое Ухо поспешил в форт. Он шел с гордым и веселым видом, указывая на окровавленные скальпы, висевшие у него на поясе.

Тщетно пытался Берже заставить его снять эти ужасные трофеи, так не вязавшиеся с предстоящей церемонией.

— Эти скальпы я должен сохранить, — упрямо твердил индеец, — особенно этот. Никогда не думал, что у бледнолицых могут быть такие прекрасные волосы!

И, поклонившись охотнику, Чуткое Ухо вошел в салон.

Граф бросил равнодушный взгляд на скальпы и, вздрогнув, с ужасом отвернулся.

Он узнал великолепные волосы графини де Малеваль. Несчастливая погибла под ножом жестокого индейца.

После венчания Изгнанник сказал капитану:

— Вас удивляет мое дружеское расположение к вам. Один из ваших родственников некогда затерялся в пустынях Нового Света. Допустите, что я сын этого человека, и полюбите меня в память о вашем родственнике.

Жан-Поль пожал графу руку и ушел.

Так графу и не удалось до конца жизни Изгнанника получить от него еще какие-нибудь сведения.

Много лет спустя Изгнанник был убит в сражении при Красной реке, где, по словам самого Вашингтона, две тысячи англичан потерпели позорное поражение и были разбиты шестьюстами канадцами. Ничто больше не удерживало графа в Америке, и он собрался вернуться во Францию вместе со своей очаровательной женой и сыном, незадолго перед тем родившимся.

Граф как раз поднимался на палубу корабля, который должен был доставить его в Европу, когда появился Берже и передал ему пакет.

— Что это, друг мой?

— От Жана-Поля, господин граф.

— Когда он отдал тебе этот пакет?

— В день вашей свадьбы, а передать просил сразу после его смерти или в день вашего отъезда. Моего друга нет в живых, а вы навсегда уезжаете, и я исполняю его последнюю волю.

— Благодарю!

Граф хотел вскрыть пакет, но Берже его остановил.

— Потом прочтете... Когда я уйду.

— Хорошо, мой милый Берже.

Граф уже в который раз попытался уговорить охотника отправиться в Европу.

— Что мне там делать? — сказал Берже, обратившись к Анхеле. — В ваших городах нет воздуха, нет неба. Я задохнусь. Прощайте, друзья мои... Я не могу жить без пустыни, без леса. Прощайте, господин Луи! Прощайте, графиня! Прощайте, маленькая Анхела, будьте счастливы!

И, смахнув две предательские слезинки, катившиеся

по его загорелым щекам, он вострепнулся, вскинул ружье на плечо и ушел в сторону леса, где скоро исчез.

Граф вскрыл пакет.

Вот что было написано в письме:

«Я ревновал!.. Не будьте же вы ревнивым, как бы ни любили мою дочь! Я жил в том же мире, что и ваш отец, Луи... Из ложного подозрения я убил его, вот почему не мог называть вас сыном и очень мучился. Безумства юности заставили меня покинуть родину. У меня не хватило сил разрушить счастье дочери и ваше, и я не знаю, прав ли я, что не сделал этого.

Простите меня!

Я уношу эту ужасную тайну с собой в могилу.

Ангела даже не знает своего настоящего имени.

Вы можете сообщить ей его. Простите еще раз.

Жан-Поль Изгнанник, герцог де Сент-Эрам».

— Что с тобой, Луи? — спросила Ангела, заметив, как муж побледнел.

— Ничего, дорогая, — ответил граф, разорвал письмо и бросил клочки в море.

Канадские охотники шаг за шагом отстаивали независимость Новой Франции.

После того как Канада пошла на уступки, они не желали терпеть британское иго, массами покидали деревни, бросая все.

Охотники ушли в пустыню, к индейцам.

Постепенно они переняли обычаи краснокожих, оказавших им радушный прием. Единственная драгоценность, которую они берегли, был французский язык, наследство, завещанное предками.

Самые смелые лесные бродяги, неустрашимые исследователи — все канадцы.

Если спросить, к какой нации они принадлежат, они с гордостью ответят: «Мы — французы». И это справедливо!

Право быть французами они купили дорогой ценой.

Ценой крови, пролитой на полях сражений.

СОДЕРЖАНИЕ

ФОРТ ДЮКЕН	5
АТЛАСНАЯ ЗМЕЯ	147

Г. Эмар

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Том 15

Редактор *Э. Пономарева*

Корректор *А. Ключкова*

Компьютерная верстка *Ю. Диалент*

ЛР № 030129 от 02.10.91 г.

Подписано в печать 11.02.95.

Уч.-изд. л. 17,30.

Издательский центр «ТЕРРА». 109280,
Москва, Автозаводская, 10, а/я 73.

Scan Kreyder - 03.12.2017 - STERLITAMAK

